

МАРИНА СЫЧЕВА

Нарисованные

двери

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С95

Сычева М.

С95 Нарисованные двери: роман / М. Сычева. — Ростов н/Д: «Издательство БАРО-ПРЕСС», 2011. — 352 с.

ISBN 978-5-94004-362-1

Роман следует «семейной» теме и в дневниковой манере изложения представляет хронику ростовских семей. В романе затронуты нравственные проблемы педагогической, врачебной практики, современного театра, психологического взросления человека в реалиях рокировки ценностей разных поколений.

Роман — своеобразный призыв не бояться менять свою жизнь и собственное «Я». Главная героиня Маргарита в «среднем возрасте» и в расцвете творческой карьеры под влиянием личной драмы уходит из театра и постигает романтику школьного учительства. И хотя ее жизнь построена на аналогиях, они равны только в части общности ситуаций.

Рядом с Маргаритой появляется талантливый нейрохирург Игорь, который обретает в ней родную душу и желанную женщину. Однако брак Игоря и Маргариты откладывается...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-94004-362-1

© Сычева М., 2011
© Оформление: «Издательство
БАРО-ПРЕСС», 2011

Предисловие

Раньше я жила на Крайнем Севере и работала в издательстве одной городской газеты. Мое паспортное имя — Юлия Жанкина — коллеги быстро переименовали в Южанкину, но это не обижало, а иногда даже приносило свою пользу. Когда готовилась к публикации не одна моя статья, я, варьируя свои языковые средства, подписывала часть статей солнечным псевдонимом.

Может быть поэтому я не исключала приятный вираж своего житейского предназначения и всегда хотела улететь в теплые края и поселиться где-нибудь на юге страны.

А еще больше я мечтала просто писать прозу. Несмотря на престижность службы в СМИ и на факт признания публицистических успехов. Да и в силу утраты социального-значимого положения жены.

Наконец, я вырастила дочь, выдала ее замуж, сама вышла на пенсию по выслуге лет, и у меня появилась возможность осуществить свои планы.

Из всех южных городов я выбрала Ростов-на-Дону.

— Почему в Ростов? — спрашивали меня друзья. — Если уж так кардинально все менять, то лучше к морю!

Не знаю, почему. Когда я была там проездом, город оставил хорошее впечатление. Я как-то прониклась скрытыми смыслами и приняла его стремительность и общность как свою малую родину.

— Не преувеличивай! Какие там смыслы?! Город как город, как все южные купеческие города.

Почему думают, что все южные города на один лад?

Впрочем, одно общее сходство, надо признать. Они тесные. Потому что такие города люди обживают всерьез и надолго. Они живут там столетиями и фамилиями, становясь, если не родственниками, то знакомыми. Вот, например, в понедельник, спеша на работу, вы торопитесь, спотыкаетесь об угол выступившей тротуарной плитки и... ругнувшись, с трудом удерживаясь на ногах, вы обязательно помянете того, кто эту плитку здесь так неаккуратно уложил. Но уже в воскресенье вечером, сидя в шашлычной компании, вы вдруг узнаете, что плитку на улице такой-то укладывало предприятие такое-то, коим руководит ваш новый знакомый за этим столом. А у него такая улыбка, такое чувство юмора и такая судьба! Держа в руках бокал пива, вы, возможно, и вспомните, как чуть не убились на этой улице, но высказаться вслух уже не торопитесь. Зачем же обижать хорошего человека?! А потому снова спеша утром на работу, вам покажется, что плитка положена отменно, и вы с удовольствием вспомните руководителя предприятия такого-то. Созерцание человека — это диалог.

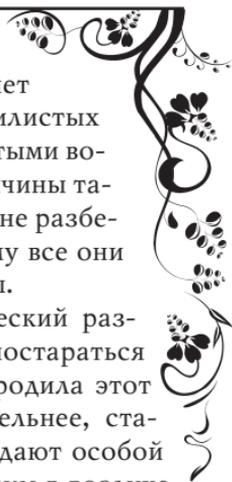
Но есть еще одна особенность города, смысл которой понятен не сразу, — она-то и отличает его от других городов. Это какая-то торжественная столичная важность. Ее не надо равнять ни с московской, ни с питерской помпезностью. Она не суетлива и не чопорна. Она естественна.

Широкое дорожное полотно проспектов в четыре линии машин разделяет два потока людской реки. Нет узких извилистых тупиков, заканчивающихся наглухо запертыми воротами. Есть улицы-реки. Не чувствуя причины такой планировки, некой тенденции города, не разберешься, почему такая ширина улиц, почему все они уверенно параллельны и перпендикулярны.

Многие видят в этом решении купеческий размах и повседневную реальность. Но если постараться разгадать старую задумку, которая и породила этот замысел, то есть присмотреться внимательнее, станет понятно, что ростовские тракты обладают особой энергией, многосотлетним духом, витающим в воздухе донской столицы. Проспекты города широкие как сама степь, напоминают об исконном образе жизни казаков, а может скифов-сарматов, без конного снаряжения и ратного промысла немислимом. Улицы — это архитектурное выражение пространства выбора.

Нет давно той лихой конницы и государева тягла, никто не делит служилый люд по казачьим разрядам, но, стоя в начале проспекта, кажется, что вдалеке вот-вот покажется черная линия храброй кавалерии. Ища славы целыми реками крови, понесется она так стремительно, что сметет с пути всех неосторожных ротозеев и мещан, а с ними приметы мирного времени и исторические преграды. В этих отзвуках былых созидательных сил и есть истинное ощущение города. Его важность — в судьбах людей, в их семейных тайниках, в их портретах.

Я живу на Ворошиловском проспекте, и окна моей квартиры смотрят на речной простор Дона. О большой квартире здесь говорят: «Конем ходить можно», хотя по моей «двушке», пожалуй, конем не пройдешь, зато

есть другие преимущества. Мой дом стоит на вершине высокого склона реки, утопая в обилии растительности. Я приехала в пору золотой осени, когда теплый октябрь окрасил в желто-красные тона все улицы, дома, увитые ползущим к верхним этажам диким виноградом, и даже донскую воду, обретшую теплые краски осени, и первое время не могла оторваться от окна, наблюдая текущий поток золота, отороченный ярко-зелеными полосками газонной травы. Здесь в декабре на газонах зеленеет трава.

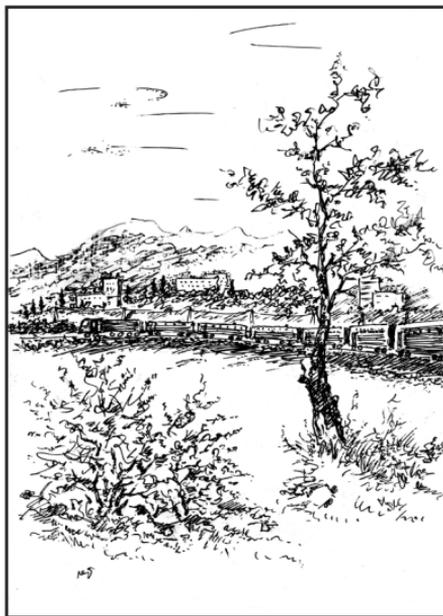
Говорят, что надо выбирать не дом, а соседей. Мне повезло и с ними. Маргарита и Игорь Воронцовы, мои соседи по лестничной площадке, оказались очень интересными людьми, совсем недавно пережившими сложные коллизии романтической истории любви. Они коренные ростовчане, я иногородняя, но так как мы одновременно стали жильцами этого дома, новоселье отмечали вместе. Тогда мы собрались за столом и в разговорах о жизни незаметно провели всю ночь.

Узнав, что я собираюсь написать роман, Маргарита принесла мне свой дневник со словами: «Напишите об этом. Пусть для кого-то наша жизнь станет уроком, а наша семейная история научит различать счастливых и несчастных, а если необходимо, без боязни кардинально менять все в своей жизни».

Дневник Маргариты и наш ночной разговор помогли написать первый роман.

P.S. Поскольку читатели всегда ждут возвышенной прозы, все главы предваряются мудростью небесной.

*Глава 1.
Дневник
Маргариты
Сергеевой*

*Когда разворчишься, то укори себя, скажи:
«Окаянная! Что ты расходилась, кто тебя бо-
ится?»*

Преподобный Амвросий Оптинский

Июнь, 2002 год

«Летний солнечный и очень жаркий вечер палит тревожным настроением предстоящей дороги. Мне непривычно уезжать из дома одной. Я не хочу садиться в душный поезд с незнакомыми людьми, ехать в совершенно незнакомый город, в санаторий. Кисловодск близко, всего одна ночь пути, но я буду далеко от привычной обстановки своего быта, своей квартиры, своей семьи.

Устала за год. Хочу покоя, но не такой ценой...

Ни за что не поехала бы отдыхать одна! Но нашей семье этот отдых просто необходим. Ему от меня, а мне от него. Мы так придумали. Вернее он все устроил с горячей путевкой, и мы решили дать еще шанс нашему браку.

Нет, он не будет ревновать. Какие глупости! После стольких лет семейной жизни давно пора освежиться. «Даже если и произойдет какой-нибудь банальный курортный роман, это только на пользу», — он, наверное, так сейчас думает.

Опять лихорадка вокзала, противный запах гари и дурацких нечистот, огромные баулы, тачки носильщиков, бегущие за родителями дети, толпы спящих пассажиров. И над всем этим гомоном женский голос, многократно усиленный и висящий в воздухе, повторяет дважды: «Поезд триста сорок три Киев-Кисловодск прибыл на второй путь».

Билет, который муж взял мне второпях, оказался без обозначенного места. Еще придется искать свободную

полку. Хоть бы было место на нижней полке и с нормальными людьми!

Мы почти бежим по платформе. Конечно, надо ведь было приехать с работы не впритык. Вечно он так! Поезд проходящий и уже прибыл, и стоять будет всего десять минут. Проводник вагона останавливает наше стремительное движение медленным голосом и нарочито замедленно начинает проверять билеты.

— Проходите в четвертое купе. Провожающим поскорее освободить вагон: скоро отправляемся, — говорит он, оценивающе оглядывая моего супруга.

Мы влетаем в вагон, вот оно это купе. Но там уже хозяйски и, по всей видимости, давно расположились трое мужчин. Для меня осталась только верхняя полка. Я в полном шоке — трое мужиков и я на верхней полке! Ну хоть назад беги, но Владимир обращается к одному из них, сидящему справа от окна. Тот, широко улыбаясь мне, молча перетаскивает свою дорожную сумку наверх.

— Когда приедешь, позвони. — Он ставит мою сумку на нижнюю полку, берет у меня из рук пакет и приспособливает его рядом. Глянув с едва уловимой усмешкой, он машинально чмокает меня в щеку.

— Пока. — Я смотрю на него с обидой.

— Да все будет хорошо. Настройся на отдых. — Он кажется спокойным, но говорит очень торопливо.

— Аккуратней в дороге, у тебя ведь завтра не ближний путь, да еще на машине. Когда ты собираешься выезжать? — мое сердце сжимается при мысли о том, что какая-то центробежная сила разносит нас в разные края: я в Кисловодск, муж в Винницу, бабушка с Алешкой на дачу.

— Сразу после твоего звонка. — Еще один поцелуй, и он направляется к выходу.

Я выглядываю в окно. Володя идет на платформе, его высокая спортивная фигура выделяется из толпы. Повернулся, еще раз махнул ладонью.

Как быстро поехал поезд. Он уже отстает, люди плывут рядом с поездом, и я вижу его удаляющуюся спину».

«Мы с Володей прожили шестнадцать лет. Это не год, и не пять, и не десять. Все наши радости и печали слились в единый поток жизни, который на каком-то непредсказуемом мудрецами этапе кажется серым и безрадостным. Именно тогда, в эти моменты смятения души, становится жалко себя и не находятся оправдания его даже самым безобидным шуткам и поступкам. Все на автопилоте — от утреннего будильника до последнего нажатия клавиши на пульте телевизора. Жизнь идет в подзвучке теленовостей — привычные обязанности, традиционная закупка набора продуктов на неделю, машинально накрытый к ужину стол, школьные задания. Мы есть, и словно нас нет. Мы как роботы или как бесплотные тени ходим по квартире, ускоряя ход отпущенного нам времени.

Даже когда он уезжает в командировку, я ставлю на стол его тарелку. Сын удивленно спрашивает при этом: «Мы кого-то ждем?» Романы, прочитанные наспех, просмотренные мелодрамы разнообразят серость быта и отвлекают от внутренних мыслей, оставляя на поверхности ворох пестрого разнообразия суеты. Причем прожитые дни не видятся такими уж обывательскими.

Сын улавливает все движения наших душ, активно пытаюсь вторгнуться в их путаницу своим здравым жела-

нием все соединить и сгладить наилучшим образом. Он не пессимист, но эта общая тревога, охватившая наш брачный союз, приводит его в отчаяние. «Везет же людям, Соколовы взяли и все вместе уехали на море», — бездонные глаза полны надежд. Ему уже пятнадцать. Когда Алешка был совсем маленьким, на семейных прогулках никогда не вырывал свои ручонки из наших — одну тянул мне, а вторую папе. Телесного удобства ему в этом, наверное, не было, но зато душа оставалась спокойной».

«Я поворачиваюсь, чтобы сесть на свое место. После того как поезд тронулся с места, все успокоились. Знакомство с попутчиками не оказалось примечательным.

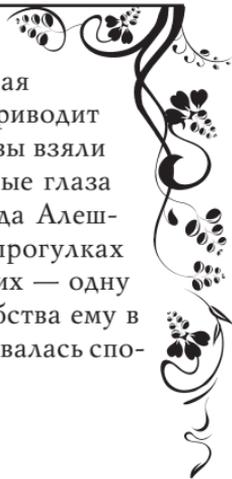
— Рита.

— Сергей Иванович. — Плотный человек в шортах и сандалиях, уверенно опершись на столик локтями, протирает свои очки. Этот добряк будет каждый день пить минеральную водичку.

— Коля. — Он опять широко улыбается мне, разглядывая меня с верхней полки. Совсем не жалеет об утерянном месте внизу. Он умеет нравиться, и, наверное, знает, что нравится женщинам. И наверняка обласкан ими.

— Владимир. — Это совсем не мой Владимир. Закомплексованный какими-то важными мыслями или одной — о работе. Даже не посмотрел вниз. А может быть, просто напускает на себя эту важность.

Ловлю себя на мысли, что невольно проделываю свои привычные упражнения. Я актриса, и профессиональная привычка оценивать особенности людей помогает мне

находить характерные образы. Главное, не проговориться об этом здесь. Все трое сразу подумают, что я принадлежу «к богеме», и начнется «эстетика восхищения» или, попросту, выпендрёж.

Первая минута напряженности прошла, теперь всем хочется устроиться поудобнее. Я смотрю в окно на проплывающий пригород Ростова — станционные здания, занесенные пылью постройки, зеленая зона. Мне досадно, что я не настояла на своем мнении и согласилась уехать. Ну и физиономия у меня сейчас, наверное, злющая-презлющая. Даже не заметила, как начала покусывать ноготь на мизинце. Черт! Свежий маникюр... и грязь кругом.

— Угощайтесь. — Николай протягивает небольшую пластиковую коробочку с леденцами.

Он уже сидит напротив, и его взгляд совершает путешествие от лица к моим наскоро заколотым назад светлым кудряшкам, по смятой под ремешком белой рубашке до носков туфель... Да, да. Вида нет, конечно.

— Вас провожал Ваш муж? — мне кажется, он пробует свое мастерство.

Я молча кивнула, но отказалась от предложенного угощения и снова отвернулась к окну.

— Интересный мужчина, — настойчиво продолжает он разговор.

Какой необычный комплимент! Слушай, Владимир Петрович, ты интересный или нет? Вообще-то чаще всего сердцееды начинают с личностных качеств женщины. Ну и Николая!.. Что ж, придется поддержать беседу:

— Он еще умный и деловитый.

— Рад познакомиться со счастливой женщиной!

Интересный ход и... дальновидный. Я невольно улыбаюсь. Никаких претензий на свободу и слезы благо-

дарности за безграничное внимание. Господи, да что же я так раздражаю себя! Нормальный парень, не сидит букой, уделяет мне внимание. Как умеет. Ему, пожалуй, столько же, сколько и мне, тридцать пять, а может, тридцать семь...

— Жарко в купе. Может быть, приоткрыть окно? — сладковатый запах подступает к горлу. Но лежащий на верхней полке Владимир уже сопит, а Сергей Иванович что-то невнятное мычит в газету. Достая из сумки недочитанный роман и пытаюсь углубиться в содержание. Жарко, неприятные запахи и мысли о доме.

И вдруг замечаю необычно пронизательный взгляд своего единственного собеседника. Зрачки его глаз сузились и остановились на мне. Он заглядывал мне в глаза, нет прямо в душу, словно желая понять, с какого момента ему начать разговор. Я встала и вышла из купе. Нечего тарашить на меня глаза!

На другой стороне дороги плывут небольшие станции. Домики, смотрящие окнами на железнодорожное полотно, провожают поезда по много раз на день.

Последняя театральная постановка, может быть, и дала позитивные эмоции и мысли тем, кто ее смотрел, но вырвала у меня кусок души. Наш режиссер говорит, что зрителю нужны только комедии. Зритель устал от жизни и в театр он идет, потому что хочет уйти от забот. Зритель хочет радости, и актеры должны быть жизнерадостными. Стало быть, счастливыми. Моя героиня совсем не такая по характеру, как я, и эта роль, хоть и не главная в пьесе, давалась особенно тяжело. Наверное, поэтому и не стабильно звучала роль — то удавалась органично, то

с большой натяжкой на правду. Я же стараюсь быть счастливой! Господи, видишь ли ты это?!

Дверь купе осталась открытой. Я не заметила, когда Коля появился рядом со мной у окна.

— Хотите, я расскажу Вам о Вас? — спрашивает он, глядя на меня.

— Не хочу. Во всяком случае, от Вас, — отвечаю машинально ядовито. Теперь он кажется мне намного старше, чем там, в купе. Абсурд какой-то. Я снова пытаюсь оценить его возраст, но... не могу. Мгновенно появляется мысль: «Разве возраст имеет значение?». Господи, с кем же я сейчас говорю? Кто он такой? Почему он держит меня своим разговором?

— Вы меня считаете навязчивым? — Добавляет он еще один вопрос к уже имеющимся в моей голове, но теперь я точно знаю, что это не флирт.

Я молчу. Он не навязчивый, а сумасшедший. Я опять успокаиваю себя тем, что люди разные, и сейчас не время ругаться и выяснять отношения, особенно с таким подозрительным типом. Мое упорство показалось мне нелепым:

— Не обращайтесь внимания, настроение у меня сегодня неважное.

— Я Вас понимаю: непонятное всегда рождает подозрение. Кроме того, это дело обычное: любое проявление чувств люди встречают с подозрением и усмешкой. Вот Вы сразу подумали о флирте. А я о нем и не помышляю. Просто хочу поддержать Вас в трудную минуту.

— Вы недавно назвали меня счастливой женщиной... Теперь засомневались? — Разговор идет с большой натугой. С моей стороны.

— Вы могли бы быть таковой, но Вы не цените то, что имеете. Счастье — это абстракция, если Вы не постигли

его сути. Вы ведь не хотите разводиться с мужем, правда? Вы как-то по-своему любите его, а между вами что-то не клеится. А виноватым, конечно, считаете его. Не удивляйтесь, такие умозаключения у женщин встречаются часто.

Я остолбенела. А он спокойно продолжал, уже не глядя на меня:

— Инерцию эмоций — вот что Вы заполучили. И не можете остановить эту инерцию. И рады бы, да не получается. Вот и едете теперь одна. А потому что потеряли свой статус любящей женщины.

— Любимой, Вы хотите сказать?

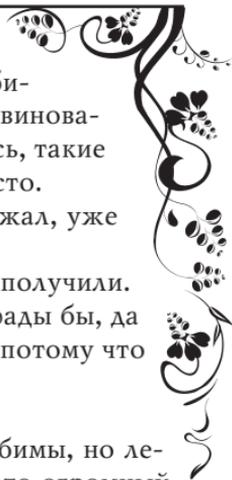
— Нет, любящей. Я думаю, что Вы любимы, но ленивы, и не хотите понять, что счастье — это огромный труд.

Все мое тело как будто бы придавило к стеклу. Он понял это и улыбнулся:

— Мне постоянно приходится корректировать взаимоотношения между людьми. Я... психолог. И не могу смотреть, как Вы мааетесь.

Стоя в коридоре и глядя во тьму ночи, мы проговорили до самого утра о превратностях судьбы и о смелости духа, способного отойти от стереотипов. Я и предположить не могла, что эта «случайная» встреча перевернет мои представления о жизни. И почему именно сейчас я увидела свои ошибки? Ведь это было очевидно: каждая так называемая случайность предопределена и имеет свои последствия, которые зависят от качеств и желаний души. А он видел насквозь меня. Реплики его были немногословны, но как-то удивительно точны и образны. Я буду вспоминать его суждения, находить глубину их смысла и совсем иначе смотреть на вещи.

— Уже почти пять утра.

Я молчу, но это молчание спокойствия. Тишина в вагоне изредка прерывается хлопающими дверями купе. Люди просыпаются, собираются к выходу на станции Минеральные Воды. Мы подъезжаем к Кисловодску. Я даже не спросила, куда он едет — отдыхать, в гости, по делу. Невнимательная растяпа! Он зашел в купе и собирает свои вещи. А мне и собирать-то не надо. Вот это поездка! У меня, наверное, круги под глазами, лицо утомленное. Надо умыться, причесаться.

Поезд прибыл на пустую платформу. В вагоне осталось немного людей, поэтому все вышли спокойно, без лишней толкотни и суеты. А может быть, и я видела теперь этих людей по-другому. Николай помог вынести из вагона мою сумку и остановился.

— Я желаю Вам найти себя! — Он мягко пожал мою руку.

— Я постараюсь...

— До встречи!

— Всего хорошего! — ответила я на его широкую улыбку, даже не подозревая, какие испытания меня ждут впереди».

«Утренний вокзал был немногочислен. Автобус, на переднем стекле которого написано название моего санатория, довольно быстро довез до цели.

Мы подъехали к уютному белому зданию, окруженному опрятной строгой оградой, затейливыми клумбами южных цветов и чистыми дорожками. Трехэтажное здание сталинского ампира с вытянутыми в высоту и обрамленными рельефом окнами и было приемным отделением. Вместо названия на этом здании следовало

бы написать коротко: «Рай». Во всяком случае, мой настрой сегодня именно на это место под солнцем.

Оформление документов в порядке очереди, но моя — еще не подошла. Рядом телефонный аппарат — надо позвонить домой.

Гудки звучат недолго, значит, не спит, ждет звонка. А может быть, полным ходом идут сборы в дорогу. Момент — и я представляю, как он подбегает к телефону, вижу нашу квартиру и... скучаю.

— Привет, это я. — Вот-вот, защемило сердце от знакомого «Да».

— Как ты? Уже на месте? Все в порядке?

— Да, все хорошо. Оформляюсь на поселение.

— Как там погода? — Он произносит это таким голосом, как будто не было того недельного молчания и позавчерашнего разбирательства, и это не мы ссорились в очередной раз.

— «Воздух чист, прохладен и сух», — заглядываю в рекламный проспект санатория и отвечаю ему в тон. — Честно говоря, хочется достать из багажа ветровку.

— Ничего себе. А у нас уже с утра духота.

— Как же ты поедешь по такой жаре?

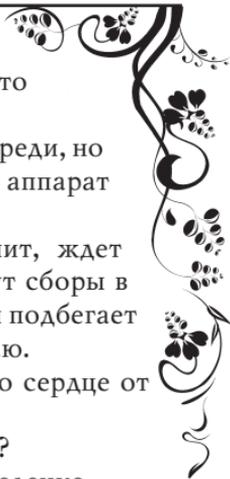
— А что мне! В машине по дороге не жарко.

— Ты пробудешь там весь месяц?

— Ну, ты опять сначала. Родителям же нужно помочь.

— Все, все, ладно, все равно уже ничего не изменишь.

— Так, ты отдыхай и не думай обо мне и наших проблемах. — Он пытается закончить разговор на дипломатической ноте.

— Я желаю тебе счастья, — почему-то очень нежно говорю я, а потом добавляю — и скорее приезжай домой.

— Ладно, пока.

— Пока...

Вот и все. Теперь надо привыкнуть к новым обстоятельствам».

«Сначала я воспринимала Владимира целиком, без остатка и осадка. Мне нравилось в нем абсолютно все. Графические черты лица, прекрасный лоб, очерченный линией густых, бархатных бровей, прямой нос, нежный рот и удивительные почти библейские глаза — удлинённые и выразительные. Мимические морщинки около глаз и густые ресницы подчеркивали эту красоту. В этих глазах что-то вроде детского удивления и одобрения. Они — то серого, то голубого, то насыщенно-синего цвета, но всегда попадаешь под их обаяние. Господи, как они красивы!

Волосы пышные, темные и всегда аккуратно уложенные, сейчас отливают блеском и очень ранней сединой на висках и на лбу. Высокий рост и стройная, по-юношески изящная фигура, сохранила идеальный для мужчины тридцати девяти лет вес.

От его тела всегда пахло особым ароматом чистоты и даже изысканности. Когда он говорит, иногда улыбаясь, у него это очень красиво выходит.

Постепенно в этот образ стали проникать недостатки. Да и я стала чаще видеть морщинки недовольства и скептические складки вокруг рта. И вот уже взгляды каждого

из нас, часто устремленные в сторону и не отражающие восторга жизни.

— Ты опять поздно. Мы ждем, как в карауле.

Где ты был?

— А что?

— Как «что». Я волнуюсь. Ты можешь позволить, когда задерживаешься или нет?

— Тебе что, нечем заняться?

Вопросов больше, чем ответов — яркое свидетельство того, что мы хотим спорить. К сожалению, это не первая сцена с Владимиром. Если раньше мы смотрели на мир одинаково, то теперь мы оба видим его по-разному. Кто знает, когда началось это самоедство?»

«Здравствуй, дивная природа! Какой аромат! Вся листва, весь воздух и трава полны силы. Я стою перед корпусом номер два, меня направили сюда, и здесь я буду жить. Наверно, мне будет хорошо здесь...

Интересно, куда мне сейчас идти?

Комната на третьем этаже весьма просторная. Две кровати. Рядом с одной из них вещи, значит скоро придет моя соседка. Кровать у окна. Интересно, почему она не выбрала ее? Она же удобнее той, что у стены. Вид из окна... Похоже, это должен быть фонтан, но он еще не обрел своего окончательного вида. Цветы здесь везде, даже, считай, на стройке. Стол с положенным графином и стаканами и два стула. Туалет и ванная приятно удивляют чистотой и светящимся белым кафелем — все, что нужно для счастья.

Моя соседка беременна, на втором месяце. И токсикоз у нее серьезный, рвет по утрам постоянно. Говорит,

что поездка на месяц в санаторий поможет ей сохранить ребенка от мужа, не желающего быть отцом. Через месяц аборт будет делать уже нельзя, вот она и приехала пересидеть здесь опасный период. Чушь какая-то! Чего только в жизни не бывает!

Везде хожу одна. Каждый день — парковый: вперед по терренкуру!

Была в домике Федора Шаляпина, поднималась по заросшим травой крутым ступенькам бывшего особняка Кшесинской. Да, под горой Машук и мысли другие. Высокые и неспешные. Мысли прошлого.

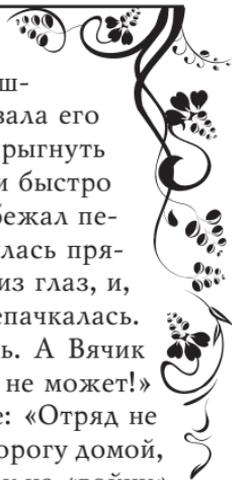
А этот дом точь-в-точь похож на тот, в который мы переехали с родителями. Но сначала я помню его недостроенным. Тогда строили не так быстро, как сейчас. Вот и эта стройка летом обросла травой, и по вечерам превращалась для детей нашей округи в «поле войны». В «войну» мы играли дружно — девочки и мальчики.

«Война» — самая романтическая игра, которая могла длиться весь вечер и продолжаться на следующий день. Родители не боялись нас отпускать из дому без присмотра, время было другое. После патриотических советских фильмов мы все фантазировали себя в самых героических ролях. С экрана говорили «в жизни всегда есть время подвигу», и мы свято верили в то, что когда-нибудь настанет время и нашему подвигу. Я мечтала стать военным врачом примерно с семи до девяти лет. Соседка, врач-гинеколог (!), подарила мне для «осуществления» этой мечты целый набор ненужных ей хирургических инструментов — зажимы, щипцы, пинцеты, шприц и все такое. А что еще нужно, чтобы почувствовать себя подготовленной к «войне» на все сто (особенно, если не знаешь, что означает слово «гинеколог»)?

Как-то раз командиром нашего отряда стал славный белобрысый мальчишка Вячеслав, на год младше меня, мама звала его Вячик. По его команде мы должны были прыгнуть через недостроенный кирпичный пролет и быстро бежать вдоль стены постройки. Все, кто бежал передо мной, прыгнули удачно, а я навернулась прямо с разлета. От боли слезы покатались из глаз, и, вытирая их грязными руками, я вся перепачкалась. Мальчишки смотрели на меня и смеялись. А Вячик сказал: «Хирург, а плачет, и помочь себе не может!» Они побежали дальше, точно, как в песне: «Отряд не заметил потери бойца». А я плакала всю дорогу домой, и мне казалось, что «наши» меня «убили» и на «войну» больше никогда-никогда не возьмут.

Надо же, прошло столько лет, а я по-прежнему вспоминаю свою первую неудавшуюся роль. Интересно, что за все время работы в театре у меня никогда не было роли медработника, например, в спектаклях военной тематики».

«Отвлечься не получается — мысли одна за другой. По-другому видятся и наши отношения с Володей. Теперь они кажутся только копией настоящей жизни. Мы кричим, но каждый слышит только себя. Мы усложняем всё сами, донимая себя хозяйскими добродетелями, хотя всё перед тобой на вытянутой ладони. Но ты привычно отмахиваешься: этого не достаточно, нужно еще что-то. Мы сами себя тираним своими надуманными предположениями и умозаключениями. Мы субъективно видим то, что на поверхности, а не в душе.

С Володей мы познакомились на новогоднем вечере в военном училище, когда он был курсантом. Честное слово, он меня очаровал своими взрослыми глазами. Мы весь вечер переглядывались и старались понравиться друг другу, а когда танцевали, я почувствовала очень трогательную заботу и надежность.

Поздно вечером он провожал меня домой. Мы вошли в подъезд, и тут надо было просто сказать «до свиданья». Зачем я повернулась, когда уже поднималась по лестнице? Потом я сбежала по ступенькам вниз, и, зная, что он не оттолкнет меня и не наговорит грубостей, обняла и поцеловала его. Не помню, как он подхватил меня на руки, в тот момент я вдыхала аромат его духов, ощущала тепло его тела, и мои мысли неслись в сиреневую даль. Он, целуя, нес меня к дверям моей квартиры, и слова о любви были нам совсем не нужны. Могло ли быть иначе в девятнадцать лет?

Ухаживать он умел! Заигрывания одноклассников после встречи с ним — это, боже мой, ничто!»

«По вечерам моя курортная соседка никуда не выходит, чтобы не простудиться. Томясь привычным бездельем, она вяжет крючком салфетку, причисляя меня к своим единомышленникам. Я невольно составляю ей компанию.

В санатории по вечерам положен кефир, но мы с Татьяной тайком от медперсонала (там он, ух, как вышколен!) кипятим себе воду прямо в кувшине для воды.

— Как ты в этом театре работаешь? Там же бардак, небось?

— Какой бардак, ты что? Работа как работа. Ну, творческая. И я ее очень люблю. Не знаю, чтобы я еще делала в жизни. Театр — это все!

— Домой, наверное, поздно приходишь? — прищуриваясь спрашивает она, и чувствуется, что театр для нее, работающей где придется в военных гарнизонах, — это далекая сказка.

— Когда как. Когда пораньше, а когда и до позднего вечера.

— Платят вам там хорошо?

— Обычно. Как инженерам, учителям и врачам. Да жить можно.

Она смеется и добавляет:

— Это существовать можно. Ну а муж-то тебя понимает?

Я хотела ответить сразу «да», а потом от неожиданности вопроса ответила:

— Да, не знаю. Наверное.

— Дети есть?

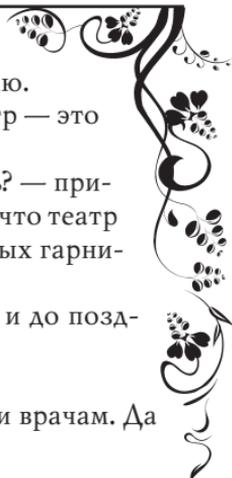
— У меня сын Алешка пятнадцати лет, хороший парень.

— А мужик-то твой занимается с ним? — так как моя собеседница из средней полосы России, допрос происходит с распеваем каждого слова. Она говорит, словно воркует, непривычно заворачивая концы слов. — Па-ацан все-тки уже бальшо-ой.

— Сама понимаешь, со службы возвращается поздно. А по воскресеньям, если на стадионе футбол — они на футбол ходят...

— Ну, тебя-то он, конечно, на руках носит?

— Да когда ж ему носить-то меня, — нарочно распеваю слова на ее диалекте.

— Да-а-а, вот жизнь у тебя, Ритка, — стих, да и только! А у меня — одна проза.

Мне становится жаль ее:

— Тань, ну, раз пообещал, то все равно ничего путевого из этого не выйдет. Зачем так мучить себя в другом городе? А если не полюбит он этого ребенка, что прятаться-то?

— Полюбит, особенно если будет девочка.

— Почему девочка?

— Девочек отцы любят нежнее, чем сыновей. У меня родители живы-здоровы, помогут, если что.

— Уговорить его остаться с тобой, что ли?

— Что ты! ребенка вырастить. Мне не надо ничего от него, кроме ребенка. Это уже подарок судьбы. И это мой шанс. А муж мой... Вольному — воля, спасенному — рай! Как решит, так пусть и живет.

Так просто и быстро она выразила то, что в романах описано на сотнях страниц.

— Тань, сколько тебе сейчас?

— Вот опять же — тридцать семь. Видишь, и возраст у меня поджимает. И не красавица... Ты вон — красивая, даже не накрашенная, юбку короткую носить можешь. А я, посмотри, ну, разве я выйду когда-нибудь еще замуж? — Татьяна подходит к зеркалу, задирает юбку и нещадно кривит лицо.

Серьезность ее умозаключений тут же переходит в бытовую плоскость:

— Сделаем еще чай, а? По-моему, в коридоре тихо, никто не зайдет и кипятильника не увидит. Утром есть ничего не хочется, зато перед сном — такой жор!

Потом и этот чай остывает в стаканах, но Татьяну не остановить...

Впрочем, дни здесь однообразны и вечера тоже. Но это однообразие не тоскливое, за счет роскошествующей природы и настроения отдыхающих. Особенно по вечерам — раздаётся смех, на улицы выходят гуляющие парочки и компании. Город расцвечен красивыми одеждами и благоухает французскими ароматами. «Кисловодск — город любви», — так говорят здесь все».

«Алешка появился на свет в один день вместе с назначением Володи. Очень дорогой подарок — и всё.

Он был желанным ребенком. Возможно, поэтому всё в доме закрутилось возле малыша. Все вопросы, которые он задавал в свои говорливые два года, воспринимались как райская мелодия.

— Мама, а когда Володька придет? — спрашивал мой сынишка, когда папы не было дома. И эта фамильярность просто чудо!

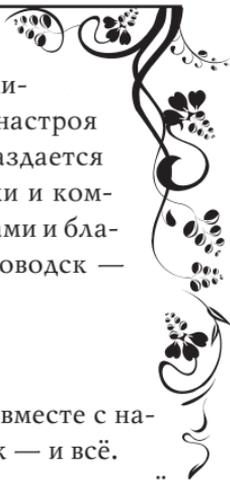
Алешке до сих пор нравится сидеть с нами на кухне допоздна. Однажды вечером, когда ему было пора ложиться спать, я аккуратно, чтобы не вызвать бурю негодования, намекаю Володе на то, что нужно перемещать малыша в спальню:

— Алеша, наверное, устал сегодня, много гулял...

Глядя на папу серьезными глазами, Алешка тут же добавляет:

— Я же человек, а не собака, сам должен понимать.

В школу Владимир не ходит. Был один раз и попал по ошибке в другой класс, к другой учительнице. Та подо-

шла к нему, спросила фамилию и пристыдила, что до сих пор не знает, в каком классе учится его сын.

Дома мы всё перевели в шутку, как будто, так и должно было быть. И Алешкиным образованием с тех пор занимается бабушка — моя мама. Она пытается каким-то образом помочь нам, разгрузив от сложностей воспитания ребенка в условиях нашего периодического противостояния.

Перед моим отъездом в Кисловодск мы вместе придумывали правдоподобные объяснения моим «гастролям». Мы плохо знаем своего ребенка. А он чувствует нас:

— Мама, вы что поругались?

Его не останавливает мое молчание, он продолжает:

— Вы решили разойтись?

Логичные доводы рухнули в одночасье. Сын стоял между нами как главная фигура нашей жизненной пьесы. Ничего не надо объяснять, пока пусть будет ложь во спасение.

— Не фантазируй лишнего. У меня гастроли в Кисловодске, а папа — к родителям.

— Настырный какой,— одергивает Алешку Владимир.

— В отца, — язвлю я.

— Чем объяснить твою nastyрность? — пропускает он мимо ушей мою реплику.

— Сочувствием, — не по-детски мудро отвечает сын.

Скажи я еще слово, разразился бы скандал. А так — пустота и упрек самим себе».

«Кажется, у меня появилась подруга. Она совсем ничем не выделяется внешне — небольшого роста, коре-

настоя, круглая, с обескровленными губами — понятно почему, в очках и простом ситцевом халате. Она держит на блюде стакан заваренного травяного чая и шумно отхлебывает его мелкими глотками.

— Ритка, сегодня седьмое июня, — по-свойски обращается она ко мне.

— Да, я уже неделю здесь.

— Чокнутая ты. Сегодня вы поженились. Уже была, что говорила мне позавчера? Если бы я была на твоём месте...

— Тебе твои очки нравятся?

— Нравятся...

— Ну, вот и прекрасно, оставайся на своём месте и носи их на здоровье. А я хочу вот это печеньеце. — И я обращаюсь к чаю».

«Все уже передумано сотни раз. Наивность и нежность — все было. Было и разочарование. Нервные клетки умирают вместе с чувствами. Простая формула продолжения рода «я люблю тебя» превращается в нечто суетное и иное: «Ну, что ты, любимая», «Хорошо, любимая», «Принеси, любимая», «Положи, любимая»... Как и когда это происходит, кто знает? Говорят, что это происходит независимо от нас. Мир грез проливным дождем опускается в мир быта. И ты становишься счастливым человеком среди всех существующих и несчастным среди живущих.

— Нам надо хоть иногда куда-нибудь выходить. Я не могу, приходя домой, сидеть в четырех стенах или зани-

маться кухней. Это однообразно, понимаешь. Мне нужна смена обстановки.

— Да почему я должен ходить по городу и глазеть по сторонам? — не отрываясь от телевизора, злится он.

— Глазеть мы можем друг на друга. Ну что, пойдем, пройдемся? Или посидим где-нибудь?

— Нет, я никуда не пойду, я устал.

— Вот и отдохнешь.

— Не хочу и все.

Что остается? В очередной раз смириться или хлопнуть дверь? Правильно, если в очередной раз — значит, хлопнуть дверь!

Все, что происходит с нами, нами и рождается...

У офицеров временные критерии смещены. Годы жизни — это и очень много и очень мало, кроме того, они зависят от характера службы. Можно быть старым майором и молодым полковником. По возрасту, конечно. Душой, понятно, мы всегда по-детски наивны и молоды. Против его фамилии стоит скромное — подполковник. Он работает начальником отдела в конструкторском бюро, где всего один полковник — только командир. Это не строевая служба, поэтому армейские анекдоты и коллизии здесь не случаются. Здесь работают серьезные ребята над секретными проектами. Поэтому, пожалуй, его можно отнести к тем офицерам, что работают в белых перчатках. Бывают командировки в отдаленные гарнизоны. В горячих точках Владимир не был, но дома наготове стоял «тревожный чемодан».

Нельзя сказать, что после присвоения очередного звания он заметно поднялся по служебной лестнице, но и эта горизонталь продвижения его устраивала, добавляя основательности и оставляя профессиональный интерес к работе.

Его заикленность на своей работе не то чтобы раздражает меня, она какая-то беспросветная. Чего он боится? Моей некомпетентности? Я никогда и не лезла с советами, понимая, что вся эта инженерия — темный лес. Но существуют и другие стороны жизни.

— Кроме работы есть ведь еще и другая жизнь. Есть я, Алешка... Мы так и будем жить дальше?

Он смотрит в сторону, выпуская сигаретный дым, и говорит:

— Ты недовольна своим выбором? Конечно, разве это жизнь? От зарплаты до зарплаты, от спектакля до концерта, еще дом, заботы обо всех нас.

Мне становится не по себе от этих фраз, я замолкаю, стараясь загладить обиду и загнать ее подальше в душу...

Однажды ночью я проснулась от того, что он разглядывал мое лицо и перебирал рукой мои волосы. Я поняла — он не может заснуть, его что-то давит. Я хотела помочь:

— Ты не спишь, почему?

— Не спрашивай меня ни о чем!

Он притягивает меня к своему плечу и молчит. Я начинаю лепетать о каких-то бытовых глупостях, рассказывать о том, что было сегодня в театре.

— Вот зачем главреж взял на эту замечательную роль эту смазливую девчонку? Там должен быть ключом темперамент, почерк должен быть актерский, а не наигрыш.

— Неужели ты никогда не поймешь, что ваши театральные костюмы шьются не из высоких материй, а из сермяжки? Успокойся, если хочешь работать в театре, и давай спать.

Нет, он не понимает, чего я хочу. У него совсем другие заботы и мои кажутся ему детскими забавами».

«Тонкий цветочный аромат доносится с Долины роз, он парит над этим чудным городом, созданным для двоих. Почти две недели я вдыхаю этот прозрачный, прохладный, вечный и мудрый горный воздух, смешанный с ароматом цветов.

Утром я сажусь за столиком в пустом кафе где-нибудь возле нарзанной галереи, покупаю себе фисташки, наслаждаюсь ароматной, розовой, чуть сладкой «Сангрией» и чудесными пейзажами. Передо мной альбомные листы, карандаш и резинка. Я хочу сделать рисунки этих замечательных мест.

— Девушка, — моя левая бровь поднимается вверх от сомнительного для моих тридцати пяти комплемента.
— Давайте лучше напишем Ваш портрет в жанре «ню».
— Местный художник неожиданно останавливает мои мысли.

Ого! Не эликсир ли молодости я здесь распиваю? Нет, все-таки, наверное, он хочет заработать:

— И кому Вы его предложите потом?

— У Вас есть Ваш портрет?

— У меня есть мои фотографии, и нет необходимости в портрете «ню»!

— Почему? Фотографии — одно, портрет — это тоже память, но качественно другая. Вы знаете, что означает «ню»? — Он пытается жестом передать изгиб моей фигуры.

— Ага, игривый сюжетец — дама без всего отдыхает на скамейке в парке. А внизу подпись: «Для наслаждения пожилых эстетов».

Мы оба хохочем.

— Хорошо поживших эстетов, — смеясь, добавляет он, поглаживая свою лысину.

— И все-таки пусть эту эстетическую память обо мне оставляют мои близкие.

— Будьте счастливы, — кивает он мне, несколько не обидевшись на мой категоричный отказ.

Все желают мне стать счастливой. Я поднимаюсь по серпантину мимо санатория Серго Орджоникидзе. Храм Воздуха — божья благодать, да и только! Это райские кущи для мудрецов, здесь можно творить, можно любить, жить хочется!

В следующем сезоне у меня будет новая роль. Главреж пообещал точно: в «Женитьбе Фигаро» графиню. Старомодная галантность привлекает его, поэтому у нас в репертуаре — обязательно кто-нибудь из стариков. Партнеры подбираются хорошие. Поляков, Сухонина, Столецкий... народный артист Краснов. Краснов на роль графа Альмавива — уже в возрасте, но всегда очарованная душа. Он так всем и говорит: «Я всегда влюблен в женщину». Его спрашивают: «Краснов, сколько же у тебя жен?» А он отвечает: «У меня всегда одна жена. Но разная». Короче, меня в новом сезоне будут любить. На сцене, точно».

«Мне ужасно хочется уехать из этого живописного рая, потому что он не разделен с любимым человеком. Я не смогу пересказать ему счастье, я должна отдать

его. Теперь я вижу, что не могу расстаться с Володей, что жизнь моя без него немыслима. Можно прожить без восторженных слов, без цветов, но без домашнего уюта и тепла не проживешь.

Время, действительно, — лучший лекарь! Жизнь моя прочно устроена, у меня есть настоящая любовь, бескорыстная, прочная, а все остальное — мелочи жизни. Ни одного воспоминания о них не надо! Все они останутся в прошлом.

Билет мой только на конец месяца. К тому же месяц разлуки еще не прошел, остались две недели. Надо потерпеть еще совсем немного. Месяц — это всего четыре недели».

«Он и она, старики из соседнего номера, медленно и умиротворенно идут на водопой. Хоть часы сверяй. Мне все равно. Я люблю их всех! Я люблю весь мир, всех людей! Мне хочется сделать их всех счастливыми, чтобы хоть этим заплатить за мое огромное счастье!

Но сначала я должна обнять свою маму. Она — мой добрый ангел-хранитель, столько раз выручавший меня из плена моих заблуждений. А я, действительно, ленивая дрянь, принимала это как должное, без тех самых слов благодарности, от которых сама плакала, читая книги. У нее нет никого, кроме меня, а у меня, слава богу, есть она. Меня называют мамой, женой да еще и дочерью. Как хочется подольше сохранить эту ипостась.

Утро вечера всегда мудренее. Я поменяла билет на завтрашний день. Двух недель вполне достаточно в этом раю. Пора домой. Что сидеть-то просто так, на цветы смотреть.

Поезд полетит быстро. Прощайте, мои каникулы. Я поеду провести оставшиеся две недели отпуска со своими родными. Скоро приедет Володя».

«Дорожная сумка почти собрана. Не забыть бы домашние тапки. Так, здесь кисловодские сувениры, здесь спортивный костюм... В пакете — дорожный набор туалетных принадлежностей.

— Все собрала? — для уверенности спрашивает Таня.

— Вроде бы все.

Вечерний чай с моей соседкой Татьяной стал своего рода прощальным ужином. Зная, что не встретимся больше, мы обменялись адресами, телефонами — все как обычно и у всех.

Легли не поздно. Она из соображений «режима с гигиеной», а я чтобы приблизить время отъезда.

Я лежу с открытыми глазами. Предвкушаю рассказы о своей поездке, поцелуи и радостные глаза Алешки, настороженный взгляд мамы...

На улице тишина. В здании напротив светятся четыре-пять окон. Люди или спят, или бродят по городу, нарушая режим возвращения в корпус. Стучат сверчки, долго и настойчиво, убаюкивающее и спокойно. Прохлада нагоняет сон, и я не хочу противиться этому расслабленному состоянию.

Внезапно где-то внутри моего сознания появляется образ Володи, но мне почему-то становится тревожно. Откуда эта тревога? Незачем думать о плохом. Сердце стучит примерно на уровне желудка. Тяжелая, как стон,

мысль о том, что ему очень-очень плохо, принимает отчетливость. Откуда-то я уже знаю, что случилась беда.

Его голос. Я чувствую его тембр, он звучит у меня в голове отрывистой фразой: «Рита, я ухожу». Господи, я сейчас утону в его глазах, так они глубоки!

Я хочу приподняться на кровати и не могу — какое-то оцепенение удерживает меня. Тревога исчезает, появляется другое чувство — приближения покоя и радости. Я чувствую, что уже не сплю, но заставляю себя не просыпаться. Какое желание продлить этот сон!

Еще через мгновение я чувствую его прикосновение к моему лицу — оно не явное, как прикосновение реального человека. Это чувственный образ — приятное ощущение комфорта и защиты, он сливается с очень четким зрительным образом Владимира. Какое изумительное ощущение! Ни забот, ни тревог!

Его душа зовет за собой в чудесное прошлое, похожее на детство, которое, как нам кажется, с возрастом уходит далеко и безвозвратно. В подсознании я вижу душу Володи, она словно золотистое поле перед глазами плывет медленно-медленно, обволакивая меня своим теплом. Побудь еще со мной, еще, побудь подольше!

Независимо от моего желания время начинает отодвигать его образ, оно становится компактно и требует ответа на вопрос-чувство. Хочу ли я лететь туда же с ним? Очень хочу! Но я должна остаться. Не знаю, почему-то я нужна здесь.

Что со мной? Ностальгия по прошедшим годам? Скорее, да. Станный образ исчез, оставляя невыразимую тревогу... Что надо было сделать, протянуть руку, ответить по-другому? Наверное, что-то я сделала не так...

Так же внезапно, как и прежде, все безмятежные ощущения уходят, оставляя острое чувство разочаро-

вания, как от неудавшегося любовного свидания. Я пытаюсь расслабиться и стараюсь вернуть этот прерванный сон, закрываю глаза, хочу еще раз прокрутить этот сюжет, с надеждой, что может быть мне удастся что-нибудь изменить в нем. Но мне уже видятся совсем другие картины.

Я стараюсь не верить собственным предчувствиям, уговариваю себя, что все будет хорошо. И все равно подсознательно жду каких-то перемен. Я боюсь этих перемен».

«Раннее утро серое, но не дождливое. Я собралась быстро, и у меня осталось минут тридцать пять перед выездом на вокзал. Вокзал был недалеко, и приезжать туда за два часа не хотелось.

За дверью зашаркали ногами, загалдели, и дежурная по этажу постучала в дверь: «Направления на процедуры». Таня мирно сопела, отвернувшись к стене, но сразу вскочила.

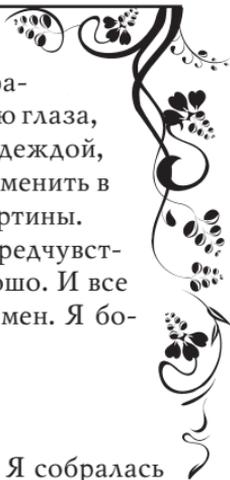
Мы присели на дорожку:

— Милая Танечка, дай я тебя поцелую!

— Ненормальная, — отвечает она, поднимаясь, — чего ради?

— Да так просто. Добрый ты человек. Пусть у тебя в жизни все будет хорошо!

Смотрю на нее, а по лицу ее слезы катятся. Говорит мне что-то, а сама, наверное, не слышит, что говорит».

*Глава 2.
Из жизни
Володи Сергеева*

*С креста, данного Богом,
не сходят, с него снимают.*

*А радость взаимопонимания, любви
и прочих земных утех, да еще если тре-
буется для этого перечеркнуть то, что
было благословлено свыше, начертывают
уже другой путь, в другом направлении.*

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

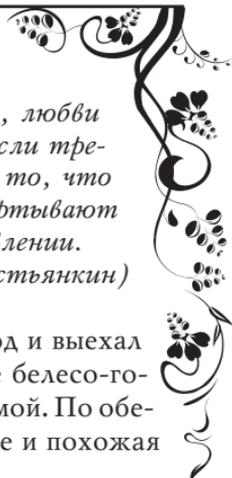
Владимир Петрович уже миновал город и выехал на трассу. Солнце наискосок, полуденное белесо-голубое небо и земная сушь — это дорога домой. По обеим ее сторонам мелькало однотонное поле и похожая на редкий гребень лесополоса.

Он пытался вспомнить родной лес, но память была пуста. И только на самом дне души оживали образы, совсем не схожие с теми местами, где сейчас он жил. Там, в далеких отсветах памяти, мир был другим. Другое солнце, другая вода, другой воздух.

Дорога сверкала вдалеке, как будто облитая водой, извивалась, напоминая огромную змею, не успевшую скрыться за холмом. Зеленый горизонт полей казался бескрайним и спокойным. Он манил дальше и дальше. Ехать и ехать. «А скорость здесь девяносто, — не расслабляйся, — произнес он вслух». Володя перестал удивляться одинаковости полей, деревьям с зелеными, подпаленными суховеями кронами. «Надо же, — невесело подумалось ему, — вот и дорога наезжена, а людей немного».

Ему вспомнился другой день.

Он идет по улице. Идет, не оглядываясь и зная точно — мать смотрит ему вслед, и рука ее помимо воли, помимо мыслей, скрываясь от чьих-то невольных взглядов, осеняет скупым благословением его путь.

«Мне не повезло, я начал с неудачи, — подумал он в тот момент. — Хотел стать моряком, но дальше несбыточных иллюзий дело не пошло. Двери военно-морского училища были закрыты, и первые детские мечты рухнули на вступительных экзаменах. Нет, это сейчас кажется ерундой, а тогда — беда, да и только».

Вернувшись из Ленинграда домой, он был готов начать все заново. Но сначала работа на заводе, которая хотя и сделала его своим человеком в рабочей среде, не прибавила ничего, а только отдаляла его от заветной мечты детства. Весной — призыв в армию и Афганистан. Он чувствовал тогда, что это будет достаточная фора всем его неудачам. У него не было другого выхода и все. «Сейчас или никогда», — сказал он себе в те дни. Он почему-то был уверен, что придет его время, когда он посмеется над теми удачливыми родительскими мальчишками-«пряниками», носящими гримасу величия. «Будь терпелив, Вовка!»

Там было трудно. Но ценили храбрых, презирали предателей и умели скорбеть по погибшим. Раненые волокли по горам своих мертвых, чтобы не оставлять их «духам». Там подыхали от жары и жажды, но не бросали оружие. Пусть даже один гранатомет. Там они научились выполнять приказы.

Во время одного из боев Вовку ранило осколком в голень. В горячке атаки он не чувствовал боли и не видел текущей из раны крови. Потом, когда бой стих, корчась от боли, он зубами стал выгрызать осколок. Выгрыз. Он видел появившийся наш вертолет и тут же открывшийся огонь из дальнего окопа. Они не стреляли, а только шептались друг с другом. Они устали.

Ефрейтор Сергеев старался не паниковать, понимая, что засветло выйти из горной ложбинки, где скрылось их

шестеро, не удастся. Взводный был тяжело ранен. Они по очереди рвали свои майки на бинты, догадываясь, что спасти его в этих условиях невозможно.

В наступившей темноте, разделившей мир на черную землю и блестящее звездное небо, оставшиеся в живых уснули прямо на плащ-палатках и бушлатах. Прямо рядом с убитыми душманами... Рискую быть зарезанными ночью в горах.

Под утро, без карты и компаса они пробирались к своим. С мертвым взводным.

Вовка выжил, но стал другим.

О поступлении в военный институт он не рискнул советоваться со своими родителями: слишком долгой была разлука с домом. «Прости меня, мама, я сделал свой выбор сам», — так писал он потом в письме на родину. Он принял решение самостоятельно. И самостоятельно поступил, несмотря на огромный в те годы конкурсный отбор. Он сразу получил все то, к чему упорно шел.

«Этот мир придуман не нами,

Этот мир придуман не мной», — звучит припев песни из радиоприемника, врываясь в его мысли.

— Ни черта подобного! Мы сами придумываем этот мир! — Владимир Петрович подбодрил себя, продолжая насвистывать мелодию песни. Но его мысли снова вернулись к родному дому.

Сколько лет прошло в Ростове! Было время, мои воспоминания умещались в пять-шесть лет. А теперь двадцать, да еще два на срочной службе. Страшно подумать: мне уже тридцать девять лет!

А родительский дом будто не замечает времени. В те годы простенький, серый, потом его белили и штукатурили, он становился бледно-розовым обшарпанным, кремовым обшарпанным. Его водосточные трубы гудят в ветреную погоду, а в дождь... Хоть бы не было дождливой погоды! В дождь, вернее после дождя, когда потоки воды проходят сквозь гулкие трубы, кажется, что дом плачет.

Я смотрю из своего окна на первом этаже и снова вижу беспечных живых десятилетних пацанов, вооруженных пластмассовыми кортиками и палками, бегающих по воображаемым тропам неприятеля от арки ворот до незакрытого проема между соседними домами. Сейчас они обогнут дом, нарисуют на нем мелом стрелу и звезду и выскочат на улицу. Теперь бегом, быстрее на соседний спуск!

Мой дом, моя родина обетованная...

Теперь мы получили аттестаты, мы теперь взрослые, самостоятельные. Мы можем закурить и не прятаться от родителей. Тише, а может быть по чуть-чуть по такому случаю?

Слышишь, Володька, не грусти ты по своей Алене. Ну, черт с ней, ну, не дождалась тебя из армии. Известное дело-то, житейское. В нашем доме живут разные люди. Смотри Наталья, какая стала красавица, э-э-эх! Возвращайся, посидим! Поступил в институт? Военный? Я так и думал. Да разве это дом? Старый, по швам трещит, тараканы бегают. Ты там получишь квартиру в новом доме.

Ты женился? А где твоя жена? Красивая? Почему ты ее не привозишь сюда? Мы порадуемся вместе с тобой. Может, ты стыдишься показать ей свою колыбель, свой дом?

Послушай меня, военачальниками становятся, мужьями становятся, а сыновьями остаются. Здесь ты всегда только в одном единственном звании — сын своего отца!

Мать с отцом стоят на крыльце дома и смотрят, как я уезжаю. Я не оглядываюсь, хотя уверен: они будут стоять так, пока я не выеду на другую улицу.

Облака на горизонте снизились, рассыпались в мелкую пушистую вату, чуть порозовели, оттеняя высокое темно-голубое вечернее небо Украины.

Вот он и Буг. Льет свои древние воды испокон веку.

Как хорош проспект Юности в новом районе Вишенка. Далеко от дома, но дом уже рядом.

Дом... Здравствуй, дом!

А нервишки-то стучат! Фух-ты, спина онемела, а ноги...

Он вышел из машины, не торопясь, открыл багажник, достал свою сумку, с заднего сиденья пакеты, захлопнул машину.

Внутренне радуясь и горя от нетерпения, Володька шел к своему родному подъезду.

Мать не приняла Маргариту такой, какая она есть. Ей казалось, что ее единственному сыну нужна девушка попроще и похозяйственнее, «не артистка, а приличной специальности». Чтобы ревниво не нервничать из-за нее. А отец не оспаривал едкие высказывания темпераментной хохлушки, флегматично не вмешиваясь в скандальные дела.

Рита думала по-своему: «Его мать всегда видит мир таким, каким он ее устраивает». Но с праздниками свекровь поздравляла регулярно.

Мать им звонила, но разговаривать предпочитала с сыном, а не со снохой или с внуком:

— Вы посказились? Долго вы там сидеть будете?

— Да, мама, да. Но мне нужно еще успеть...

— Никаких «но». Раз ты решил жить так далеко от дома, должен приезжать к нам каждый год. И на месяц. Мы с отцом уже немолоды, все болит, и каждый раз думаю, увижу тебя или нет. С какого числа у тебя отпуск?

— С первого.

— Второго выезжайте! И не раздумывай долго. Хотя до второго я еще позвоню.

Он постоянно уступал ей вовсе не потому, что ее требования — это голос здравого смысла, а просто потому что она мать, и его эволюционная ступенька для нее осталась на черте «сыночек».

«Она ждет его как ворон крови, — думала Рита. — Кровь пускает наша семья, разумеется. И каждый год он совершал свою ритуальную поездку домой. И всегда на месяц!».

С годами у них на сердце образовалась мозоль. Причем разумной природы: «Мы живем будущим, а нашим родителям этого будущего не понять, им надо осмыслить настоящее, потому что гораздо лучше прошлое. В прошлом — мы послушные и дорогие».

Дома — настоящий ералаш. Володька уже ошеломил своим приездом родителей и сразу после всех поцелуев и дорожных вопросов расположился в прихожей. Быстро вынимая из сумки подарки, которые привез из Ростова, он продолжает удивлять, постоянно наклоняясь за каждым свертком:

— В Ростове рыба прелесть! Ну, нигде такой больше не ел, — принохивается и протягивает отцу связку рыбцов. — Положите в холодильник пока.

— Да куда ты так кладешь, отец. Заверни в газету, а то на весь холодильник запах будет!

— Давай, я положу. — Мать вырывает связку из рук отца и бежит в кухню.

Отец в это время получает блок сигарет «Донской табак».

— «Светлые» — не очень крепкие. Держи, папа.

Отец едва успевает посмотреть на аккуратно запакованные пачки, как Володька уже достает из сумки тонометр:

— Держи, мать, давление будешь держать в норме.

Мать уже не ждет от него чисто женских подарков — духов, платков, кофточек — самый главный ее женский подарок — это дорогой сыночек.

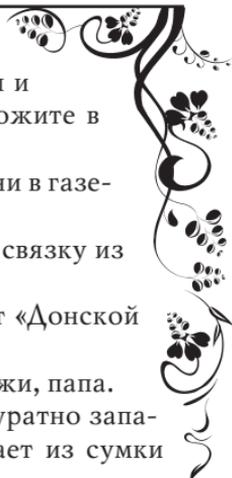
О том, что он приехал на две недели, Володька сообщает прямо здесь же.

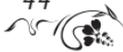
Гости-родственники большим числом собрались за столом. Еще не пришли двое живущих в районном центре. Володька смотрит на часы:

— Так как отсутствует двадцать пять процентов личного состава, предлагаю выпить разминочную.

Яства, обильно приготовленные по национальным традициям, постепенно исчезли вместе со сваренной заранее горилкой. В комнате накурено и жарко. Мать в кухне моет посуду.

Около часа ночи, когда Володька лег в гостиной в кровать, из распахнутого в кухне окна до него долетели обрывки разговора. Невольно прислушался, хотел пойти

к родителям, но передумал, вышел на балкон и закурил. В соседних домах уже все спят, горят только фонари.

— Опять приехал один. Женат он или нет? — громкий шепот матери взвинчен до предела.

— Да не суетись ты, мать, что тебе счастья мало, что ли? Сын дома. Ты Ритку с Алешкой ждала, что ли?

— Да на что мне твоя Ритка! Что люди скажут? Где внук? Видишь, она и Алешку от нас отвадила.

— Не лезь. Пусть сами разбираются. Ложись спать.

Утром начинается второй штурм крепости. Мать улыбается сдержанно, только губами, потом совсем отворачивается к плите и говорит:

— Володя, я, конечно, редкий гость в вашем доме.

— Ты можешь приезжать, когда захочешь.

— Зачем?

— У тебя не будет никаких вопросов.

— Не надо мне грубить. Я же хочу разобраться и помочь!

— Мама, я устал. Я не хочу слушать нравоучений, не хочу оправдываться.

Она разглядывает его лицо, взгляд ее опускается на плечи, глаза наполняются слезами:

— Ты стал старше. Ты кажешься старше своих лет... С хорошей женой...

— Мама, я вырос. Старше — значит мудрее. И Маргарита здесь ни при чем.

Разговора не получилось. Мать надулась и замолчала, а потом и вовсе вышла из кухни.

С чувством досады Владимир пытался представить другие отношения между женой и матерью. Но они где-то не стыковались. Для разных берегов не хватало одного прочного моста понимания. Но эта разница измерялась уже годами, а не только границами.

Их свадьба состоялась летом и в соответствии со всеми традициями всех народов — жених в костюме, невеста в белом платье, цветы, регистрация, застолье, гости, подарки, тосты... Для сохранения официоза его назвали Владимиром Петровичем, ее Маргаритой Алексеевной, а потом после многократных «Горько!» все перемешалось в радостной суете.

«Она сидела рядом со мной, наивная, окутанная фатой и белыми складками платья, доверчиво вручая мне свое будущее. Я переживал тогда, что с нами будет впереди, но тут она посмотрела на меня, и сразу все мои сомнения улетучились. Не было рядом никого родней этой девочки, которую я знал как будто с детства».

Теперь он уже не чувствовал себя мальчиком, он ощущал свои «под сорок» и искал новые способы самоутверждения. «Да, мать, возможно, и права. Рита не идет на компромиссы с мамой, не подает ему завтраки, поздно приходит домой. Но так продолжается уже шестнадцать лет. Время! Оно играет против нас. Принимать лихие решения можно в двадцать, искренне веря в социологические сводки: женщин гарантированно больше, чем мужчин. А в почти сорок... Любой поступок должен иметь конечную цель. Полюбить чужие недостатки... чужих детей... чужих родителей? С какой целью? Чтобы новая «она» принимала тебя таким, какой ты есть? Но ведь и ты меняешься. И не факт, что скоро не станешь эдаким злодеем. В глазах другой».

Неожиданная госпитализация 14 августа 1999 года вернула Владимира Петровича в темный туннель време-

ни, начавшийся в Афганистане. 15, 16, 17 августа госпиталь принимает пополнение из Буйнакскa. Русско-чеченские страдания не закончились; для современной России это вторая волна военных действий.

У христиан Празднество Всемиловитовому Спасу и Пресвятой Богородице — Медовый Спас. Каждый день в четыре часа пополудни по вверх бегущей дорожке к хирургическому корпусу Окружного военного госпиталя города Ростова-на-Дону движутся две монашки Иверского монастыря. У одной сумка и ведро, другая тянет сумку и тележку. Каждый день одна и та же ноша: сумка, ведро, сумка, тележка. Там лежат медовые соты, булочки с медом и крестики нательные.

Как изменяют людей реалии военного противостояния! Здесь нет растерянных и испуганных лиц. Здесь все — «русские»: и Нургаллиев, и Балаян, и Гасанов, и Фесенко... Они — наследники интернационального советского общества — воевали так, как их воспитали в самых обыкновенных рабоче-крестьянских семьях. Сами раненные, тащили по горам в плащ-палатках своих убитых, чтобы не оставлять их врагам, делились водой и едой, не паниковали, когда в ущелье неожиданно показывался вооруженный и озлобленный отряд сорокалетних мужиков с запекшимся на лицах черным иноземным потом.

«Аллаху Акбар!» — снаряды заставляли их на голой земле, увлажненной костями их предшественников. «Тра-та-та-та-та-та-та-та...тра-та-та-та... — остервенело рвали скалу слова, воняющие ненавистью войны, вперемешку с пулеметными очередями. — Тра-та-та-та-та-та!». Пропитанные миазмами боя и красной слякотью взорванной земли, они бушевали в вертолете, поднявшем в небо их измученные тела.

Тревога в заоблачной выси и где-то внизу, на земле, в окнах городских массивов и на дорогах, по которым следует груз № 200.

А на скамеечках в госпитале в утреннее и послеобеденное время сидят наши солдаты восьмидесятого года рождения, одетые в больничную синюю униформу. Им не больше девятнадцати-двадцати, этим ребятишкам, отражавшим неделю назад нападение бандформирований. Память о фронтовой дружбе у них уже не отнимет никто.

Напишут ли они, дети афганцев и внуки большевиков, домой о своих легких ранениях? Нет, не напишут. «Пусть родители живут спокойно», — по-мужски распоряжаются они своим выбором. Отдышатся в госпитале и отправятся назад, в свою часть.

Узнают ли матери тяжелораненых служивых Отечества о том, что их детей вывозят на прогулку добродушные медсестры и нянечки? А друзья-товарищи, подхватив с каталки легко и сердечно, сажают их на скамеечки подышать воздухом в зеленом парке госпиталя: у одного рук нет, у другого ног, а третий мученик только с одной рукой остался. Узнают, но не сейчас, а после. «Пусть хоть месяц поживут спокойно», — думают уже мудрые мальчики, почувствовавшие себя настоящими мужчинами.

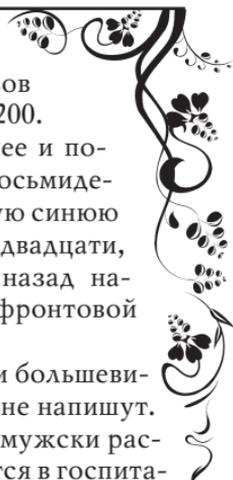
Лечебно-эвакуационные мероприятия продолжают-ся. Работы у медперсонала под самую завязку. Снова ночью прибыл борт. Опять в хирургических палатах стоны, прерывающиеся потоком благого мата. И это не слова, а что-то первичнее слов.

— Ненавижу! Клеймо тебе на...

— Меня вылечат? — шепчут пересохшие губы.

— Это, сынок, не вылечишь... Это надо перетерпеть, — докуривает вторую пачку военврач.

— Аааааа-а-а!

Это мальчики мечутся на койках, примостряченных в переполненном отделении и поставленных за отсутствием мест вдоль коридора. Невымытые, с кровью, запекшиеся на лице, со слипшимися от грязи и репьев волосами, покусанными губами они ругают бандитов в глубоком умопомрачении контузии:

— Чего хотите, н-ну? З-заразы! — побелевшие костяшки пальцев сжимают железную границу операционной каталки.

Никто не выбегает из палат, не возмущается, не одергивает их, и никто не осуждает, все вокруг понимают, что сейчас их дух борется за жизнь их тела.

И утром они победят свою лютую боль. И отбредят.

«Кто знал, что Ритка будет бегать каждый день в госпиталь с гостинцами? А ведь я даже там был счастлив. Мне завидовали, потому, что она была рядом» — вспоминал Владимир свою госпитализацию. По сравнению с проблемами этих ребятишек — его язва это ерунда.

Маргоша с Алешкой приходили каждый день в послеобеденное время с сумками домашней еды: помидоры, огурцы, пицца, пирожки, соки, ну, и диетические продукты «для папочки». Ритка установила контакты с медсестрами и врачами. Она совала всем контрамарки на текущие спектакли, раздавала автографы, и знала, какой диеты он должен держаться, какой препарат можно достать только в Москве, как он выполняет назначения врача, результаты его анализов: какой белок, сколько эритроцитов...

Хирургическая палата из шести человек замирала от запахов выпечки. Но намеков, что «вкусно пахнет», ни-

когда. Кто мог ходить — выходили, деликатно давая поговорить родственникам; кто не мог, отворачивались к стене, монотонно царапая ногтем стену. После выхода из палаты Маргариты и Алешки начиналась старая добрая социалистическая игра «Всем поровну». Владимир Петрович как старший офицер командовал: «Рядовой Петров разливает сок, режет пиццу на шесть частей и раздает. Помидоры оставляем на вечер. Фесенко убирает со стола». Ровно через десять минут вся обозначенная кулинарная продукция, аккуратно порезанная и разлитая выздоравливающим рядовым Петровым, исчезала. Хороший боец — хороший аппетит.

«Когда меня ранило, — рассказывал в палате молодой парнишка Юра, — хоть и кровь потекла, больно не было. Вокруг огонь беспорядочный. Я осколка в руке и не почувствовал. Потом марево красное перед глазами, и ничего не помню. А меня, оказывается, ребята перевязали, чем могли, и отнесли уже контуженного в укрытие. Руку-то они перетянули, чтоб кровь остановить, а потом надо было повязку ослабить... Пусть врачи колят, что хотят, только хоть бы руку-то оставили! Как же я без правой-то?..» Температура у него шарашила под сорок, гангрена все-таки началась.

19 августа — Яблочный Спас. Монашки привезли яблоки и нательные крестики для солдат. На юных лицах бойцов нет никакого тревожного тумана. Им хочется дышать, а дышать, значит, жить.

И жить им не страшно, потому что душа их не петляла, не выкручивалась, не трусила. Ей и стыдиться нечего. Мало ли этого или много на их век? И санинструкторы, и фельдшеры, и военно-полевые врачи, и хирурги госпиталя знают ответ на этот вопрос.

29 августа — Ореховый Спас. Монашеские — сумка, ведро, сумка, тележка. Орехи, монастырские хлеба, пироги. Для героев нашего времени. В бинтах их культуры уже не кровоточат.

Все друзья стали мужьями и отцами. Нас волнуют зарплаты, ремонты, телевизоры, холодильники. Изредка мы вспоминаем свое детство, но и детских друзей мы оцениваем по их жизненным реалиям. Одних относим в разряд перспективных знакомых, других просто забываем до той поры, пока они не напомнят о себе.

В этот приезд Владимиру предстояло, как обычно, сделать множество родственных визитов. Родня ждала внимания к себе. Ночью ему стало грустно от мысли, что его нет рядом с Ритой.

Там, где сейчас она, дышит южная ночь. Ему не хватало их ночи. Он лежал, закинув руки за голову, и вспоминал, как воздушный поток слегка отодвигает портьеру, и белый лунный луч сразу же крадется по кровати. Он тянется и падает ей на голову, освещая ее лицо и плечи. Она спит, а он смотрит на нее, приподнявшись на подушке. «Какие мягкие у нее волосы!», думает он, и ему хочется охранять ее сон. Как пес, верно стерегущий свою госпожу, он разгоняет жаркий воздух газетой, лежащей возле кровати. Его взгляд окидывает все ее тело. Оно женственно изогнуто под легкой простыней, облегающей формы стройных ног. Всю ее охватила небрежная томная лень. Ей жарко, волосы откинута назад, лицо нежное и спокойное. Он наклоняется, чтобы поцеловать ее. Она настороженно открывает глаза...

«Господи, как я боюсь тебя потерять!» Память всегда удивляла его. Он помнил до мельчайших подробностей все события жизни.

«Я люблю тебя». Эти слова были ею сказаны. Они не были фальшью и обещали нескончаемое счастье.

«Какой же бес вселился в нас? — думал он. — Почему теперь мы делаем все наперекор самим себе?» Последняя ссора казалась совсем нелепой, и виной ей был только он. Он повел себя как телохранитель, резко оттолкнув открывшего перед ней дверь коллегу. «Наверняка обыкновенный парень, ну, как все актеры любит порисоваться. Ну и пусть», — на расстоянии ему казалась ситуация разлада совсем иной.

Володя вновь и вновь вспоминал ее образ, он казался таким загадочно-красивым, что ему невольно подумалось, что режиссер театра просто слеп. Его Маргарита должна была бы играть ту Маргариту, булгаковскую, чувственную, способную забрать в свою власть талант писателя и жизнь человека. В нем заговорил Мастер.

Ему приснилась дорога к Рите.

Он едет по дороге и видит впереди ее образ. Она улыбается и машет ему рукой. Он чувствует запах ее волос, тела. Запахи видения будоражат его воображение, он побыстрее хочет приблизиться к ним, скорость автомобиля увеличивается, но образ все удаляется. Он не обращает внимания на бездорожье, на высокий частокол деревьев, наклоненных прямо к машине, и заграждающие путь ветки, бьющие в лобовое стекло. Потом стекло исчезло, образ Маргариты светился еще явственнее, а ветки деревьев больно царапали и били его тело. Он чувствовал, что ему не хватало дыхания от сырого воздуха сузившегося пути.

Но он ехал и не мог остановиться. Потом туннель совсем стал темным, его занесло на повороте, и он услышал глухой удар. Он слышал и переживал лишь звук, но продолжал лететь дальше и дальше. Беспокойство не ушло, так как он не видел ее, свою Риточку. Владимир в отчаянии закричал ее имя, но рот не слушался. Тогда он напрягся изо всех сил так, что тело сразу стало легким, молодым, и от этого закружилась голова. Душой он почувствовал ее присутствие рядом с собой. Она прикасалась всем своим телом, а ее волосы сыпались ему на грудь. Он успокоился, когда она нежно погладила его по голове, и отчетливо почувствовал аромат ее духов.

Он пробудился от того, что ее бесплотный дух и даже запах были очень близкими. Запах не имел оттенка, он просто принадлежал ей. Но движения руки ощутили пустоту кровати. Сон казался и тревожным и радостным. Он встал и вышел на балкон. Уже светало и снова спать ложиться не хотелось. Он взял с подоконника пачку сигарет и зажигалку, присел на порог балкона, закурил и молча встречал зарю.

Праздничное настроение первой недели прошло, и все события следующей недели казались будничными. Ему трудно было найти причину плохого настроения, да и некогда философствовать. Он решил проще смотреть на вещи и жить по-другому, и просто ждал, когда подойдет двухнедельный срок возвращения домой, к своему будущему.

Когда утром следующего дня он выехал в обратный путь, накрапывал мелкий дождь. Серое небо и его серый дом грустно прощались с ним, а провожающие мать с отцом, тетки и соседи суетились, гадали и говорили, что уезжать в дождь — хорошая примета.

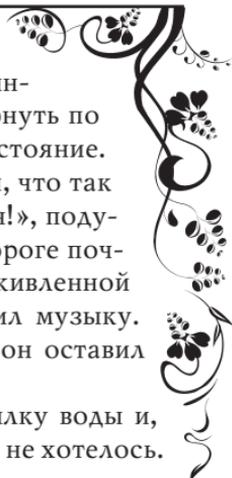
Путь был знакомый, поэтому он особенно не спешил. Когда он проехал Винницкую область, то почему-то решил свернуть по объездной дороге, чтобы сократить расстояние. Друзья на посиделках в этот раз говорили, что так будет ближе. «Не дай Бог тут заблудиться!», подумал он оттого, что встречных машин на дороге почти не было. Но вскоре, оказавшись на оживленной трассе, он немного успокоился и включил музыку. Кассета шлягеров только раздражала, и он оставил радио. Сводка погоды не была радужной.

Володя сбавил скорость, открыл бутылку воды и, не останавливаясь, отхлебнул глоток. Есть не хотелось. «Вот приеду, тогда...»

День будто утраивался, дороги не было ни конца, ни края.

Дождь барабанил по кузову «девятки», и воду, льющуюся целым потоком на лобовое стекло, ритмично расчищали дворники. Он взял сигарету, раскурил ее, снова нажал на правую педаль. Видимость в вечернее время становилась хуже. Белую линию, разделяющую дорогу, почти не было видно. Блики фар встречных машин разделяли ее на пунктир.

За окном неоглядная ночь, хотя еще одиннадцать. Ростов был уже рядом, километров тридцать. «В другую погоду — раз, два, и дома. А сейчас... Спуск с пригорка... Ну, что ты тянешься так медленно по середине дороги, возьми правее, дай подняться вверх — уговаривал он про себя впереди идущего «Жигуленка». Но тот не слышал его и ехал так, словно никуда не торопился. «Тогда я тебя объеду», — он прибавил скорость, машину понесло наверх, и расплывчатый свет фар встречного «Камаза» мгновенно оказался у него в глазах. У него не хватило

сил помочь себе, а через десять минут совсем никто не мог ему помочь.

Один за другим неслись встречные поезда, их ровный стук ускорял ход времени. Дорога просматривалась на горизонте светлячками большого южного города. Это был Ростов-на-Дону. Ехать уже недолго.

Водитель такси примчал Маргариту Сергееву к дому буквально через несколько минут.

Вот родная дверь. Звонок, еще один. Торопливые шаги за дверью.

На зеркале в прихожей белая простынь.

«Господи! Господи!! Господи!!! — Маргарита бросилась на шею матери, сразу почувствовав себя маленькой беззащитной девочкой.

«Все кончено. Смогу ли я жить без него? Можно ли жить и чем жить?»

Все предметы и вещи напоминают о нем. В ушах звучит его голос. Ей кажется, что он сейчас войдет в ванную, на кухню, в спальню... «Это шаги не его?» — прислушивается она к воображаемому скрипу половиц.

Тоска давит физически.

«Я не смогла реабилитировать себя, исправить все наши ошибки. Не смогла полюбить его», — эти признания постоянно прокручивались в ее голове.

«Прости меня, мой сыночек, это я виновата во всем, что случилось. Это я не должна была его отпускать так далеко. Это я оставила тебя без отца...», — давась от слез и зажимая руками рот, Маргарита смотрела на спящего Алешку и ловила в нем черты сходства с Владимиром.

Глава 3.
Непредвиденные
декорации

*Ты пришел на площадь и обратил на себя
внимание присутствующих?*

*Что же еще? Ничего. Все исчезло и прошло,
как рассеявшийся дым.*

Святитель Иоанн Златоуст

14 июня 2003 года семья Чудновых-Сергеевых отметила годовщину со дня смерти Владимира. Первый год всегда самый тяжелый. Маргариту, как ей тогда казалось, преследовали одни неудачи, которые она фиксировала в своем дневнике быстрым размашистым почерком.

Она не носила черного вдовьего ободка на голове, но плакала от звучания минорных мелодий и несчастливых концовок телепрозы, над романами о разделенной и неразделенной любви, описанной выдающимися и неизвестными письменниками. Она не вытирала платком слезы, не душила их в подушку ночью. Голос ее слез стал каким-то бестелесным, беззвучным, неслышимым никому, кроме нее самой. Плакало сердце. И этот плач раздавался в любой время суток. Улыбка сошла с её красивого лица, и она стала строже и старше. «Это тоска, но она когда-то пройдет. Надо потерпеть», — утешала ее мать.

Приезжали родители Владимира. Его отец держался, а мать за сорок дней телесно и духовно ослабела на глазах.

— **Кіт підрос.** — **Дрожащей рукой свекровь** поглаживала кота, вспоминая, каким он был маленьким; она по-прежнему принципиально не говорила в доме своего сына по-русски, предпочитая смешанную из разных диалектов украинскую речь.

Она помнила, что в этом доме кота приютили в их последний приезд к Сергеевым. Котенок был розово-фиолетовым от голода и таким малюсеньким, что помещался

на ладони. Они тогда судили-рядили, выходят или нет такого заморыша.

— Чи підрос, чи ні підрос, — умилялась свекровь, когда они со свекром, собирались через неделю домой.

Предвидя свое прилежание в кормлении меньшого брата и естественное эволюционное развитие котика, супруги после отъезда гостей утвердили его имя: Чипидрос.

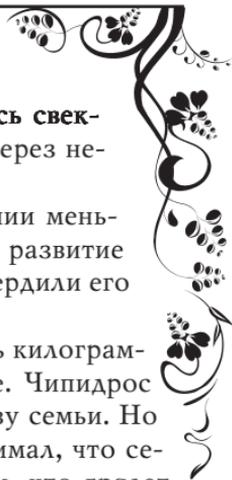
Рыжему коту семь лет, он весит восемь килограммов и уже подолгу спит на подоконнике. Чипидрос всегда больше тянулся к женскому составу семьи. Но таинственным кошачьим разумом он понимал, что семья осиротела. Кот почувствовал первым, что грядет мертвый сезон. Теперь он стал внимательнее к Маргарите, не кидался ей на ноги, требуя свою утреннюю порцию пищи. Он выходил в центр кухни и с натужной хрипотцой говорил: «Ми-и-и-у!».

Первые месяцы после смерти Владимира звонили его друзья и знакомые Риты. А потом... «Ни-ко-го», — недолго констатировала Рита.

Однажды ей показалось, что у них испорчен телефон. «Почему он не звонит? — растерянно смотрела она на городской аппарат, — Наверное, необходимо проверить линию и аппарат». Звонила на телефонную станцию и проверяла. К ее сожалению, телефон был вполне исправен.

Неисправны оказались ее дружеские связи.

Только Ритина мама, Алла Дмитриевна Чуднова, в этот период проявила стойкий боевой оптимизм и организаторские способности. Бабушка установила семейные субботы, и ее идею, сначала вынужденно-активно, поддержали все члены маленького коллектива. «Помни день субботний, чтобы проводить его свято», — подвела

бабушка под свою идею консолидации семьи Закон Божий. Субботним вечером накрывался хороший стол, но не ради обильного угощения с возлиянием, а межличностной коммуникации для. Каждую субботу подводились итоги недели и каждый отчитывался о проделанном. И хотя семья работала на полную катушку, включая бабушку, никаких сверхважных и сверхсрочных дел вечером в субботу не принималось — семейное застолье и точка! Возможно, только корректировка времени семейного ритуала.

«Застолье» — для французов, поклонников фуршета, слово непере译имое», — говорила Алла Дмитриевна. Она это точно знала. Когда еще в 88-м году она ушла из театра по состоянию здоровья, хорошо владея французским языком, она стала брать переводы из издательства. Деньги за это платили небольшие, но заработок был всегда. К тому же очередная книжка, выходящая большим тиражом, грела ее самолюбие и способствовала коммуникации. Издательство ей презентовало два экземпляра, один она горделиво ставила на видное место в книжном шкафу, а другой предлагался своим знакомым для прочтения произведений, что называется, из первых рук.

«13 октября 2002 года, понедельник.

Алешка учится в десятом классе. Я заметила, что он стал пропускать занятия. Однажды мне пришлось неожиданно вернуться домой, а он развалился у телевизора.

— Ты почему не в школе до сих пор?

— Мне ко второму уроку.

— Почему?

— Англичанка заболела, — аргумент неотразимый.

И тут вдруг звонок. Звонит его дружок из класса, спрашивает «где ты?». И мой Алешка начинает изощренно врать, теперь уже про свою болезнь. Выяснить, что к чему, в тот момент времени не было. Но я поняла, что парень требует внимания. Видимо, у него тоже сплин, не может взять себя в руки после смерти отца.

А у меня командировка на неделю по области...

Надо попросить маму поддержать его какое-то время на контроле».

«Неожиданно под Новый год соседи с верхнего этажа залили нашу квартиру. Нам «повезло», у нас веселые соседи. Сами ушли в гости, мобильный телефон выключили, а горячая вода из прорвавшейся батареи два часа лилась вплоть до первого этажа.

Шкафы, забитые книгами, все промокли, диван, подушки — все мокрое. На улице холодно, в квартире темно из-за поврежденной проводки, и высушить ничего нельзя. Мы с Алешкой все вещи перенесли в квартиру к маме, благо, что у нее тепло и сухо. Очень жалко мебель, ее теперь трудно купить. Приличная стоит дорого.

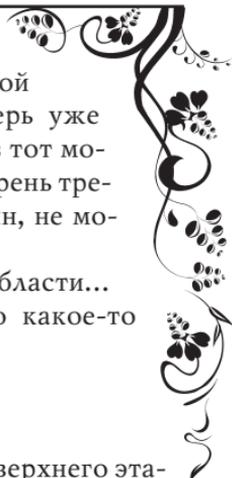
Если был бы жив Володя, он бы что-нибудь обязательно придумал в такой ситуации, нашел бы способ поскорее воду перекрыть.

Но его нет.

А мы оказались совершенно беспомощны.

Кстати, соседи особо не заморачивались с извинениями:

— Как же вы ухитрились воду перекрыть, Новый год все-таки? — сосед нахально смотрит на мои светлые кудряшки, рассыпавшиеся по плечам.

— Мы не ухитрялись, мы аварийку вызвали.

— Смотри-ка, и в Новогоднюю ночь они там работают!

— Для нас она была Варфоломеевская, а не Новогодняя.

— Да-а-а... Миль пардон, хотя мы тоже не виноваты, кто ее знает, когда она рванет, батарея-то эта проклятая! — промямлил пропахший перегаром дядька и протянул мне бутылку Шампанского, — Это вам. С Новым годом!»

«С коллегами я стала неразговорчива, терзаюсь даже от невинной болтовни в примерке о чьих-то семейных радостях. Наставники старшего поколения пророчески говорят: «Что ни делается — к лучшему!». Оптимистический фатализм! Возможно, они думают, что теперь я не буду отвлекаться на домашние заботы...

Роли в театре у меня есть, и даже интересные — так меня старается поддержать наш директор Троицкий Н.М.

Агафья Тихоновна в «Женитьбе» Гоголя — как подарок после разных комедий положений.

Понятно, что режиссеру требуется общий мотив произведения. Но мне видится несколько другая его трактовка. Режиссер настаивал, что Агафья Тихоновна — это кондовая «купецкая дочь», которой замуж невтерпеж. «Но ведь она и в самом деле никак не может полюбить. Некого. Нет у нее выбора», — пытаюсь возразить ему. Он отвечает, что «этот психологизм здесь нафиг не нужен», дескать, комедию надо играть как комедию. Тем более, говорит, социально-бытовую. А почему? И зачем подстраиваться под примитивные вкусы части публики? Именно части публики!

А на премьерe у меня эта «чеховская печаль» такой отклик зала вызвала, когда я грустно-грустно так произнесла: «Ну, где теперь женихов взять?». Женская половина зала, хоть и смеяься, а понимающе вздохнула. Оказывается можно реализовать роль более достойно!

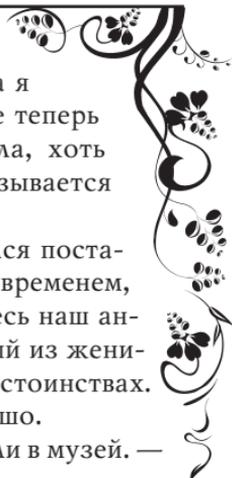
Наш режиссер, и это его право, пытался поставить текст в соответствии с историей, со временем, когда этот текст был рожден. Конечно, весь наш ансамбль играл на полную выкладку. Каждый из женихов, не веря в себя, настаивал на своих достоинствах. И эти несообразности были сыграны хорошо.

— Пьеса современна, а Вы ее превратили в музей. — Так я и заявила Неведовскому.

Конечно, я права. Если бы эту пьесу Неведовский поставил в духе современной драмы, могло бы получиться захватывающее зрелище: из нелепой реальной жизни внутренний голос звал бы героев к романтике живых чувств. Тогда и Кочкарев, осознавший напрасность суеты с женитьбой, стал трагичен, и Подколесин превратился бы из тюфяка в философа. Ну, и пусть в комедии прозвучал бы грустный мотив, трогательная задумчивость о реалиях жизни. Зритель бы это понял, как я думаю.

Зато «Дракон» Шварца осовременен так, что напоминает школьную инсценировку. Все же ремарка «по мотивам» забирает из органичного развития характера героя или героини спектакля самые интересные черты, оставляя поверхностное прочтение пьесы.

Я считаю, что скрещение времен у Неведовского не получилось, несмотря на использованные песни Окуджавы. Его голос был голосом другого времени и совсем другой идеи. И опять же «психологизм» был бы не лишним. Не лишне было бы увидеть главную причину трагикомедии

спектакля в хамелеонстве толпы и ее приверженности к злу. Хотя, конечно, Неведовский прав: «Пьесы Шварца наделены достаточно отчетливой авторской мыслью». А все-таки другой вариант решения был бы лучше.

Язык мой — враг мой. И бунтую я часто. Хотя оттого, что я высказываюсь, ничего существенно не меняется. За кулисами коллеги активно поддерживают: «Твои сомнения делают тебе честь, Маргоша», «Твоя концепция прочтения произведения более правильная». Но на репетициях... «Да, я понял, Сергей Васильевич!», «Я так и собиралась сыграть, Сергей Васильевич!» И плевать им на их бесцветные, невыразительные штампы. Интеллигенты, выразители свободной нравственной позиции, глашатаи культуры — они боятся отторжения «тусовки». Это не драма, не трагедия, а трагифарс. Взрослые талантливые люди трясутся перед главрежем, потому что их могут «съесть» приближенные к этой некоронованной особе. Минималисты боятся презрения недоумков.

Я научилась отказываться от ролей, которые мне не нужны. Глупых, пошлых, плоских ролей. Гамлетовский вопрос: «Быть или не быть» встает передо мной сейчас очень часто. Мне уже не двадцать пять и не тридцать, и режиссер не так обращается с интересным предложением, не говоря уж о главных ролях. У меня же неудобный характер. И все равно я не хочу превращаться в посмешище!

За спиной шепчут: «Она — дочь Чудновых!!!» Унизительное дополнение. А ведь самое интересное, тот, кто говорит, считает его комплементом. Средневековое раболепие! Неужели я интересна только как дочь?»

«Сегодня лунная ночь. Она, как все южные ночи, опускается бесшумно, стремительно и романтично. Не-

вольно вспомнилась поездка в Кисловодск. Наверное, творчество Лермонтова надо изучать только там. Зримым оно становится только на Кавказе. Может быть из-за обостренности чувств?

Я помню, как была в гроте Лермонтова и слушала рассказ экскурсовода об импровизированных танцевальных вечерах молодых людей и их юных пассий. Простая небольшая площадка на уступе горы, вдали от домов расположена так высоко, что попробуй добраться туда в атласных туфельках восторженного 19 века. А, плевать на опасность и страхи, жизнь есть — живи!

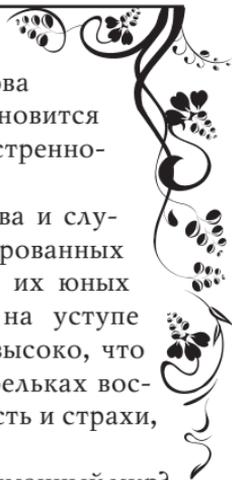
Интересно, почему все мы любим придуманный мир? И отчего же никто не хотим сами создавать свой большой роман?

А в сущности каждый из нас мог бы написать роман своей жизни».

«В конце февраля задумывается новая работа — «Маскарад» М.Ю. Лермонтова. Надо же, ведь я только вспоминала его творчество!

Меня пригласили сыграть Нину! Конечно, волюнтаризм директора. Но тем не менее, это равносильно высокой награде. Ура! Я сыграю не просто молодую женщину, преследуемую ревностью финансово состоятельного супруга. Я сыграю некий путь от любви до разочарования. Я знаю, как я это буду делать, и не разочарую Николая Михайловича.

Настораживает только, что Альберт Макаревский, и никто другой, планируется главным режиссером на роль

Арбенина. Опыт, элегантный возраст, но... ампула умозрительного философа.

Неведовский уперся на его персоне. Ну что ж, посмотрим».

«Не «читаемся» мы вместе с Макаревским. Я со своими переживаниями выгляжу чересчур реалистично, а он мелковат для своей роли именно в личном плане. Ведь актеры, на самом деле, не играют на сцене, а проявляют свой характер, свои способы поведения, чувства, взятые из личного опыта. Возможно, у Альберта Александровича никогда не было сильных любовных переживаний, он не испытывал чувства горького одиночества. Может поэтому он никак не может реализовать программу действий «я ревную, потому что боюсь потерять»? Ну, нет той реакции, какая должна быть у настоящего Арбенина! Макаревский стучит каблуками по сцене и дает реплики свысока. А его монологическая речь: «Неужели?.. Я страшен? Нет, ты шутишь, я смешон!..» вообще далека от корней образа Арбенина. Вобщем в нем не чувствуется сила характера, за что мужчину можно глубоко полюбить. На мой взгляд, интерпретация хрестоматийного произведения неверна и Альберт Александрович не справляется с характером своего героя.

Антагонизм в сценах взаимоотношений Неведовский никак не может убрать. Психует и ищет виноватых. «Связался Бог с черепахой!» — реплика, которую он позволяет в мой адрес, чудовищна. Неведовский — чудовище!».

30 мая 2003 года

«Подала заявление об увольнении. Никогда не знаешь, какая капля окажется последней. Директор театра долго разглядывал мой почерк, прежде чем написать «не возражаю». Потом перевел взгляд на главрежа и произнес с досадой: «Ты понимаешь, Сергей, она дурочка! И на молодость не спишешь...» А потом обратился ко мне: «Алла Дмитриевна знает?». Я ответила: «Знает, конечно». А главреж добавил: «Но, понимаете, Маргарита сейчас никакая». «Ну, значит им там виднее», — произнес директор, подписывая мое отлучение от сцены».

В то же лето Маргарита устроилась на работу в школу. В ту самую, в которой когда-то работала ее бабушка, учился отец и она, а сейчас Алешка. Директор школы взяла ее на ставку педагога дополнительного образования, на драматический кружок. «Как могло такое произойти в моей жизни?! Неужели это генетическое повторение?», — думала Маргарита после того, как отважилась прийти в школу с заявлением.

Кроме бабушки никто из Чудновых учителем не стал, но влияние пиетизма в семье всегда ощущалось. И вот однажды Алла Дмитриевна сдержанно намекнула Маргарите, что она могла бы пойти в школу. Мол, она разговаривала с Лидией Григорьевной, и та сказала, что у них есть какая-то работа.

Лидия Григорьевна — давний друг семьи Чудновых-Сергеевых. Вернее, знаменитой бабушки-учительницы. Когда бабушка была уже опытным учителем, в школу пришла молодой филолог Лидочка. И тогда именно На-

талья Станиславовна помогла ей утвердиться в непростой школьной среде.

— Какая-то — это какая? — озадаченно переспросила Рита.

— Я думаю, что тебе самой надо с Румянцевой по этому поводу поговорить. Вот телефон, — Алла Дмитриевна протянула телефонную книжку.

— Мама, что я буду делать в школе? У меня нет призвания кого-то учить. Я даже с Алешкой уроки не делала.

— Рита, успокойся. Отказаться можно всегда. А сидеть и думать о завиральных проектах — только себя изводить. Кстати, и Алешка будет под присмотром, все-таки у него впереди выпускной класс.

Отступить Маргарите, действительно, было некуда. До пенсии ей, как медному котелку — только тридцать шесть. Надо работать, причем срочно, так как семья уже перешла на режим жесточайшей экономии. И надо жить дальше.

Устроиться на телевидение не получилось. Рита звонила на разные телеканалы, но там отвечали однотипно: «штат укомплектован, позвоните позже», «нам требуются сотрудники для ведения программы новостей от двадцати пяти до тридцати лет», «берем только с опытом работы не менее пяти лет». Телепрограммы Маргарита смотрела, но не видела там ведущих, опытных и ярких с правильной речью. Героини грез человеческих были молоды, но заурядны и провинциальны. Тем не менее, недоступность пятой колонны для нее была очевидна.

«Надо так надо» — великая формула загадочного русского рационализма. «Какая разница, где начинать сначала? Пусть будет школа. Буду параллельно искать себе что-нибудь на радио. Но что это за стихийное сов-

падение?»), — с досадой думала она, нажимая кнопки телефона Румянцевой.

После церемонных приветствий, наконец, прозвучало и само предложение:

— Рита, у нас в школе нет театра, а ребятам так этого не хватает. Почему бы тебе не организовать у нас театральную студию? Место как раз вакантно.

«Вчера с мамой, листая семейный альбом, вспоминали мою бабушку по папиной линии — она умерла, когда мне было шесть лет. Далекие детские впечатления сохранили только романтичный образ дарительницы праздничных подарков и сдержанной участницы семейных застолий, запечатленной в вальяжных позах на старых фотографиях. Я знала ее, в основном, из рассказов мамы и отца. Она не читала мне перед сном сказки и не кормила кашей, как это делают все нежные бабушки. Но мне хорошо оттого, что именно она — моя бабушка.

Когда училась в первом классе, я увидела в школьном музее черно-белую фотографию Чудновой Натальи Станиславовны. У нас в альбоме не было такой фотографии 1946 года, где она без бижу и фривольностей костюма, в длинной прямой темной юбке, светлой блузке с воланами, скрепленными на груди крошечным темным бантиком; гладко зачесанные назад темные волосы подчеркивают строгий взгляд красивейших бархатных глаз тридцатишестилетней женщины.

Это было во время празднования Дня образования школы. Наша учительница Елена Павловна привела нас в музей и показала указкой:

— Дети, а эта учительница — бабушка Риты Чудновой. Она была замечательным учителем и прекрасным человеком, ее звали...

Но дети не дослушали её. Они обернулись ко мне и с завистью смотрели, какая у меня красивая бабушка, да еще и учительница! Кто-то даже сравнил: «На артистку похожа!»

Из «таких как все» я молниеносно выбилась «в люди». В школе я училась хорошо, но отличницей не была, и, конечно, никогда не собиралась повторить ее судьбу, но почему-то все одноклассники думали, что я тоже буду учительницей».

Чуднова Н.С., как было записано в ее личном деле, бережно хранящемся в школьном музее, закончила лингвистическое отделение педагогического факультета Северо-Кавказского университета — так назывался Донской государственный университет — и всю жизнь работала учителем русского языка и литературы.

В довоенные времена Советской власти, когда она только начинала учительствовать и разделение детей «по происхождению» было категорически запрещено, она придерживалась принципа «по воспитанию». «Правильно излагающих свои мысли и умеющих работать над собой» она относила к одному разряду, «посредственных в учебе» — к другому, а «безнадежных к продолжению учения от упорной лености» — к третьему. Впрочем, «малозначительность успехов ленивцев» не удручала ее настолько, чтобы отторгать их из классного коллектива, но «неумеющих грамоте» она нет-нет, да окатывала репликами: «Теперь на службу определяют по воспитанию».

Сегодня бы сказали — по образованию. Но, возможно, чопорная лексика потомственной дворянки действовала сильнее, так как воспитание всегда воспринималось как дело семейное, и для детей из рабоче-крестьянской среды «хорошее воспитание», еще и как знание о неравенстве, являлось стимулом для достижения элитарных высот. Ради будущего почета они выполняли домашние задания, даже когда их не задавали, и старались выделиться на уроках русского и литературы не раболепием, а упорством в постижении знаний.

Отец Натальи Станиславовны происходил из числа польских дворян, перекочевавших в Россию следом за родственниками еще в начале 18 века. Станислав Ямпольский, выпускник Петербургского университета, быстро дослужился на гражданской службе до статского советника «по происхождению». А после, среди немногих героев, по собственной воле мужественно уехал на периферию; тогда в Ростове-на-Дону проживало всего 200 000 жителей и в соседней Нахичевани 50 000. Возможно, его выбор был сделан и из карьеристских соображений: в столице путь вверх был весьма труден, зато в Ростовской Городской Думе он считался гласным и почетным гражданином города. Даже пришедшие на службу из податных сословий, не могли сказать о нем как о развязном, расфранченном и надушенном чиновнике, какие подвизались ради статуса, то есть «без жалования». Он не насвистывал в думских коридорах популярные мелодии из оперетт, не выгибался перед вышестоящим начальством, беспрекословно подписывая все, что приходило из канцелярии, у него не было покровительства сильных мира сего. Он по двенадцать часов ежедневно «служил городу и на пользу общества», курируя вопросы

градостроительства. Отчасти поэтому при смене власти он не попал под статью, как «враг народа», а продолжал выполнять знакомые ему обязанности, теперь только под другим знаменем.

Фортуна не была благосклонна к Ямпольскому в личной жизни. Его супруга Липочка, дочь инспектора народных училищ, недолго разделяла с ним семейные радости, скончавшись во время родов и оставив ему в утешение Наташеньку. Воспитывали ее трое — сначала кормилица Антонина, а потом старый слуга дома Ямпольских Тимофей, дядька в николаевской шинели, коих приглашают для усмирения мальчиков, да сам батюшка. Вырастили они дочку-красавицу, души в ней не чая. Уже в 1939-м, когда фашисты бомбили Польшу, куда выехала после революции вся родня Ямпольских, Станислав, не находя себе места, помешался умом и через неделю умер шестидесяти шести лет, так и не придя в сознание.

О Георгии Андреевиче Чуднове Маргарите и ее матери было известно только то, что он поступил на учебу в университет в городе Дижоне, но, только начав обучение, перевелся в 1917 году в Донской политехнический институт, поближе к родителям. Нрава был беспокойного, хотя человеком слыл глубокомысленным. Ругал «нэпманов» и «узких специалистов». Женился тридцати пяти лет, страстно полюбив, и умер в тридцать семь, находясь в служебной командировке в Ленинграде, в штрафном отделении следственного изолятора «Кресты».

— Усталъ уже, Маргарита Алексеевна? — завхоз школы сочувственно улыбнулся, обнажив ровный ряд белых зубов. — Зачем ошень много трудиться, садись, отдохни

пожалиста. Слышала русская пословица: «Работа — не вольк, в лес не убежить»? Хорошая пасловица!

Арам Артаваздович — громоздкий работающий немолодой мужчина с блестящими глазами, широким подбородком и навсегда запечатленным в языке армянским акцентом завхозом в школе работал давно. Он уже понял, что школьный актальный зал к началу учебного года Сергеева приготовит как надо.

— Завтра будет другая работа. Надо доделать сегодня, — стойчески отвечает Маргарита, разбирая завал разного хлама за сценой.

— Зачем упрямышья, а? Арам сказал завтра, значит завтра.

— Еще вон те коробки надо вынести...

— Арам поможет тебе вынести этот хлам. Но завтра.

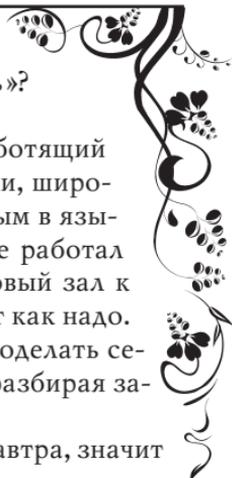
— Так осталось уже три дня до первого сентября. Я не успею, понимаете. А в зале первого сентября будет какое-то собрание.

— Этыт заль — игрушка будет, посмотришь. Все скажут: здание високой морали! Не спеши, слышишь! Арам сказал.

На заднике сцены беспомощно болтался пластиковый планшет: «Где бы ты ни был, и кем бы ни стал, помни о тех, кто тебя воспитал». «А в моей гримерной висело напоминание Баратынского, — с тоской вспомнила Маргарита: «Талант — это поручение от Господа Бога».

— Вы лучше, Арам Артаваздович, возьмите молоток и прибейте к стене планшет. Видите, оторвался и висит на одном гвозде.

— Э-э-э, шенщина, не указывай мужчине! Делай, что тебе говорят — отдыхать иди.

— А разве она не правду тебе говорит, Арам? — в дверях показалась фигура директрисы. — Прибей лозунг, как просит Маргарита Алексеевна.

— Зачем наспех делать? Придет рабочий завтра утром — прибьет твою планшету. Нет, они завелись...

Он нетерпеливо махнул рукой, и с важным видом двинулся на выход.

— А вы, смотрите, Маргарита Алексеевна, на полном серьезе трудитесь. Молодец! Зал должен быть, конечно, чистым. У нас здесь будет проходить Урок знаний для одиннадцатых классов.

Директриса провела пальцем по подоконнику.

— Но я Вам завтра подмогу сюда пришлю — классного руководителя и учащихся с трудовой практики. Так что, действительно, Маргарита Алексеевна, отдыхайте, Арам прав.

— Спасибо. Но у меня еще просьба к Вам. Нельзя ли будет сделать занавес раздвижным? Понимаете, это очень важно для будущих постановок.

— Это сложно, наверное, и дорого, — уклончиво повела подбородком директор.

В дверях опять показался Арам с молотком в руках:

— И сложно, и дорого. Но твоя беда — моя беда. Сделаем тебе занавесь. Но я тебе прошу — ни сичас.

Арам начал истоиво вколачивать гвоздь в стену, показывая всем своим видом, как нервничает.

— Ты торопишься, что ли куда? — покосилась директриса в его сторону.

— Зачем спрашиваешь, у тебе глаза есть? Смотри на часы. Видишь — шесть часов.

Арам вскинул руки и с негодованием посмотрел на женщин:

— Арам — мужик, и домой торопится, а ви — шенщины — должны пятки сверкать. Что мужья скажут?! Все, перекур.

— Ну хорошо, хорошо, Арам. Иди домой, и мы с Маргаритой перекур устроим. Пойдемте, Маргарита Алексеевна. Кстати, Вы курите?

— Год назад начала.

— Придется бросать. У нас не разрешается, и я прошу не нарушать запрет.

— Я не возражаю.

— Нет, возражать Вы можете. И учить детей возражать Вы должны — нам молчуны не нужны. А вот дурные привычки, извольте бросить. Учитель — это образ жизни. Где бы ни были, что бы ни делали, Вы должны всегда чувствовать, что Вам подражают. Вы в чем придете первого сентября?

— Наряжусь, конечно.

— Я понимаю, что не в лаптях. Но постарайтесь соблюдать дресс-код. Оголять ничего не надо, ни ног, ни плеч, дорогие украшения не уместны, косметика очень умеренная, джинсы у нас не носят. В общем, Вы знаете, строгий и классический внешний вид.

— Ну, как на работе? — с волнением спрашивает Алла Дмитриевна вернувшуюся с работы Маргариту.

— Пока не поняла. Но я привыкну, ты не переживай.

— Да как не переживать?! Скажет тоже! Директор — не свирепствует?

— Да, нет, вроде бы.

— Красивая?

— Галина Анатольевна Вольнова — красивая. Блондинка, примерно, лет пятидесяти. Хорошо сложена, подтянута, кандидат педагогических наук.

— Ну чего ты бесишься, я же просто так спросила.

— Устала, — промолвила Рита и села на диван.

Заметив, что дочь чуть перевела дух, Алла Дмитриевна вновь приступила к расспросам:

— А в музее была? Видела портрет Натали Станиславовны?

— Видела. Улыбка красивая, но холодная. Родинка над губой как мушка. Захватывает до мороза по коже. Внизу фотографии ее учеников, «добившихся значительных успехов в городе и стране».

— Ух, и строгая была. Ты не представляешь! Всегда как струна натянутая. С шести утра уже при полном параде. И ни одного больничного листка за всю жизнь!

— А о дедушке она говорила что-нибудь? Где он работал? Кто его родители?

— Мне?! Никогда. И вообще, что у нее в душе творилось, никто не знал. Алексей как-то задал вопрос за столом, а она ему: «Хватит разводиться нюни. Его не вернешь и не надо сантиментов. Надо жить дальше», — dixisit, и переключила тему. Сейчас я думаю, не хотела объяснять, почему он был репрессирован. Алексей ведь и не знал своего отца, он родился в тридцать седьмом, а отца уже посадили.

— А может быть она так любила Георгия Андреевича, что постоянно сдерживала себя от слез.

— Может и так. О замужестве она даже не помышляла. Но скорее всего, боялась неосторожными разговорами себя и сына погубить. Мой Алексей ее побаивался даже будучи взрослым.

— Папа ее боялся?

— Еще как! Она же его фактически одна воспитывала, без какой-либо поддержки. Только на семейных традициях. Он, бывало, плоско пошутить вздумает, так она одним словом приструнит так, что мало не покажется — дворянская кровь!

— А к тебе она как относилась?

— Да как... официально. Я ведь Найденова — дитя войны, детдомовская, «без биографии». Мне так хотелось свою семью, чтобы мама пожалела, приласкала... Она, конечно, никогда не давала понять, что я «не ко двору». С полочки иногда покупала мне разные вещицы — то дорогую сорочку, то сережки, то кофточку. И французским языком со мной занималась иногда. Думаю, в качестве своеобразной помощи семье сына. Но взаимного интереса, как мне кажется, не было. Она жила сама по себе, как снежная королева.

— Мне кажется, что таким образом она чтит свое право на внутреннюю независимость.

— Так и умерла — фактически стоя и независимо. Ведь никогда не жаловалась на сердце. Рухнула в шестьдесят три года, в момент.

— А я не помню похорон.

— Ты у Лидии Григорьевны во время похорон была, она тебя забирала, чтобы не травмировать. А похороны прошли тихо. Друзей у нее не было, кроме Румянцевой, а враги, слава богу, поплясать на костях не пришли. Семья да соседи, какие не на работе были, и всё.

— А может и хорошо, что так. Похороны — не спектакль.

— Понятно. Только жить-то застегнутой на все пуговицы, чего хорошего? Слушай, Ритка, а может это школа

такой отпечаток наложила?.. Ой, не дай Бог, и ты там такая станешь.

— Не беспокойся, у меня работа — творческая. Я же не учителем иду работать, а кружководом.

— Слово-то какое... мичуринское. Как будто выводить что-то надо, — мать подернула плечами.

— Да, лучше бы так и назвали должность: руководитель школьного театра.

— Вот! Видишь сколько там условностей? А ты говоришь: не переживай. Ой, Рита, в театре все понятнее...

— Нет театра, мама. Не бери мне душу! Было — и прошло, как сон. Мне надо еще приготовить что-то нарядное на первое сентября.

— Ну, уж одежда-то у тебя есть!

— Да, как сказать...

— Надо, кстати, на кладбище сходить, траву выполоть, ограду подкрасить — первого сентября у Натальи Станиславовны день рождения.

— И я с тобой пойду после работы. Помогу найти её могилу.

— Да чего там искать, на Братском-то кладбище! Она недалеко от входа похоронена вместе с отцом своим. Первая могила какой-то Воронцовой, а вторая наша. У Воронцовой трава тоже по пояс, видно родных уже нет в живых, я и у нее прибираю заодно. Как говорится, на том свете зачтется!

К удовольствию ребят и взрослых в школе появился свой театр. Режиссер Сергеева взяла всех желающих, поэтому репетиции шли чаще, чем были заявлены в графике занятий драматического кружка. Театр лечил комплексы

неуверенности, раскрывал талантливых ребят и помогал поверить в сказку.

Наконец, этнографической инсценировкой «Ночь перед Рождеством» школа отпраздновала Новый год. На маленькой школьной сцене в одночасье воскресли настроения и переживания гоголевских героев и их исполнителей. Как неожиданно театральное дыхание затмило все современные эстрадные танцевально-песенные номера с их одинаковой синтезаторной поступью! Оказалось, что раньше не хватало именно естественности этой домашней сцене и ее маленьким и взрослым обитателям и зрителям, не хватало мастера, который устроил бы каждому из актеров настоящий бенефис!

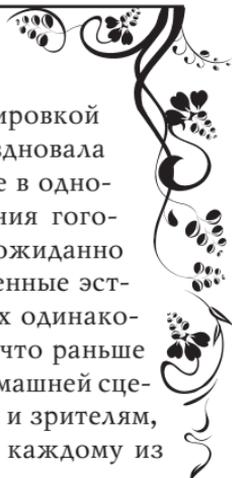
С раннеосенней поры все участники творческого коллектива собирались на читки ролей, на репетиции мизансцен, на изготовление декораций, бутафории, реквизита, на прогоны спектакля. Целое действие, во время которого у членов этого «тайного общества» не было ничего более интересного!

Было здорово, что в подготовке спектакля участвовали ученики и их родители, и учителя.

— Маргарита Алексеевна, возьмите меня на обучение, — попросилась на театральные репетиции Черненко Людмила Ивановна, учительница музыки. Молодая, стройная и чернобровая, она, конечно, больше подходила на роль Оксаны. Но в школьном театре свой закон: главные роли должны исполнять ученики.

— Конечно, Людочка, приходите, мне без Вас не обойтись. Я буду просить Вас помочь разучить с детьми украинские танцы.

— А на сцене сыграть дадите? — смущенно улыбаясь, спросила она.

— Конечно, сыграете! Может быть... Солоху?

— Ой, классная роль!

— Вам бы еще в пару кого-нибудь из учителей-мужчин уговорить. Жаль, что их в школе так мало. А ведь все постановки предполагают в основном мужские роли.

— Маргарита Алексеевна, а как Вам наш трудовик, Олег Петрович?

— Хорош, даже очень острохарактерный. А пойдет он на сцену?

— Еще как пойдет!.. Я думаю, Галина Анатольевна ругать не будет?

— За что?

— Как за что? За вольности. Мы ведь учителя, должны дистанцию держать. А тут характерные роли...

Солоха и Чуб были неотразимы.

Сложность работы режиссера Сергеевой над инсценировкой с самого начала заключалась в том, что нет такого человека, который бы не видел блестящий кинофильм «Ночь перед Рождеством» или не читал бы книгу Гоголя. А видел или читал — значит, имеет представление о героях. Все наши представления очень глубоко и прочно укореняются в сознании. Ну, а затем всегда идет сравнение. Если собственные сложившиеся представления выразительны и интересны, их изменить тяжело. Еще труднее создавать новые образы непрофессиональным актерам. Но тем и удивителен школьный театр, что как раз здесь позитивно срабатывает несовпадение зрительских представлений с их воплощением актерами самодеятельности.

Отличный Дьяк получился из долговязого десятиклассника, готового к преображению своей внешности до полной неузнаваемости — от прически до фальцета. Причем парень был не смешон, а прекрасен. Совсем дру-

гой образ, но не менее выразительный получился у тучного одиннадцатиклассника, который сыграл Пацюка. Очень хорош был Черт. Ученик третьего класса, необычайно подвижный, одаренный эмоционально и тонко чувствующий слово, он, входя в раж, начинал импровизировать, прибавляя и прибавляя динамики роли. Каскад его импровизаций зажигал всех партнеров, но не отягощал «звездностью».

Вакулу и Оксану обсуждали всем коллективом, фантазировали, создавая биографию образов. Придумывали, как бы поступил Вакула, если бы царица не подарила ему свои черевички или, что бы он сделал, если бы Оксана передумала и отменила свой «заказ». Выбрала бы Оксана Вакулу, если бы он был груб с ней или, наоборот, стал умолять ее выйти за него замуж? Ответить на любой из этих вопросов было непросто, а потому и исполнять роль должен человек с богатой фантазией и пониманием образа.

— Пусть Вакулу сыграет Павлик Мезенков. Это будет добрый Вакула.

— Он тихий и спокойный. А Вакула должен быть принципиальный. Лучше пусть Олег Михнович.

— Олег Михнович внешне не характерный, он длинный, над ним будут смеяться, а надо, чтобы восхищались!..

Маргарита Алексеевна, конечно, прислушивалась к мнению юных актеров, но останавливала спор:

— Предлагаю попробовать тебе, Володя. Ты, прав, добрый герой должен восхищать своей мятежной натурой. У тебя получится все в меру. А Оксану я вижу в Леночке. Она не манерна, у нее выразительные глаза и сильный голос. Вы слышали, с каким чувством она произ-

несла фразу: «Ах, как хороша! Чудо!»? Без кривляния и с какой надеждой на настоящую любовь это было сказано! А какие вы молодцы, что разглядели в Лене характер Оксаны!

Ребята, исполнявшие эти роли, старались изо всех сил и держались на сцене, как настоящие актеры — творчески. А уж про массовые сцены и говорить нечего! На репетициях было и трудно, и легко, и смешно, и горько, как в бурлящем котле. Не мешало даже временное отключение отопления. Набросив на плечи курточки и шубки, напялив теплые штаны и свитера, затянув шеи в шарфы, коллектив продолжал работать, не пропуская занятий.

Перед самым выступлением неожиданно с аппендицитом попала в больницу девочка, исполнявшая роль царицы. И тогда на выручку пришла завуч по воспитательной работе, молодая женщина с приятными чертами лица и роскошным низким голосом — Оленева Надежда Викторовна. Когда она нарядилась в пышное бальное платье с кринолином и надела театральный парик с локонами, заплодировал весь коллектив школы.

Музыка в спектакле звучала в оригинальной записи, в исполнении украинских кобзарей. В последней картине после слов Оксаны: «Он же так любил меня...», когда издали послышалась «Пісня про смерть козака» — лейтмотив Вакулы — зал замер, а после, в самом конце спектакля все зрители аплодировали в такт плясовой «Одирочке».

Успех был впечатляющий, а потому спектакль было решено повторить еще раз через день. Но уже на следующее утро в кабинете директора школы Галины Анатольевны Вольновой стали раздаваться звонки.

— Галиночка Анатольевна, помогите устроить в драматический кружок нашу Катеньку... Ну, как-то сразу не

сориентировались, не думали, что будет так серьезно, а коллектив уже набрали... Она ведь такая талантливая, посещает занятия в модельном агентстве, ей это просто необходимо.

«А ведь кружок можно было бы пропустить и как дополнительные платные услуги школы. Хотя бы для тех детей, которые придут сверх положенного количества», — подумала директор.

— Галина Анатольевна, спасибо Вами за Сашеньку. Мы такое удовольствие получили вчера на премьере спектакля. Мы и не думали, что у него актерские способности. Правда, он после школы пойдет на мехмат, но, знаете ли, все в жизни пригодится. Главное, что он по предметам успевает, несмотря на то, что занимается творчеством.

«Ох, и хитроумная эта мама! Предупредила заранее, дескать, не будет хороших оценок, значит, и в драмкружок не пойдет ее Саша. А ведь парень-то, действительно, талантливый. И зачем ему высшая математика?», — не успела подумать Вольнова, как ее мысли перебил очень важный звонок.

Заведующий районо долго беседовать по телефону не любил и чаще всего поручал решать вопросы своим заместителям. А тут собственной персоной:

— Слышал, что у тебя, Галина, теперь актриса Маргарита Сергеева работает? Поздравляю, выходишь на высокий уровень... Узнал случайно, слухами земля полнится... А что ж не пригласили меня на спектакль?.. Какие сомнения, если у тебя такой профессионал?.. Ты вот что, Галина Анатольевна: придет к тебе Кострова, фамилию такую ты знаешь, познакомь ее с Сергеевой и определи ребенка в этот драмкружок... Ну, и что, что не у тебя в школе ее ребенок учится. Ты знаешь, кто такая Костро-

ва? тогда какие вопросы? Пусть ее дочь занимается у хорошего специалиста. Это моя личная просьба.

«Вот это да! Не часто он ко мне с личными просьбами вот так обращается», — директор сняла очки и начала основательно протирать их.

«После премьеры «Ночи перед Рождеством» мы все собрались за огромным столом на вареники с вишней, сваренные в школьной столовой, и не могли наговориться:

— У меня ноги тряслись на сцене, а потом увидела, как Вы мне кулак показали, ну, думаю, была, не была.

— А мне, наоборот, не страшно было!

— Маргарита Алексеевна, а зачем нам с декорациями мучиться. Давайте сделаем видеоряд с падающим снегом, с месяцем на небе, с полетом черта!

— А как же я?

— Да как без тебя! Но я же о полете говорю, о настоящем, понимаешь? А ты только руками размахивал.

— А правда, в следующей постановке мы оставим только необходимый реквизит, а компьютер поможет нам сделать более фантазийное оформление.

— Какой красивый наряд был у Надежды Викторовны! Он из настоящего театра, да?..

С бывшими коллегами по актерскому цеху видимся редко. Но все театральные новости я, конечно, знаю. Когда была в костюмерной, услышала, что там теперь говорят про меня. Ну, и пусть! Меня это не так сильно задевает. У меня теперь другая работа».

*Глава 4.
Учительские
импровизации*

Если ты забываешь, во имя Кого и во имя чего ты творишь, то и отношение будет разное: одно дело — во славу Божию проповедовать творчеством и жизнью своей идеи, которые принес Спаситель, другое дело — во славу свою блеснуть, отличиться. Разбирайся, детка! Твори во имя любви к людям, ведь это вторая главнейшая заповедь; и тогда любовь к миру изольется слезами по нему, — страдающему, болящему, утратившему главное.

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

1 сентября 2005 года, четверг

«Драмкружок я вела два года. Потом тяжело заболела и не вышла на работу учительница русского языка и литературы, и произошло перераспределение нагрузки. Свою Литературу в двух восьмых классах мне отдала Румянцева Лидия Григорьевна. Получилось: ставка внеучебной, полставки учебной нагрузки и классное руководство.

На работе меня не зовут Рита, Ритка или Маргоша. Только Маргарита Алексеевна. В ячейке шкафа в учительской лежит журнал, на котором написано: «8 «Б» класс. Классный руководитель — Сергеева М.А. 2005/06 учебный год». «Это документ государственной важности, он будет храниться семьдесят пять лет, поэтому беречь его надо как зеницу ока. Заполнять только синей ручкой. Никаких точек, значков, помарок. Испортите, будет большой скандал. В лучшем случае Вы сможете его переписать», — проинструктировала зам. директора по учебно-методической работе.

Из зеркала на меня смотрит стройная женщина с гладко зачесанными назад темно-каштановыми волосами,

уложенными в струящийся чуть ниже плеч хвостик. Черты лица, слава богу, изменились не кардинально, хотя... Морщинки, конечно, есть, но я их тщательно гримирую по принципу: «Красота должна быть продумана». В общем, классическая внешность «героини» с открытым лицом и большими глазами. Когда я надену свой синий костюм английского покроя с отложным воротником, без бижу и рюшек, серые туфли на среднем каблуке, то никто никогда не усомнится в том, что моя роль — учительница. Голос твердый, взгляд ровный. Характер нордический...

Короче, слабой и рассеянной женщины уже нет и в помине. Там нельзя быть слабой. И я стала привыкать к новой роли.

Нет, я себе такой уже нравлюсь!».

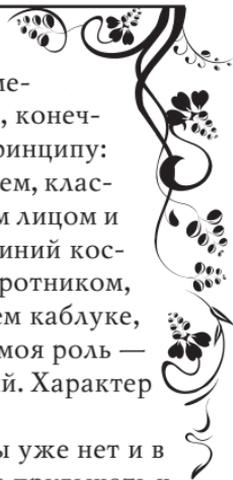
— Уйдем с последней литературы. В «Киномаксе» фильм классный идет, — бойко командовал коренастый с тяжелой нижней челюстью паренек.

Предложение Паршина, неформального лидера 8 «Б» класса, с полным согласием встретило двенадцать человек из двадцати шести. Девять собирались остаться, а пятерых в школе не было.

— Не-а, не кайф куда-то переться, — вступил в сопротивление Саша Казаков.

Паршин, заметив смятение на лицах других ребят, тут же взъерошился:

— Пацаны, не слушайте этого предателя, если мы все вместе уйдем, нам ничего за это не будет. Тем паче, что классная новая!

У Паршина с Казаковым еще в седьмом классе наметилось серьезное противоборство. За власть «над массами» их перепалки проходили и на уроках и после. Были и родители обоих мальчиков, и беседы у директора школы. Но временные перемирия всегда заканчивались одинаково.

— Кончай командовать тут, Порш! Иди, куда тебе надо!

— А я и в голову дать могу, — выдохнул в лицо Казакову табачный запах Паршин.

Казаков был тоже не из робкого десятка. Младший из многодетной семьи, он привык отстаивать свои интересы, что называется, с колыбели. Да и двое старших братьев в этой школе гарантировали ему безопасность.

— Можешь попробовать. Только потом не утирайся соплями.

Перебранка затянулась, и Маргарита Алексеевна оказалась прямо в эпицентре «петушиного боя».

— Паршин и Казаков, рыцарский турнир мы отложим на следующий раз!

Паршину хотелось держать марку и дальше:

— Мы хотим Вас предупредить, — запальчиво начал он, — что мы не можем остаться на Ваш урок. У нас уважительная причина, но мы....

— Ну, не можете, и не надо, — перебила его Сергеева. — Кто может остаться — оставайтесь. Остальных я жду на следующий урок.

Она решительно закрыла дверь и подошла к столу.

— Да, погода решительно против школы. И мне сейчас так хочется домой! Ну, что ж, придется немножко потерпеть, ладно? — она улыбнулась, скрыв на лице следы паники.

3 октября 2005 года

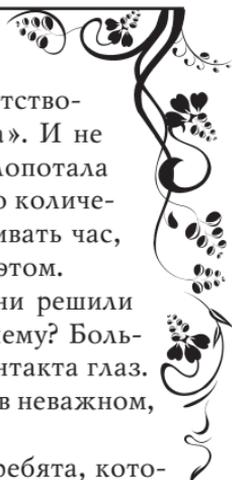
«Я потерпела фиаско: на уроке присутствовало девять человек. Ушла вся «камчатка». И не только. Если бы вошла завуч — я бы схлопотала выговор. У нас с этим быстро: нет нужного количества учеников на уроке — незачем оплачивать час, он считается как прогул. И дети знают об этом.

Обидно, что накануне Дня учителя они решили меня наказать. Они не приняли меня, почему? Большая половина класса сторонится даже контакта глаз. Следят, в каком настроении пришла. Если в неважном, еще и масла в огонь подольют.

Класс пестрый. Это не те творческие ребята, которые у меня в драматическом кружке. Одни группировки. Хмарин, Лебедев, Ковальчук, Петренко объединились по достатку — это очевидно. Паршин, Макаров и целая компания — по недостатку. Другие пока в стороне — по недостатку ума, общей культуры... Есть какие-то очень взрослые ребята, а есть совсем инфантильные. Паршин претендует на руководство, наверное, и кличку свою — Порш — сам утвердил, как марку крутой машины. Староста уж больно правильная, тоже присмотреться надо.

Пока идет урок — обстановка «местами рабочая»: слушают, отвечают. Не все, но все-таки есть некий образ урока. Урок закончился — это орда, неуправляемая и агрессивная. Ну и коллектив...

8 «А» гораздо проще, однороднее что ли. Они как будто подобраны друг к другу. Реакция на уроке ментальная: работать — значит, работать. Некоторых по драматическому кружку хорошо знаю — они вообще родные.

А мои — караул. Рискнула я, согласившись на литературу и классное руководство.

Все-таки нужно какое-то общее дело, объединение усилий ради взаимного удовлетворения, возможно, в какой-нибудь чрезвычайной ситуации».

На следующий день пришел весь класс, хотя и не все в школьной форме. Сине-красная форма предусмотрена для всех школьников — от мала до велика. Мальши ее надевают постоянно, а старшекласников на это дело надо еще сподобить.

Перед уроком к доске вышла староста Нина Яковлева с большим букетом цветов. Высокая, ширококостная с квадратным лицом, но правильными чертами, чем-то напоминает послевоенную декоративно-монументальную скульптуру. Властным кивком головы и организующим «Та-а-а-к» она заставила всех замолчать и произнесла полагающийся ко Дню учителя спич. К букету был приурочен блестящий картонный пакет с веревочными ручками с увесистым содержимым. Под неуверенные аплодисменты учащихся пакет был вручен учителю.

Все ждали реакции. «Сейчас будет отказываться для приличия», — читалось в глазах ребят.

— Спасибо. В праздник приятно получать подарки. Особенно при всех, — классный руководитель провела взглядом по классу. — Мне приятно, что сегодня на моем уроке собрался весь класс. И вот что я сейчас подумала: давайте заведем традицию поздравлять друг друга, например, с днем рождения ли какими-то важными победами.

— И публично освещать чьи-то проблемы? — голос с последней парты не верил в честную игру учительницы.

— Ну, если это общие проблемы, то почему бы их не решить всем классом? — Маргарита Алексеевна пыталась встретить глазами скептика.

Класс молчал.

— Вообще-то я знаю, как иногда хочется сбежать от проблем. И объявлять комендантский час не буду, — продолжила Маргарита Алексеевна. — Но давайте договоримся: если кому-то невмоготу, говорите честно, я не обижусь. И, может быть, мы даже все вместе уйдем с последнего урока.

— И Вы сбежите? — недоверие Паршина граничит с нахальным ехидством.

— Сбегу, Сергей. Раз вам стало не интересно, надо бежать. Вопрос куда. А потому я тебе поручаю составление культурной программы.

— Какой программы?

— Культурной! Ну, понимаешь, я же не могу просто так, повернуться и уйти с работы. Мне повод для этого веский нужен. Выставка какая-то интересная, без которой мы с вами никак не можем, или экскурсия.

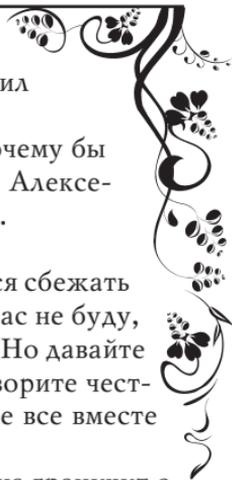
— Не-е-е-т, выставка — неинтересно. Не буду я никакой культурной программой заниматься. — Порш ощерился притворным безразличием.

— А на экскурсию поедете с нами? — неожиданно выкрикнул Казаков.

— С удовольствием, Саша! Давно не была.

— Вместо всех уроков?

— Договоримся с учителями, я думаю.

— Популистская акция! — пренебрежительно прокомментировал Порш. Но Маргарита сделала вид, что не услышала эту реплику и продолжила:

— У нас во дворе стоит автобус — «Школьный».

— Он сломанный, — отозвался Казаков, — стоит уже год.

— Вот и давайте возьмем над ним шефство, найдем возможность его отремонтировать. Там поломка небольшая, я узнавала у директора. Проблема в том, что нужно собрать средства на его ремонт и найти водителя нужной категории для наших поездок.

— Значит, мы за свой счет его отремонтируем, а пользоваться будет вся школа? — у Паршина явно не было настроения на общее дело.

— А им вообще-то может пользоваться только тот, кто имеет водительскую категорию. Вот мой отец мог бы нас возить на экскурсии, — перебил ее Петренко Никита, — я с ним поговорю.

— Вообще-то, конечно, дело это непростое, — начала уже вслух сомневаться Маргарита. — Ну что, осилим, как думаете?

— Надо подумать!.. — возражений не было, в глазах ребят мелькнула готовность к диалогу.

Сергей Паршин вскочил с места, перекинул сумку через плечо и демонстративно вышел из класса под молчаливое недоумение ребят.

— Эй, ты, Прыщ, ты сегодня дежурный!

— А почему ты дал ему такое прозвище? — отвлекаясь от заполнения журнала, Маргарита Алексеевна поворачивается вполоборота к доске, где происходит диа-

лог тщедушного Зайцева и красавчика Макарова. У Макарова большой авторитет среди девочек класса. В строго художественной литературе он не силен, зато в эпистолярном жанре упражняется регулярно.

— Это не я дал. Но ему погоняло подходит: он мелкий и противный.

— Сам ты противный, — пытается защищаться Рома Зайцев.

— Ты поговори еще!

Еще мгновение, и положение станет чрезвычайным. Сергеева не дает договорить верзиле:

— А в нашем классе уже установлен эталон роста и приятной наружности?

— Чего? — переспрашивает Химик.

Химиком его прозвали за то, что он однажды специально испортил воздух в классе, когда поджег пластиковую упаковку от ручек. Но урок тогда не отменили, а открыли поздней осенью все окна, чтобы выветрить запах.

— Как что? Эталон — значит, образец, идеал. Кто уже у нас рассматривается в качестве идеала? Уж не ты ли?

— Ну, все почти нормального роста.

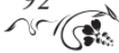
— Значит, ты ко всем предъявляешь строгие требования?

— Почему предъявляю? И так видно...

— Ты молодчага, Олег! Ты мне неожиданный совет дал считать свой аршин международной мерой. Что углубляться-то? Мне и так видно, кто из вас на что горазд, на вскидку! Устойчивым признанием будут пользоваться только отличники.

В ответ на такую морализацию Олег нетерпеливо подернул плечами.

— Или все-таки лучше быть снисходительной, как думаешь? — напрягала Маргарита.

Зайцев, отвернувшись к доске, как глухонемой усиленно оттирал написанное. Диалог застрял. Сергеева посмотрела на доску, потом перевела взгляд вверх по стене и увидела портрет Гоголя в черных очках. Очки модной тенденции были вырезаны из черного картона, соответствовали размеру лица классика, и были аккуратно закреплены на портрете. «Вот паразиты! И до портретов добрались. Перепортят весь кабинет. Как это еще завкабинетом Золотарева не пожаловалась?».

— Рома, раз уж ты дежурный, и ты Олег, уберите с портрета темные очки: солнце спряталось!

28 октября, пятница

«Наверное, потеряла авторитет еще одного разбойника в своем классе. Ничего, пусть знает, что мне не нравится, когда свое превосходство выказывают с помощью унижений. Правда, сейчас модно долгими извилистыми тропами приводить ученика к пониманию своих ошибок. А я сразу в лоб: нельзя, и все.

Вообще-то, мне кажется, что прозвища были и будут всегда. В нашей традиции спрашивать не «как твое имя?», а «как тебя зовут?», то есть не твое настоящее имя, а твое название. Имя может быть одно, а название другое. Язычники считали, что таким образом сохраняется дух человека. При этом кличка до сих пор лапидарно излагает суть человека. Сейчас это стало игрой. Я бы назвала это игрой в дистанцию: хочешь удалить от себя человека — назови его так, чтобы он был непохож на тебя. Чтобы подчеркнуть его инаковость. И этот защитный механизм, что интересно, работает безотказно.

У одних ребят прозвища необидные — от фамилий: Казак, Лебедь, Хмара... А у других — изощренные и личностные. «Донна Тонна» — про полную Медведеву Катю, или «Сигнализация» — про Яковлеву Нину. Издеваются над девочками!

Или вот «Прыщ», например. Что они хотели подчеркнуть в нем такое, что может сразу отталкивать?

И мне они придумали прозвище — Сказочница. А мне необидно. Ну, сказочница и сказочница. Значит, им нравится, как я рассказываю на уроках.

Так. А где дистанция? Где собака зарыта?.. Не верят они моим разговорам? Сказками их считают? ».

Без предупреждения на урок к учителю приходиться не принято. Но завуч школы предупредила Сергееву на перемене и пришла в восьмой «Б». Времени на подготовку у Маргариты Сергеевны не было, на что Соболева и рассчитывала — посмотреть не «спектакль», а возможности нового учителя. «Ну, на методику, здесь рассчитывать нечего», — думала проверяющая, — посмотрим, как Сергеева дисциплину держит и как с календарным планом работает».

— Маргарита Алексеевна, я к Вам на урок хочу прийти сегодня, не возражаете?

— Пожалуйста, Елена Петровна, приходите. Посмотрите на наших мудрецов.

— Чему тема посвящена у Вас в восьмом «Б»?

— «Разумному, доброму, вечному» — Некрасову.

Сергеева к зрителям привычна, но сейчас, когда она еще не уверена в себе как учитель, сердце тревожно за-

колотилось: «Так, спокойно, — уговаривала она себя, — артистичность учителя всегда располагает. Как там у Станиславского? «При словесном общении говорите не столько уху, сколько глазу». Жесты, не забыть о жестках!»

Кабинет литературы располагается на втором этаже и выходит углом здания на улицу, а потому вместо положенных четырех имеет семь окон. У школы давняя история, которую сегодня помнят окружившие ее акации и тополя. Только они в кабинете литературы напоминают о временах года, переодеваясь то в желтые, то в белые, то в зеленые платья. Это они сообщают о том, что человеческие проблемы — часть неведомой природы.

Урок начался как обычно с написанной на доске темы: «Реализм поэзии Н.А. Некрасова». Тема эта, как правило, не трогает подростков, озадаченных современными проблемами. Реализм Некрасова ассоциируется у них с реалиями давно минувших лет и вызывает тягостное настроение и огромное желание поскорее сбежать на перемену. Между тем, «поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан». И потому у Сергеевой, на самом деле, была очень непростая задача — подключить класс к работе со сложным русским классическим материалом.

Кроме того, ей достался класс мальчишеский. Из двадцати шести человек семнадцать мальчиков. Редкие мальчики способны к усидчивости и умозрительности. Их надо было постоянно удивлять, держать в творческом напряжении. А, главное, ребятам нужен был результат классных бесед. Их не устраивали пустопорожние разговоры о том, о сем, им необходима поддержка собственного «Я».

Они показали это Сказочнице: когда Николай Васильевич Гоголь «не соглашался» с выводами урока, он «на-

девал» очки и уходил в свои мысли — по всей вероятности, так надо было трактовать его аксессуар.

Эту необычную шутку кто-то осуществлял на перемене, забираясь на приличную высоту над классной доской — портреты писателей висели довольно высоко. Это был явно 8 «Б», после уроков в 8 «А» таких вещей не было. Но никто не брал на себя ответственность за содеянное. Фантазмагория происходила молниеносно, и Маргарита Алексеевна даже не догадывалась, чьих это рук дело: давать оценку ее уроков. Присматривалась к высоким ребятам, которые смогли бы дотянуться до портрета, даже задерживала их возле себя после урока, но очки появлялись, если шло что-то не так. Поэтому входя в класс, она невольно оглядывалась на стену, нет ли очков на портрете.

Маргарита Алексеевна окинула взглядом ребят и поняла, что после предыдущего урока математики они пришли ошалелые. А тут реализм середины девятнадцатого века. «Нужна какая-то динамическая картинка, близкая им, — думала она, выбирая образ урока. — Начать самой с чтения «Размышления у парадного подъезда? Нет, это показуха. Что же сделать в самом начале урока? Литература как вид искусства не приближает нас друг к другу так, как общие и понятные тревоги и радости».

Вопрос возник как будто сам по себе:

— Ребята, как, по-вашему, современное общество оценивает человека, испытывающего материальные трудности? Кто начнет беседу?

— Тут и беседовать нечего! — сразу отозвался Денис Хмарин с последней парты, на что проверяющая выпрямилась и выразительно посмотрела на учительницу, наблюдая, как она отреагирует на бестактность. — Человек

небогатый оценивается обществом как несостоятельный в личностном плане, неудачник, неспособный «коммерчески мыслить» и лентяй.

Такая реплика взбудоражила класс, ребята зашептались друг с другом, неуверенно поглядывая на сидевшую в конце класса гостью: «Видели, как мы можем?», а Сергеева пропустила реплику Хмарина, не одернула его.

«Что все богатыми должны быть?.. У каждого свое понимание богатства. А может быть, человеку и так хорошо, без богатства — голова не болит на сей счет...» — слышались другие реплики. И даже тех ребят, которые вообще отмалчивались. «Это хорошо, что Вадим и Коля думают вместе с нами, пусть даже боятся еще поднять руку», — отмечала про себя Маргарита Алексеевна.

— Люди, которые пренебрежительно относятся к тем, у кого средний достаток, просто сознательно унижают человека с помощью денег, — включилась в беседу отличница Яковлева. Она и на других уроках «выручает» класс правильными, вернее, трафаретными ответами.

Завуч одобрительно закивала головой и что-то записала в своей тетради.

— Да, я же не говорю, что это хорошо, — рванулся с места Хмарин. — Деньги — это психологическая ловушка для их обладателей, которые стараются любыми путями заработать их как много больше и оправдывают себя при этом. Ведь каждый человек по-своему выстраивает понятие о благе и по-разному реализует чувство собственного достоинства. И богатый тоже.

Денис — сложный мальчик. Он неспроста занимает место за последней партой, «в оппозиции», и учителям-предметникам, работающим в классе, трудно с ним уже не первый год. Он задирист. Он из хорошо обеспеченной семьи, но не лодырь. Он не «красавчик», но обращает на

себя внимание своей бойкостью. С некоторых пор он стал прислушиваться к Сергеевой. Он не столько полюбил ее за оригинальность мысли и эмоциональность уроков, сколько почувствовал себя на уроках литературы.

— Значит, современное общество неоднородно и оценки дает разные в соответствии с пониманием блага, — заключила Маргарита Алексеевна. — Денис, как ты думаешь, почему произошло такое перераспределение чувства достоинства?

— Произошло? Мне кажется, так всегда было, и во времена Некрасова, и сейчас. Те люди, которые владеют большими деньгами, постоянно проходят тест на потенциальную возможность возвышения или унижения своего достоинства.

— Хмарин, ты о каком возвышении говоришь? — иронично перебила Нина Яковлева. — О том, когда твой отец, как милостыню, в школе ремонт делает?

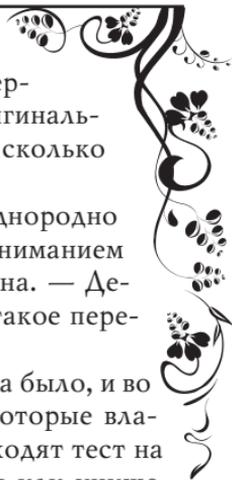
«Вот-те на..., — содрогнулась завуч. — От Яковлевой я этого не ожидала!»

— Мой отец делает ремонт, — горячился Денис, — но не как милостыню. Он может и делает. И для того, чтобы не собирали со всего класса, потому что у него есть возможность оказать помощь всем.

— Это он на трудовые доходы евроокна в школе вставляет?

— На трудовые, Яковлева. А тебя унижает, что он помогает школе?

— Это унижает всех, у кого есть материальные сложности в семьях, — запальчиво выкрикнула Нина. Ее, как и многих сидящих в классе, относят к когорте «небогатых» детей.

— Давайте не будем высказывать личные обиды. Мы обсуждаем вопрос богатых и бедных на уровне творчества Некрасова, который не был беден, но писал о бедняках.

На самом деле, мега-проблема молодежи и школы — социальная дистанция — никак не найдет выхода в самых обычных городских школах. Все дети в классах перемешаны по социальному положению их родителей, и учителя сами воюют с неподконтрольным бессознательным воспитанников. Впрочем, на уроке литературы эта дуэль была не первой и страшные вопросы уже прозвучали. Важно, чтобы ответы на них не прошли бесследно.

— Не перегибай, Яковлева, — примиряюще вмешивается в дискуссию Никита Петренко, — отказ от благотворительной помощи школе означает равнодушное поведение, прикрытое лозунгом невмешательства в чужие дела. Есть у человека возможность помочь, и на здоровье. Ему повезло в жизни больше, чем другим. Зато твоей матери платить за ремонт не пришлось.

Неожиданно для Сергеевой акцент переместился с безнравственности богатства на его экстермальную природу: «отец Хмарина случайно стал более удачлив остальных родителей». «Откуда такое мнение, что богатство может прийти случайно? Как в сказке? А может быть понимание этой случайности как-то связано с дефолтом?» — думала Маргарита, но дискуссия опять норвила скатиться к личностям, а потому ей пришлось придать спору несколько другой вектор:

— Ребята, почему мы лишаем права собственного достоинства тех, кому нужно наше милосердие? Почему милосердие может носить уничижительный смысл?

— Деньги — действительно тест «на вшивость», тут Хмарин прав, — подхватил эстафету Коля Павлов. —

Ведь кто-то просит материальную помощь не потому что у него нет возможности заработать, а в связи с социальным образом «я бедный» и таким характером заработка.

В классе царил философия.

«Всем известно, что среди тех, кто просит милостыню, есть аферисты, которые наживаются на людской доброте... Что же им поклониться нужно, подавая свои деньги?.. Или по каким-то признакам разделять — кому подавать, а кому нет?» — заговорили ребята.

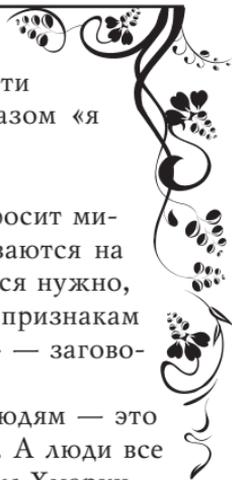
— Потребность быть милостивым к людям — это признак хороших качеств души человека. А люди все разные, и богатые тоже разные, — заключил Хмарин. — И я это говорю не только потому, что мой отец является членом попечительского совета школы.

— Не обижайся ты, Дэн, — поддержал друга Володя Ковальчук. — Человек, искренне стремящийся помочь другому, никогда не вызовет неприятных чувств. А все-таки милосердие состоит не только в денежном эквиваленте. Что такое деньги по сравнению с дружеской поддержкой?!

«Какое интересное завершение дискуссии получилось у Никиты», — подумала Маргарита Алексеевна и добавила:

— Молодец, Володя, распутал «гордиев узел». А ведь, действительно, знаем ли мы, где построить наш настоящий дом? «Человек милосердный благотворит душе своей», — сказал когда-то царь Соломон.

Теперь ребята были вполне готовы к «реализму Некрасова», и Маргарита Алексеевна взяла в руки книгу, и, открыв на нужной странице, начала читать.

Завуч и не почувствовала, что эта дискуссия была самой настоящей педагогической импровизацией. Но в конце урока все-таки сказала:

— Урок хороший, жалко, что работала только часть класса. Учтите, что надо опрашивать всех ребят. И пресекать амикошонство и хоровые ответы. А почему я Паршина не вижу больше недели?

— Его уже две недели нет в школе. Ребята говорят, что он собирается переходить в другую школу.

— А родители его что говорят, Вы с ними разговаривали?

— Пыталась, но разговор с отцом не получился. Сказал: «Выпорю гада!» и весь разговор. И мать совсем авторитета в семье не имеет, бьет ее муж, смертным боем. Вот и парень у них обидчивый и озлобленный.

— Выгнать мы его не можем, не имеем права. Надо что-то делать!

После ухода завуча Сергеева быстро взглянула на портрет Гоголя — черных очков не было.

26 декабря 2005 года

«Лежу на диване пластом.

Никогда не думала, что у меня будет такая сложность общаться с родителями учеников. Мне казалось, что я могу обходить острые углы с дифференциацией — так на научном языке называется оценивание ответов школьников. Пятибалльная система оценки сведена, по сути дела, к трехбалльной — «удовлетворительно», «хорошо», «отлично». «Неудовлетворительно» у меня на уроках — это редкость. Пришел на урок — уже нельзя «двойку» ставить. Когда такое было?

Но, что странно, родители жалуются не на «двойки», а на «четверки». Им, больше, наверное, чем их детям, хочется иметь «пятерки».

Да, мне резким тоном пришлось умерить пыл Яковлевой. А как надо было поступить? Не заметить, как она упивается полномочиями старосты? А ведь сейчас только-только коллектив стал собираться вместе. Кстати, благодаря ремонту нашего автобуса и первой экскурсии в Таганрог.

Я, конечно, придумаю. Не должна девочка кидаться на ребят, как бойцовский пес. Мягче должна быть, женственной. Сколько у нас таких женщин — солдат спецназа! Они свои навыки, наверное, как раз в школе и оттачивали, в коллективе рейтинг пробивали, а теперь всех подряд бьют наотмашь.

Звонит телефон. Сил нет подняться, ноги горят и на руках пальцы отекли. Ну, и пусть звонит.

И мода какая-то мальчишечья у девчонок: майки бесцветные, штаны на бедрах болтаются, кроссовки... Надо придумать что-нибудь на следующем уроке.

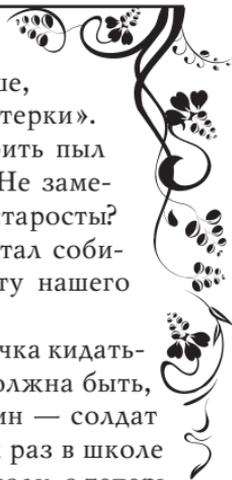
Звонок уныло повторяется.

Интересно, в старших классах в школу ходят только мамы, как будто отцы нарочно отстранены от процесса обучения. Впрочем, и в моей семье так же было.

Опять аukat звонок. Не могу ни на чем сосредоточиться. А вдруг что-то срочное?»

— Маргарита Алексеевна, ты жива? — звонит коллега Сергеевой Светлана Александровна Резникова.

Резникова ведет в ее классе русский язык. Обычно русский и литературу преподает один учитель — фило-

лог. Но у Сергеевой нет диплома филолога, хотя литературу она знает хорошо. Оттого и случилось разделение труда. Они с Сергеевой ровесницы. Резникова — восторженный зритель школьных спектаклей, куда неизменно приходит с букетом для режиссера.

— Ты как себя чувствуешь? — бойким голосом интересуется Резникова.

— Жива, но все противно, даже знобит.

— Послушай, не расстраивайся, ты здесь ни при чем. Эта Яковлева каждый год для своей дочки у всех оценки из горла выдирает через кабинет директора. Я тоже в прошлой четверти сдалась и поставила ей по русскому языку «пятерку».

— В этот раз она написала обвинительный документ. Она меня обвиняет в том, что я ненавижу ее дочь и еще деньги собираю с учеников. Представляешь? Да, деньги на ремонт автобуса нашел отец Хмарина, нам пришлось только повозиться с его санитарным состоянием.

— Нет, Рита, это вы хорошее дело сделали, я даже не ожидала. Как тебе это в голову пришло?

— Да как, я привыкла, что в театре всегда есть автобус. Это удобно и дешево для любых поездок. А она этого не видит, представляешь?

— Я, действительно, представляю. Поэтому и говорю тебе, не придавай этому письму такого значения. Как директор реагировала на письмо? она тебя ругала?

Сергеева вошла в кабинет Галины Анатольевны в понедельник утром. Массивный стол, массивное кресло, два телефонных аппарата. Опустилась на свободный стул.

Директор школы без воспитательных монологов прочла жалобу родителей, подписанную нерасшифрованными сине-черными росчерками. И в конце, задумчиво растягивая слова, произнесла:

— Вот так...

Сергеева покраснела и сцепила пальцы на столе.

— Сейчас все твердят о личностно-ориентированном подходе, — взгляд Вольновой стал твердым, — изучите его и постарайтесь не допускать до крайностей. А то они и дальше писать будут.

— Мне выставить всем четверым «пятерки» в четверти?

— Ни в коем случае! Зачем обезоруживать себя?! Просто разобраться и сгладить конфликт.

Выходя из ее кабинета под сочувственный взгляд молоденькой секретарши, Сергеева думала: «Невыполнимые сочетания слов — «просто» и «разобраться», «просто» и «сгладить». Эти словосочетания сидели в голове и при телефонном разговоре с Резниковой.

— Как не придавай значения письму?! Я — агрессор, детей невинных терроризирую непрофессиональным подходом к обучению и воспитанию. Она еще пожаловаться обещала в районо, если «не будут приняты меры». Так что эта история быстро не закончится.

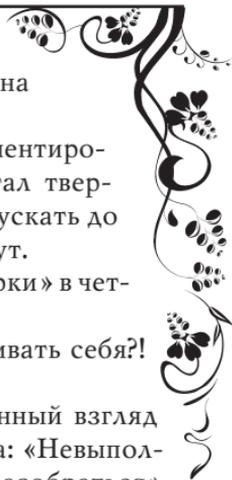
— Ты жалобу эту в руках держала? сколько подписей под ней?

— Четыре. Но это уже коллектив! Света, а ты не знаешь, кто эта Яковлева?

— В табели о рангах?

— Ну да. В графе «где работают родители, их занимаемая должность» написано — временно не работает. Она когда-нибудь работала?

— Понятия не имею. Скорее всего, никогда. Во всяком случае, дочь никогда не говорила, кто по профессии ее мать. Она — некто. Знаю, что она дома хозяйничает. А дом у нее везде. Россия, понимаешь, — это ее дом. Я ду-

маю, что она в таких масштабах и хозяйничает: в ЖЭКе, в магазинах, в поликлинике... и, само собой, у нас.

— Так это политика?

— Выходит, что так.

— Интересно, она считает, что мы работаем в сфере обслуживания?

— А где же еще? Она убеждена, что школа работает только для подготовки к вузу.

— Обслуживаем клиентов по вопросам литературы!

— А что ты удивляешься?

— Удивляюсь, как можно было демонстрировать до-
чери свое превосходство в такой форме. Ну, как я теперь
должна относиться к Нине? Она наговорила на меня ка-
ких-то глупостей матери, а я должна заискивать перед
ней, чтобы не было конфликтов?! Надо еще подумать, как
ее каким-нибудь способом освободить от обязанностей
старосты.

— Да не надо тебе ни перед кем заискивать и ничего
придумывать пока: поставь ты им в четверти «пятерки»,
чтобы отвязались. И конфликта не будет.

— В классе тогда конфликт будет. Она не мыслит на
«пятерки», и все ребята это видят. Она зубрилка. Попро-
сишь развить мысль — не может, чушь плести начинает,
а кто поумнее — сразу улыбается и на меня поглядывает:
«Ну, что вы на это скажете?» А что делать с ее пренебре-
жением к удачам других ребят?

— Рита, а ты знаешь, ты сама напиши докладную ди-
ректору о том, как успевают Яковлева!

— Не хочу я раздувать такой пожар. Я что-нибудь
придумаю...

«У Макаренко таких проблем не возникало в принци-
пе. От них его оберегала колония — закрытое учебное
заведение. Да, он нес огромную ответственность за тех,

кто находился под его влиянием, преодолевал их сопротивление, буйный темперамент, варварскую натуру. Но его воспитанников никто не выгораживал, им никто не гарантировал поддержку извне школы, никто не подрывал его авторитет. Антон Семенович учил их честно драться и отвечать за свои поступки по полной программе.

У дворян и у кадетов тоже неспроста были закрытые пансионы.

Современная школа открыта разным инновациям и концепциям. Только вот крепкого коллектива, как рассола для хрустящих огурцов, она не гарантирует. Говорим о коллективе, но это не тот организованный коллектив детей, попадая в который ребенок, как «несоленый огурец», через некоторое время становится «соленым». Говорим о доверии к учителю, стоит он его или нет, компетентен или нет...» — с такими мыслями Сергеева долго не могла заснуть.

17 марта 2006 года

«У нас опять новости. Под моей либеральной крышей возник свободный театр со взрослыми куклами. Макаров, он же Химик, решил взять пример с Лебедева. Володя живет на широкую ногу, бравитурет своим достатком, платит, видите ли, за всех в столовой. Это из чувства милосердия, что ли? И этот решил примкнуть к богачу. Только вот перегнул палку.

Захожу в учительскую, а там Якубенко, наш математик. Дети называют ее Стрекоза из-за больших и круглых очков на плоском лице и за стремительный шаг по коридорам. Учитель сильный, но эмоции через край.

Анна Сергеевна стоит среди коллег и аж задыхается:

— Так и сказал! Слышите, Маргарита Алексеевна, что Ваш Макаров мне сейчас заявил?

— Вот нахал! — поддакивают уже выслушавшие от нее эту историю.

— Что он сказал?

— А он, он прямо при Лебедеве, прямо после урока, — от возбуждения Якубенко суетливо взмахивала руками, — поставьте мне, говорит, Анна Сергеевна, в четверти «пятерку» по математике, а я Вам за это поляну накрою!

— Да он еще и с юмором! — отвечаю я, наверное, не-впопад.

— У меня к Вам, голубушка, нижайшая просьба. Возглавьте воспитательную работу в Вашем классе. А то уже и заходить в 8 «Б» стало невозможно.

— Непременно, Анна Сергеевна! Только проясните для меня, пожалуйста, каковы шансы у Макарова на положительную оценку?

— Да Вы смеетесь надо мной! Он двоечник, бездельник, да еще и наглец. И не пытайтесь защищать его!

— Хорошо, разберемся.

Ну, думаю, Макаров — артист. Порисовался на славу. Теперь держись!

— Ты, Олег, пообещал Анне Сергеевне поляну накрыть?

— Ну, пообещал, — смотрит на меня с вызовом.

— Раз обещал, надо сдержать обещание. Накрывай поляну, Олег!

— И накрою!

— Садись, записывай, что надо купить на поляну, а то ошибешься еще монетой.

Он удивленно потянулся к тетради.

— Коньяк пить будем армянский, пятизвездочный. На закуску возьми лимонов пару, палку колбасы «Москов-

ской», сыра «Тильзитер» и «Мааздам» граммов по триста, хлеба, сладкого чего-нибудь. Да, бутерброды с икрой надо обязательно, — сообщаю ему, как будто мы с ним на равных.

— Маргарита Алексеевна, мне денег не хватит. У меня только... — уже заговорщицки делится он со мной.

— Некуда тебе деваться, Макаров, раз ты обещание дал, да еще при свидетеле. Обещание сдерживать надо.

— Я сдержу, но не такую сумму.

— Нет, Олег, нельзя лицом в грязь. Надо, чтобы все было, как на поляне. На настоящей поляне народу много бывает.

Парень сник. Я ждала подобной реакции, и чтобы он прочувствовал серьезность ситуации, продолжаю:

— Так вот. Поляну накроешь в субботу. На поляну Анна Сергеевна придет, я приду, не возражаешь?

Он опустил голову.

— Директора позовем — она же хозяйка заведения. Ну, и родителей твоих, конечно. Нам же надо всем вместе подумать, как твои «двойки» исправлять будем!

— Я сам исправлю.

— Только ты не думай, что мы все голодные и нас перед этим кормить надо.

— Я извинюсь перед Анной Сергеевной.

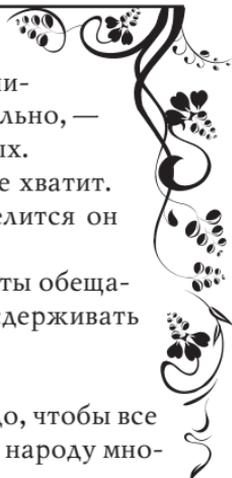
— Наедине? Хамил при всех, а извинишься наедине?

— Я извинюсь перед классом.

— А разве ты оскорбил только класс?

— Так что же мне, в учительскую идти?

— Мы с тобой пойдем вместе. Наверное, в этом есть и моя вина, что ты подумал о нас такое».

18 марта, суббота

«Провели классный час, на котором утвердили бюджет класса, все финансовые вопросы, вопросы дисциплины и успеваемости. Наметили экскурсию на каникулы в Волгоград.

Голосование было тайным, чтобы никто не боялся за последствия. Теперь подчинение воле большинства оправдывает наказания за пропуски занятий — отстранение от внеклассных мероприятий на месяц, и придает значимость похвале — выдачу благодарственных писем родителям на родительских собраниях».

«15 апреля провела родительское собрание в своем классе. «Подвели итоги поездки»: посмотрели видеофильм, снятый в Волгограде. Поездка прекрасная во всех отношениях! У меня уже целое «досье» о нашем классе в культурно-исторических местах. Вот уже и Сережа Паршин с нами ездить начал.

Теперь надо встряхнуть своих лентяйчиков под конец года, а то съедут на тройки-двойки. Весна — время любви. Уроки вести невозможно, мальчишки оглядывают девчонок, как бы ненароком, и высокие мысли их совсем не интересуют. У девочек на щеках загораются румянцы первой любви. А программа — до предела!

Родители, конечно, исправить ситуацию не могут. Но пусть хотя бы поговорят дома о любви и дружбе, детям о себе расскажут, о сердечных сложностях. В классе всем мальчикам девочек не хватит. У нас соотношение 1:2. Поэтому разочарованных нужно морально поддержать.

Спасибо, что родители, в основном все пришли. Как всегда отсутствовали родители Паршина, не было Бережновой и Яковлевой.

Благодарственных писем ждут все родители. Те, кому не вручила, подбежали с распросами «Как наши дела?» «Наши» — теперь я не одна».

— Маргарита Алексеевна? здравствуйте. Да, я собиралась Вам звонить, но замоталась. Я бы все равно позвонила. У меня тут проблема со здоровьем. Дело в том, что у меня туберкулез, и к тому же, открытая форма. Меня в понедельник в санаторий кладут.

— Надежда Васильевна, а надолго? С кем же останутся дети?

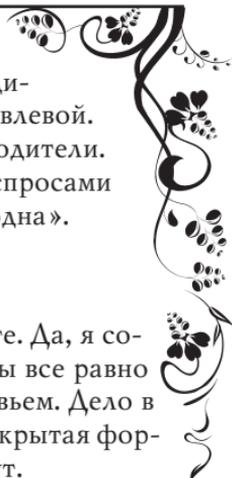
— В том-то и дело. Кирюшку заберет к себе сестра в Ольгинскую, ему в школу не ходить, а Кате, наверное, придется... Мне врачи говорят, в школу-интернат, а мы так не хотим! — голос срывается от долгих переживаний.

— А Катя тоже больна?

— Да нет, слава богу. Но и ей, и Кириллу выписали таблетки профилактические, чтобы предупредить заражение. Понимаете, нам нужно сейчас что-то придумать. Может быть, она останется дома...

— И кто ее будет кормить, обслуживать, навещать? У вас в Ростове есть такие родственники?

— Да какие родственники? Муж спился совсем, не живет с нами давно. Да я и не знаю, где он сейчас живет, и живет ли. Ему еще, как только Кирюшка родился, вшивали под кожу «торпеду», да не помогло. Я сама со своими детьми управляюсь. Правда, сейчас сестра будет помо-

гать по мере сил. Впрочем, не знаю, может быть, Катя и сама справится дома, без меня.

— Надежда Васильевна, а может быть, Катя поживет пока у меня? А летом поедет к Вашей сестре в Ольгинскую?

— Да что Вы!.. Так обременять Вас... Мы справимся!

— И все-таки давайте попробуем. Я живу вдвоем с сыном. У нас две комнаты — поместимся. Я Вам скажу, что мне так даже спокойнее будет. Честное слово!

— Спокойнее?..

— Ну да. Представляете, сколько переживаний, когда знаешь, что ребенок один дома живет?

— Да, время сейчас тревожное.

— Соглашайтесь!

— Мне неудобно.

— Потому что Вы меня плохо знаете или, почему неудобно?

— Да, нет, я к Вам очень хорошо отношусь, и Катя тоже. Но вдруг она что-то сделает не так, обидит Вас...

— Я думаю, что мы разберемся. Вы не теряйте времени даром, собирайте ее вещи, а я приду и заберу ее часов в девять. Хорошо?

— Спасибо Вам, Маргарита Алексеевна. Я Вам оставлю свой сотовый, Вы же позвоните мне, если что...

23 апреля, воскресенье

«Надежда Васильевна Бережнова заболела туберкулезом в открытой форме, ее госпитализировали месяца на четыре, а Катя уже неделю живет у меня. Какая деликатная девочка!

У меня нет дочери, и я привыкла к стилю общения с сыном. Это две разные планеты — одна перпендикуляр-

ная, а другая параллельная. У Алешки перпендикуляр — прямое и резкое движение, все взвешено на весах и оценено по максимуму. А Катя как волна: спать — спать, есть — есть, уроки — уроки.

Ну, а поговорить можно всласть! Пока Алешка с друзьями мотается, мы с Катей дома все дела перделаем. Она меня, конечно, стесняется. Холодильник открывать боится без разрешения. Ничего, привыкнет. Я ей почаще буду задания давать приготовить что-нибудь несложное».

— Ну, и как тебе, Бережнова, живется у нашей Сказочницы? — циничным взглядом Паршин уставился на Катю.

— Хорошо живется, спасибо за внимание.

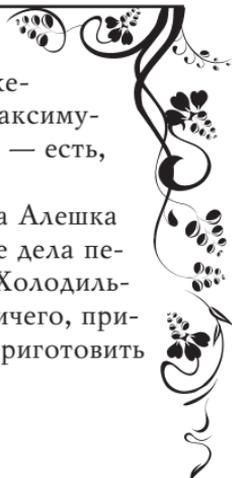
— Ты что это быковать вздумала? отвечаешь невразумительно?

— А ты хочешь, чтобы я перед тобой отчитывалась?

— Хочу. Мы с тобой вместе подписывались под письмом Нинкиной матери. Так что мы теперь в одном трюме. Не будешь отчитываться, я скажу Сказочнице, как ты ее скинуть с руководства хотела. Мне терять нечего. — Порш нагло надул жвачку.

В класс вошел Хмарин, он слышал почти весь разговор.

— Порш, ты чего к человеку пристаешь? В друзья ей набиваешься? — вмешался Денис, услышав домогательства Паршина.

— Мы и так с Катюхой друзья, — Сергей панибратски положил руку на плечо девочке, — а ты, Хмара здесь не при делах.

Хмарин схватил Паршина за грудки и потрянул его так, что тот ударился головой об косяк.

— Отойди, я сказал, и не подходи к ней, понял? — глаза его сверкали гневом и готовностью идти до конца. Видимо, в тот момент у Паршина не было особого желания портить свой облик, поэтому он только повел плечами:

— Так бы сразу и сказал, что у тебя к ней... «У самовара йя и моя Маш-ша...» — скабрезно затянул Порш.

— Ты заткнешься? — Хмарин еще не успокоился.

— Ну, все, все, молчу, брат.

Хмарин опустил на парту рядом с Бережной:

— О каком этом уроде письме тебе говорил? Или он врет?

— Да, было такое письмо. Против Маргариты.

— Когда?

— Еще в октябре. Нинка Яковлева с Паршиным подошли к нам с Лавазян, бумажку сунули и сказали расписаться.

— И вы расписались? А вы его читали?

— Не читали. Видели, что там директору что-то про Маргариту.

— А зачем подписывались?

— Паршин пригрозил своими пацанами, если мы не подпишемся, — в глазах Катерины ужас. — Ну, это уже давно было, понимаешь...

— Вот тварь! — Хмарин решительно двинулся на Паршина.

Силы были неравны. У Хмарина — эмоции через край.

— Ну, че ты, Хмара, — начал было Порш.

— А ну вставай, кляузник! Расскажи нам, какие ты по ночам доносы пишешь?

— Это Нинкина мать написала, — Паршин злобно посмотрел в сторону Бережновой. — Она тебе уже наступала?

Но Хмара уже объявил войну и стал палить:

— Это я тебе сейчас настучу, — Денис с размаху ударил в лицо Поршу. Порш завалился на соседнюю парту, утер кровавую каплю из носа и грязно вымастерился.

— Сережа, неужели ты стерпишь? — крикнула ему Яковлева.

Порш поднялся. Истерическое расстройство личности поддерживало желание быть признанным и находиться «на коне». Тряхнул челкой. Но увидев, что Хмара с какой-то звериной злостью опять идет на него с кулаками, он увернулся и выскочил из класса, впервые в жизни не сумев дать отпор своему однокласснику. Это была не его минута славы. «Ну, подождите, я еще отыграюсь!», — скрежетал он зубами от ярости.

Яковлева замерла в ожидании расправы, и не напрасно.

— Слышь, народ! — Хмарин расправил плечи, — Почему у нас Сигнализация в старостах ходит? Давайте голосовать, кто против нее?

— Как это вы будете голосовать без классной? Выборы будут недействительными, — смело заявила Яковлева.

— А как же кляuzu директору твоя мать без классной носила? и кляуза была действительной?

— Правильно, Хмара, — подхватил Казаков, засунув большие пальцы в карманы джинсов, — зачем нам барабанщица в руководстве. Я против нее.

Кроме Донны Тонны все подняли руки — Медведева сидела рядом с Яковлевой и не могла отважиться.

— Всё, Яковлева, ты в отставке. И правительства у тебя нет, — подзадорил ребят Никита Петренко.

— Выберем сейчас и старосту, и правительство, — перемена заканчивалась, и Денис начал торопиться. — Кого предлагаете, быстро!

— Тебя, Хмара, — Казаков на полном серьезе стоял посреди класса. — Ты мужик нормальный, прямой. Я за тебя.

— Та-а-а-к. Может быть, у кого-то есть другие кандидатуры? — учитель истории стояла в дверях вместе с Сигнализацией. — У вас тут демократия, как я вижу, — с удовлетворением оценила она обстановку.

— Ольга Яковлевна, разрешите нам закончить пере-
выборное собрание, пожалуйста.

— Ну, что ж, заканчивайте, — довольная накалом социальных страстей ответила Чижикова, — это в некотором роде раздел обществознания.

— Ольга Яковлевна, — затараторила Яковлева на ухо учительнице, — Хмарин Паршина только что чуть не убил; у Сережи все лицо в крови.

— Хмарин, — спохватилась Чижикова, — так у вас тут оказывается кровавая революция, а не упражнения в дебатах?

«Кто сказал, что кровавая? Какая еще революция? У нас все решается мирным путем!» — заголосила школа адвокатов.

— А вот Нина говорит..., — профессионально подозрительный взгляд сканировал Дениса.

«А нам Вы не верите? Да, не слушайте Вы ее...» — перебил ее шум голосов.

— Хмарин, я видела, как ты Паршина бил! — взвизгнула Яковлева.

— Это было? Отвечай, Денис, — строго потребовала Ольга Яковлевна.

— Во-первых, он получил по заслугам. А во-вторых, это было единственное средство заставить Сергея учиться, — откликнулся Хмарин.

Никто даже не прыснул, все поддержали хитроумный ход Хмары.

— Никто не давал тебе право совершать самосуд, Хмарин. Бить человека — незаконно, — властно пробасила Чижикова.

Урок истории превратился в урок этики.

— Это были чрезвычайные обстоятельства, при которых иногда возможно нарушить закон, — отбивался Хмарин.

— Да, правильно он ему заехал, чего там говорить, — Казаков поддержал Хмарина.

— А если бы он так «заехал», что убил бы его? — вопрос исторички повис в воздухе.

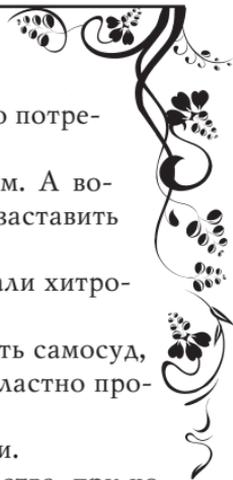
— Не убил бы. Он его аккуратненько, не волнуйтесь, Ольга Яковлевна.

— Хмарин, я хочу, чтобы ты и все остальные поняли: наказывать кого-либо на выборах кулаками отвратительно.

— Я понял, я на выборах не буду.

— Ладно, поверим на слово. Ну, что ж, заканчивайте свои перевыборы, — садясь за свой стол, пробормотала она себе под нос. — Сергеева хоть бы предупредила, что у них собрание перевыборное, я бы урок перестроила. Черти-что!

А Сергеева и не предвидела такой формы реванша.

Общее собрание большинством голосов, открытым голосованием, при одной воздержавшейся избрало старостой класса Дениса Хмарина, его заместителем Никиту Петренко, ответственным за культурно-досуговую работу Сашу Казакова. Спортивно-массовый сектор возглавила кандидат в мастера спорта по художественной гимнастике Елена Лавазян, а трудовой сектор достался Олегу Макарову.

Старый конфликт был исчерпан. Но интерес к тому обстоятельству, что Бережнова проживает у классной руководительницы, остался. Каждый потихоньку расспрашивал ее: «Маргарита Алексеевна добрая? А денег на столовую дает? У нее же взрослый сын, он не пристаёт? Где ее муж? А готовить она умеет?» Ревностным воспитанникам было интересно все. А самые смелые стали приходить к Бережновой в гости, чувствовали себя, как дома, заглядывали в книжные полки, рылись в дисках. И Маргарита Алексеевна выказывала терпимость.

Неожиданно Катя стала центральной фигурой класса. Она гордилась тем, что живет с учительницей, и подражала ей. Ей так нравилась учительница, что она боялась каким-то неосторожным словом разрушить их дружбу. Она так прониклась ролью подруги Сергеевой, что проявила невиданный дотоле интерес к учебе.

— Конечно, теперь Вы Бережновой поставите «пятерку», — нагло заявила на уроке Сергеевой Нина Яковлева.

— Конечно, поставлю. Катя прекрасно отвечала. Разве нет?

— Так Вы же ее дома и подготовили к ответу на вопрос.

— Я и сама готовилась, — не растерялась Катя.

— Я всем давала задание на дом, и у всех было время подготовить его самым лучшим для себя образом. Вы могли готовиться и с родителями, и с друзьями, — решительно отпарировала реплику интриганки Маргарита Алексеевна.

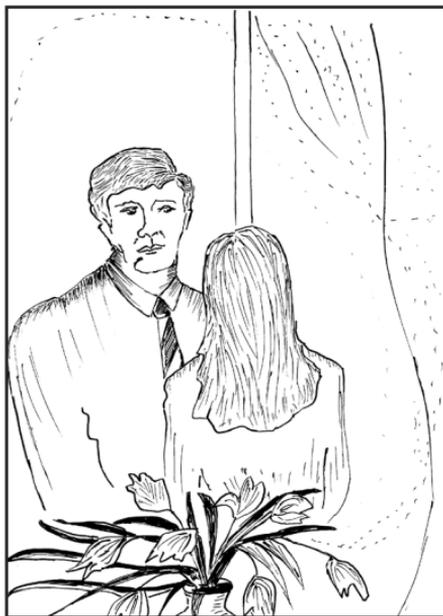
В данной ситуации оценка, действительно, была символом объективности и справедливости. Сергеева, с одной стороны, понимала, что должна поддерживать Катю и в школе тоже, а, с другой стороны, выставление завышенных оценок было бы медвежьей услугой. Поэтому она, конечно, занималась с девочкой дома. И ничего предосудительного в этом не видела.

Девочка прожила у нее до лета, как и договаривались. За четвертую четверть они привыкли друг к другу настолько, что у Маргариты Алексеевны появилась, может, и крамольная мысль о том, что если с Надеждой Васильевной случится что-нибудь ужасное, то она удочерит Катю. Однако прогноз врачей оказался благоприятным. В июне Катя уехала к тетке в станицу Ольгинскую, а после летних каникул, когда больничное лечение матери закончилось, их семья вернулась в прежнее русло.

Рейтинг Маргариты Алексеевны Сергеевой как учителя литературы повысился, или, как сказали бы ее подопечные, «у нее поперло». Она еще числилась в новеньких, но на пороге школы ее за соблюдение катехизиса по воспитанию уже встречали удивленным уважением ученики и коллеги, называя за глаза Маргошей.

*Глава 5.
Новая встреча*

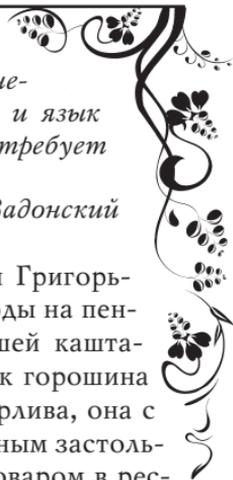

Любовь сыщет слова, которыми можно созидать ближнего. Она представит способ, ум и язык твой направит, и дело это не требует красных речей.

Святитель Тихон Задонский

Семидесятипятилетний юбилей Лидии Григорьевны Румянцевой еще не означал ее проводы на пенсию. Бодрая стройная женщина с хорошей каштановой стрижкой и большой выпуклой, как горошина родинкой на шее была приветлива и говорлива, она с молодости привыкла к большим праздничным застольям. Ее муж, царство небесное, работал поваром в ресторане «Тихий Дон» и жена всегда гордилась его кулинарным искусством. Детей им Бог не дал. Но сохранил ее молодой задор и готовность собирать «большие советские праздники» даже в нелегкие времена.

Румянцева легко хороводилась и со своими учениками. Могла устроить шумную дискотеку на параллели, могла увезти их в турне по тургеневским местам, а могла и пригласить весь свой 10 «А» к себе на день рождения домой. Огромный педагогический опыт, а не стаж, создал ее авторитет. Она ни разу не вошла в класс с понурым видом «как мне все надоело». И дети платили ей благодарностью. Накануне «взрослого праздника» был большой «детский», поэтому вся уже несовременная мебель двухкомнатной квартиры была заставлена сосудами с цветами. В вазах, в ведре, в трехлитровых баллонах, даже в срезанных пластиковых бутылках — кругом стояли цветы. Она порхала среди разноцветья как бабочка в ярко-красном платье.

— Лида! Ты в красном как сама любовь, — отвесил комплимент учитель труда Олег Петрович и к нему сразу повернулись все глаза.

Вот она, феминизация учительских коллективов. Два мужика-учителя — по труде и по физкультуре — в этом их безумный успех.

И тут же его слова подхватила директор школы:

— Лидия Григорьевна по праздникам всегда в красном. Я помню, как Вы первая среди всех наших учителей надели кримпленовое платье. Оно тоже было красного цвета.

— Галочка, ты даже это платье помнишь? Ты тогда еще совсем маленькая была.

— Ну, как маленькая! я в девятом классе училась. — И повернувшись к гостям, Галина Анатольевна громко сказала. — Лидия Григорьевна Румянцева была моим классным руководителем. Поэтому мой гост первый!

Лидия Григорьевна была в хороших отношениях со всеми коллегами, но теперь она кохала Маргариту. На украинском наречии этот глагол гораздо полнее глагола «любить». «Кохать», значит, беречь, как родную дочь. Когда в семье Сергеевых случилась беда, и Рита ушла из театра, Лидия Григорьевна стала ее импресарио в школе — ходатайствовала о трудоустройстве, помогала методичкой, потом она отдала ей свои уроки литературы в восьмых классах. Рита довольно часто бывала в доме Румянцевых, и Лидия Григорьевна всегда восхищенно говорила «ну, копия бабушка!» и старалась чем-нибудь угодить ей или поддержать:

— Риточка, тебе надо закрепить на часах литературы. Ты сможешь! Ты же знаешь и классику и современников. Литература — это самый замечательный предмет

в школе. Это же целая жизненная школа, которую осваивают вместе и учитель, и ученики!

— Знать-то я, знаю. В смысле «читала-разбиралась». А могу ли я быть учителем жизни, если с обустройством своей собственной справляюсь довольно скверно?

— Вот и будешь учиться жизни у классиков! — последовал категоричный ответ.

Гостей было двадцать человек, в том числе и совсем незнакомые люди.

— Маргарита Алексеевна, это Игорь Александрович Воронцов, — представила Лидия Григорьевна своего гостя. — Врач. Сын моей старой знакомой, и, между прочим, сейчас холост.

— Игорь, — смущенно улыбнулся гость. — Лидия Григорьевна, что же Вы не предупредили, что у Вас такой большой праздник. Я думал, домашние именины...

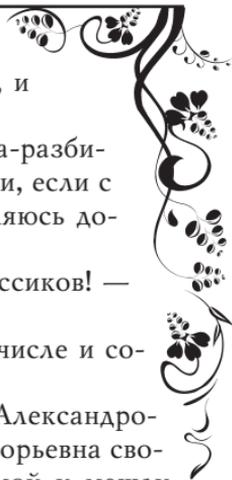
После рукопожатия новых знакомых Лидия Григорьевна заговорщицким шепотом добавила Маргарите на ухо:

— Присмотрись к нему, очень рекомендую!

«Откуда я знаю эту фамилию? Воронцов, Воронцов... Нет, не помню», — думала Маргарита.

Юбилей получился с размахом, но не кичливый. Гости чувствовали себя свободно, расхваливали хозяйку, а также отмечали разнообразие блюд и повышение цен, сетовали на коммунальщиков, исчезновение морали и законов.

И Маргарите приглянулся Игорь Воронцов.

11 июня 2006 года, воскресенье

«Одиноких женщин нечасто приглашают на семейные вечера. Где вы, принцы, рыцари, кормильцы?! Но здесь вечер особый: здесь все свои.

Волнение у порога, букет роз, подарок в шуршащей обертке, поздравления, поцелуи, — и я оказалась за удивительно длинным овальным столом.

Лидия Григорьевна решила познакомить меня со своим знакомым врачом — Игорем Александровичем.

Банальнее знакомства не придумаешь. Но поскольку за столом мы оказались визави, я присмотрелась к нему.

Высокого роста, респектабельный мужчина лет пятидесяти. И имя соответствует — былинное. Волнистые посеребренные сединами волосы аккуратно подстрижены, а их оттенок подчеркивает бледно-голубая гармония рубашки с галстуком.

Рубашка ему идет. Интересно, кто ему стирает?

Немногословен, не паяц, никакой попугайщины. Но когда образовалась смущенная пауза, какие бывают в начале вечера, он завязал тему хорошим языком. Интеллект — это важно.

Я учтиво слушала.

Резюме: благородный король, не дурен, ни одной фальшивой ноты.

Вопрос: есть ли взаимный интерес?

Мир незнакомых звуков, и мы сидим посреди этого мира. Кажется, что несуразность нашего поведения замечают все вокруг. Наше поколение всегда мается от чувства ложного стыда: вдруг меня неправильно поймут?

Вдруг кто-то с лоджии вошел в комнату и громко сказал: «Белый танец!». Грянула музыка, теперь надо было наклоняться друг к другу, иначе не разобрать ни слова.

Игорь Александрович перегнулся через стол, и наши лица оказались рядом:

— Интересно, у нас с Вами общее молчание или два разных?

— Возможен любой вариант, — я стараюсь смотреть смело ему в глаза. — Какого молчания хотите Вы?

Я подняла бокал, и мы слегка чокнулись красным «Игристым».

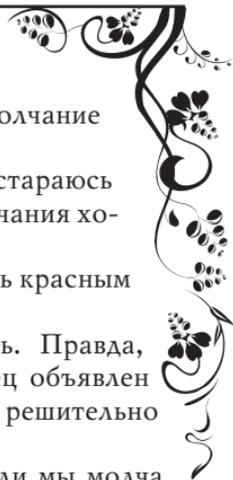
— Танцевального. Давайте танцевать. Правда, приглашать должны Вы — все-таки танец объявлен белый... — он поправил узел галстука, решительно встал и задвинул свой стул.

Я послушно протянула руки. Танцевали мы молча. Господи! Танцую с мужчиной. Какой-то неуловимый жест, движение — и начинаешь замечать линию плеч, приятный запах его духов, выбритую щеку. Стараешься не думать, но все равно думаешь, что ты в крепких руках. Мелодия заканчивается, еще поворот, и все!

Когда оборвалась музыка, мы стояли в некоторой растерянности, не зная, вернуться к столу или ждать нового танца. Мы танцевали еще раз, а потом разговаривали. Мне показалось, что его радует, что я мало разговариваю.

Ему оказалось сорок три. Видимо, внешность все-таки подрывается на работе. Он не курит. Живет один на Западном. У него есть взрослый сын, тоже будущий врач, и он любит сына.

Его профессиональный ореол и моя нынешняя потребность в помощи рождали флюиды притяжения. Телефонные звонки постоянно перебивали наш диалог, и Игорь Александрович выскакивал то на лоджию, то на кухню. «Вот кто популярен больше, чем артист — хоро-

ший доктор! Востребован каждую минуту», — подумала я после очередного телефонного сигнала.

Он уехал с юбилея раньше остальных, сказав, что у него срочный вызов. Обмен визитками оставил надежду.

А я размечталась, что он меня проводит до дому. «Видно опять самой придется добираться», — думала я, чувствуя в своих ладонях его тепло.

К одиннадцати из распахнутой балконной двери потянуло прохладой, и гости заговорили о делах, о погоде на завтра, о завтрашних планах... В самом деле, пора домой».

«Средний возраст» готовит для людей испытание под названием «Благоразумие». Это пора размышлений и анализа. Их критический взгляд на вещи, как осколок зеркала злого тролля из «Снежной королевы», нередко превращает человеческие сердца в прагматические приборы, которые показывают социальный статус, материальный достаток, особенности возрастных девиаций и другие страсти, невидимые неискушенному взгляду.

И тогда, встречая на дороге жизни достойных себе спутников, люди медлят: «Странно, почему она не замужем, наверное, что-то с ней не так?», «Раз он разведен, у него прескверный характер, хорошего мужа жена не отпустит. Инстинкт душевного самосохранения и озабоченность собственными достоинствами досадно отталкивают людей от благой цели.

Кто-то пронзительно сказал: «Мы часто делаем не то, что думаем, думаем не о том, о чем хотели бы думать, а хотим не то, о чем мечтаем». Видимо, для некоторых людей важны не жизненные успехи, а мазохистский процесс приближения к своему счастью. Они страдают, называют

жизнь болью, но продолжают усложнять бытие своими концепциями блага.

Вот этим-то «средние» и отличаются от молодых, которые в своих розовых очках охотно идут на уступки друг другу.

«Наверное, я не произвела яркого впечатления на господина Воронцова. Во всяком случае, когда хотят продолжить знакомство, звонят. Но звонков на другой день, тем более, праздничный, не последовало.

Впрочем, моя жизнь и так чересчур объемна. Неужели мне чего-то не хватает? Зачем мне этот флирт, большего все равно уже никогда не будет.

О чем с ним говорить, если... Что за глупости! Да, вряд ли он позвонит.

Вот как раз об этом в газете пишут: «Умный мужчина и умная женщина могут рассчитывать только на легкий флирт, умный мужчина и тупая женщина — в результате мать-одиночка, а умная женщина и тупой мужчина имеют все шансы создать нормальную семью».

Да, так и написано. Интересно, кто это все подсчитал? И какой смысл тогда в «нормальной» семье?

Умным женщинам тяжелее жить. Интересно, он считал меня умной или красивой? Скорее всего, умной, раз не звонит. Умных женщин мужчины боятся, как огня: «Вдруг, я проиграю рядом с ней?» Мне однажды один из партнеров на репетиции так и сказал: «Не заморачивайся, а то я до тебя не допрыгну».

На душе скверно: лучше быть красивой!».

«Вчера встретила на Буденновском проспекте Дениса Хмарины и Катю Бережнову. А я думала, почему Денис ушел с «камчатки»? Потому что старостой класса стал? Или у него такой интерес к литературе?

Идут в обнимку. Целуются. Значит, у них роман. Надо долго ли, с характером Дениса? Ему нужны бурные эмоции, а Катя — само спокойствие.

Правда, так как она прыгнула ему на шею, не скажешь... Как бы они неумышленно не произвели на свет младенца! У Бережновых и так проблем выше крыши. И сказать об этом не скажешь: обидчивая молодежь.

Да нет, с чего это у меня мысли такие ненормальные. Хорошие ребята, увидели меня, заулыбались:

— Маргарита Алексеевна, здравствуйте!

Ну, куражатся, и пусть, глядишь, и поженятся после школы. Если, конечно, Хмарины одобряют выбор сына и не будут вставлять спицы в колеса. Вот еще одна вечная беда: как твое решение примут домашние. А если не примут?

Денис у отца поздний ребенок во втором браке, и он в нем души не чает. Вот когда у мужчин приходит понимание жизненных приоритетов — после сорока. Молодые родители все-таки так не трясутся над своими детьми: растет, как все, и пусть растет. У нас в семье тоже так было. Когда отец был молод, мне было право, на которое и разрешения не требовалось, долгих прогулок с большой ватагой ребятишек, чуть не в другой конец города. Он не был близко знаком с Владимиром Сергеевым, отцом его внука. Он не утруждал себя подарками к Алешкиным именинам. Мой сводный братец — совсем другое дело. Мой отец, вечно загруженный в театре, находил иногда время, чтобы встречать его из школы, знал его друзей, планировал его будущее. Он не позволит ему

найти себе спутницу жизни из чуждой среды! И не скажет: «Я знаю, как это трудно, но ты должен пробиваться сам». Теперь он дорожит сыном.

Его супруга Лариса, бесталанная, но смазливая кукла, подвизавшаяся в театре на скудных ролях, изо всех сил старается поддерживать престиж чужого рода. Мнит себя представительницей дворянского сословия, хотя из грязи в князи. Она и со мной по телефону пыталась разговаривать как с «нижестоящей», думая, что я буду воспринимать ее всерьез.

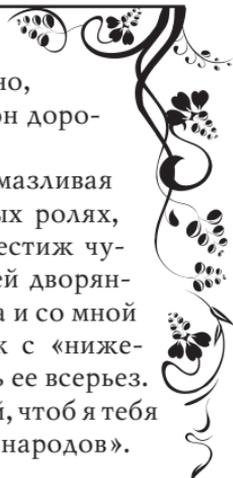
Сократ еще говорил: «Заговори со мной, чтоб я тебя увидел». На все времена сказал и для всех народов».

С утра четырнадцатого июня Сергеевы заказали в церкви панихиду, поставили большую заупокойную свечу перед Распятием и по новой для них традиции отправились на кладбище.

Северное кладбище в Ростове-на-Дону — самое большое в Европе. Вот такая статистика. По территории кладбища ходит автобус. Остановки через несколько кварталов. Кварталам нет конца. Могилы до горизонта. Деревья, кварталы, дорожки, памятники, цветы. Люди мертвые и люди живые.

Скоро Северное кладбище обещают закрыть. И здесь можно будет совершать только подзахоронения. Одна могила — на три захоронения. Это будущая статистика.

Огромный город мертвых не оригинален современным пониманием демократии. Покойники разной веры безразличны к выражению элитарности и не считают государственного деятеля более защищенным от Суда Господнего, чем человека рядового. Это понятно. Те же

буддисты всех мертвых превращают в горстку праха, который рассеивают над Гангом, Хуанхэ или Японским морем. Суетятся живые монотеисты. Покойные христиане и мусульмане голосуют за демократию деревянными крестами и полумесяцами, а живые их кресты и полумесяцы уже через год меняют наobelisks. Теперь-то уж, казалось бы, совсем делить нечего. Ан-нет!

Вот шикарный (!) квартал. Одно место — миллион и больше. Здесь покоятся могущественные представители рода человеческого — с их громадных гробниц-сооружений начинается кладбище. По замыслу неизвестных «ваятелей», величественные камни помогают лучше страдать и любить ближнего. Их замысел — это мир вопросов для неспособных добиться того, чтобы «жить» в этой среде. «Ваятели» взяли за работу деньги. Но почему так заблуждались покупатели их услуг? Неужели они думали, что именно у них ключи от рая? И неужели покоящиеся здесь думали, что тот мир тоже будет принадлежать им?

— Что такое демократия — власть большинства? — Алешкин вопрос звучит с подвохом.

— В Греции так и было, когда властвовали философы, а стремились к любомудрию многие, — отвечает Маргарита. — Фалес, Гераклит, Пифагор, Софокл, Сократ... — у них нет отчеств и фамилий, они прославляли свои имена.

— И нет таких надгробий..., — задумчиво произносит сын, рассматривая памятники усопших «лауреатов» жизни.

— У них общее надгробие — Парфенон, — уточняет мать.

Уже чуть дальше гранитный монументализм иссякает вместе с деньгами мыкающихся родственников — homo communis. Рядовой человек лучше всего отражает сим-

волизм нехватки денежных знаков! Он не может могущественно держать привилегированную дистанцию. У него нет власти и права над большим пространством. Он завидует долларам — эквиваленту посмертного счастья. И ему остается утешать себя, что «на каждом долларе комья грязи и капли крови», чтобы подавить свою зависть и идти спокойно в свой «народный» квартал.

Рита с Алешкой идут и идут вдоль могил. Алешка молчит. «Наверное, сравнивает», — отмечает Маргарита.

— Главное — сохранить свое имя, правда? — заключает он.

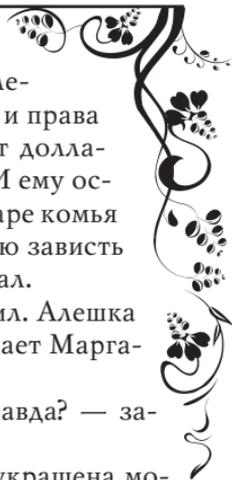
— Правда. Тебе же безразлично, как украшена могила Пушкина и что она не в Петербурге. Пушкин — это Пушкин, его знают все. Заметь: и никто не завидует.

Владимир не был баловнем судьбы. Квартал, в котором он похоронен с воинскими почестями, многочисленно «заселен» военнотружущими. Вот и черно-гранитный памятник с его портретом, величины, определенной военно-мемориальной компанией.

«Здравствуй!», — говорят ему глаза долгожданных гостей. Посаженная в прошлом году ишольция выжила и разрослась по всему периметру могилы. И бурьян-трава, самозасеянная в открытом сердце могилы, не выдавила мелких беленьких цветочков. Маргарита раскладывает принесенные цветы: «Спи, мой хороший!»

— На свидания Владимир приносил мне алые гвоздики, — произносит она вслух. — Всегда.

Здесь не бывает тишины. В воскресные дни по дорожкам туда-сюда ходят люди, которые ухаживают за могилами свои родных, каменотесы устанавливают надгробия, траурные процессии раздражаются плачем и по-

хоронными речами. Почему вокруг тех, кто неподвижен, люди так много совершают движений?

А по небу, то открывая, то закрывая голубые лоскуты, бегут подгоняемые ветром большие и малые ватные облака. Они то величественно вырастают, то делятся на мелкие чешуйчатые клочки, но они равновелико хороши. А кто же на кладбище смотрит в небо? Только покойники, лежащие лицом вверх, но они не говорят об этом живым, молчат. А живые смотрят под ноги.

25 июня, суббота

«Набережная. Сумерки. Вечер такой мягкий, безветренный, река золотистая. И рядом шум взбудораженной школьной толпы. Для них это значимый момент — взрослые люди выбирают дорогу и клянутся в верности на всю жизнь.

Меня пригласили мои «театралы», которые сегодня ушли в большую жизнь. На следующий год надо делать дополнительный набор.

Вручение аттестатов зрелости выпускникам с последующей традиционной поездкой на теплоходе состоялось. Было все, как положено в этот день: трогательная музыка, бесконечные слова благодарности, напутствия от гостей праздника, от родителей, букеты роз и герберов, улыбки, слезы, объятия, обещания и... расставание. Вечер закончился под утро, и вот уже все расходятся по домам. На дороге сигналит директорская «Волга», участливо приглашающая проехать с комфортом. Все прохожие наблюдают за нашей суетой. Наверное, с участием: понятно, чего стоит этот праздник.

А это... Игорь Александрович. Какой интерес у него к ночным прогулкам?! Увидел меня, идет навстречу и улыбается:

— Здравствуйте, Маргарита Алексеевна!

«Надеюсь, что доктора интересует не только мое здоровье?»

— Доброе утро!

— Не хотите еще задержаться ненадолго? — спрашивает он.

Ему, наверное, интересно, какое он произвел впечатление на меня на юбилейном вечере — одинокие мужчины любят самоутверждаться. Ну, уж дудки!

— Разве что ненадолго... — Я прикрываю ладонью долгий зевок, облакачиваюсь на перила и смотрю вдаль.

— Я нечасто гуляю до утра. Просто день трудный, надо было сменить обстановку. Устал, и не спится, — его внимательные серые глаза действительно кажутся сегодня жестче. У него цвет глаз меняется от настроения. Сейчас они темно-серые. Я сказала об этом ему, вспомнив, что у моего бывшего мужа была такая же история.

Впрочем, они совсем разные — Володя и Игорь. Хотя и ровесники. А это сравнение возникло не потому, что я ищу замену бывшим отношениям. Вот Игорь, кажется, насторожился при моем акценте на цвете глаз, а напрасно. Образ человека, с которым живешь долгие годы, не смешивается с другими. Он уплывает в небытие таким, каким был — со своим тембром голоса, который слышится в воспоминаниях, в походке, неуловимо отличающей его от всех остальных, даже с признаками и деталями того времени, в котором он оставил этот мир.

— Вы очень тоскуете по своему покойному мужу? — он старается быть равнодушным, но вопрос какой-то хирургический, в нем нет сомнений.

— Знаете, Володя оставил в моем сердце особое место для себя. Он там. И я знаю, что это место не заполнит никто. Оно закрыто, и сейчас — еще на один поворот ключа.

— ?

— Раньше я еще делилась своими слезами. А сейчас и этого нет.

— Это значит, что Вы не пустите в сердце никого?

— Это значит, что я не выпущу его оттуда никогда. Но я не умерла. И сейчас не сожалею об этом. А потому я должна жить, а не тянуть бесконечную череду дней.

— Я тоже не люблю самопожертвований.

Игорь другой. Пожалуй, только мой дух может дать ответ на вопрос, почему он кажется мне притягательным. Он говорил о том, как в детстве с мальчишками в этом месте ловили рыбу. О самых лучших конфетах нашего детства «морских камешках», о велосипедах, о школе, обо всем понемножку.

— Я провожу Вас до дому, если разрешите? — Его взгляд совсем небезразличный, и мне хорошо от этого. — А может быть, поедем ко мне?

Нет, он меня неправильно понял. Я не собираюсь жить по принципу «Эх, ма-а-а-а!» И я никогда не была такой женщиной, которые живут смелыми страстями... Может я сейчас и завидую вам, смелые женщины, как трус завидует смельчаку. Но нет.

Мы не спеша пошли в сторону моего дома. Прохладный утренний воздух, лишенный жарких солнечных рук, освещал и пробуждал. Бешеное движение транспорта угомонилось, и нам навстречу попадались обнявшиеся парочки и случайные одинокие прохожие.

Он рассказывал о себе. Обо мне ему, скорее всего уже рассказала Лидия Григорьевна. И возможно, только

долю правды. Ну и что? Зачем сразу на исповедь?

К половине седьмого мы подошли к дверям моего дома. Мимо проехала машина, кто-то сверху с шумом распахнул окно. Разговор смущенно остановился, и в этом месте, как и положено, возникла пауза.

Взгляд его глаз, окруженных сеточкой пушистых ресниц, был мягок и доверчив. Неизвестно откуда появилась сосущая внутри пустота, как при стремительном падении. Он притянул меня к себе. Наверное, я должна была наговорить воспитательных глупостей про то, что нас могут увидеть. Но я только чувствовала его запах и огромную, теплую и очень приятную волну его влажных губ. Это ощущение пронеслось с какой-то невероятной скоростью. Пронеслось и пропало, оставив в глубине души непривычное состояние усталой радости.

Есть события, которые запоминаются навсегда. Кто сказал, что чудес не бывает? Слава чудесам!

— Спокойного дня! — мои лопатки все еще чувствуют его большие ладони. Верит ли он в то, что желает сейчас?

Железная дверь подъезда бесцеремонно лязгнула «по-ра». Я взлетела на третий этаж как на крылышках, закрыла входную дверь, в прихожей скинула туфли и сумку и на цыпочках выскочила на балкон. Игорь меня не видит, он уходит вдаль. «Очнись, — говорю я сама себе, — жизнь продолжается!».

Слава богу, сын еще спит. Расспросы будут потом, где была и как дела. Поворачиваюсь уходить и встречаюсь лицом к лицу с Алешкой. Он стоит в коридоре в трусах и наблюдает за мной:

— У тебя все в порядке?

— Да... — лепечу я растерянно, как несовершеннолетняя».

Игорь вернулся домой и лег спать. Потом заехал в автомастерскую, и, как всегда, привычные программы передач по телевизору, диван, газета, вечерний чай.

Проснувшись в понедельник утром, он невольно вспоминал неожиданную субботнюю встречу с Маргаритой и ловил себя на мысли, что продолжает ощущать на губах ее поцелуй. Вкус поцелуя как продолжение сна был непонятным, но приятным ощущением нежности и чувственности. В этом поцелуе не было порочности и эгоизма, навязчивости и надоедлого опыта. «Какое непрошеное чувство дома...» — думал он, невольно сравнивая предыдущие встречи с женщинами.

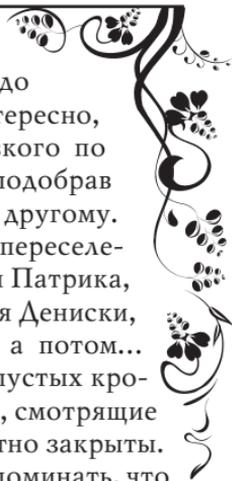
Женщин у Игоря Александровича после развода с супругой за четыре года было много. «Девушка, а девушка, далеко ль идете? Может быть, на машине доедем быстрее?», — вот и состоялось знакомство. Легкий разговор по дороге и девушке выходить пора. «Ехали мы, ехали, мост переехали и к дому приехали. Но без благодарного поцелуя я Вас не выпущу, хоть кричите, хоть плачьте», — как правило, убежать без поцелуя девушка и не собиралась, а после сиюминутно вспыхнувшего чувства соглашалась к нему «на огонек». И вот уже весело щебеча признания, она цокала каблучками к его подъезду, жеманно оглядываясь в сторону его машины и заодно поглядывая по сторонам, дескать: «Видели, на какой машине я сегодня приехала?» Дальше все шло как по маслу. После быстро-суетного акта похоти она сразу прижималась щекой к его соску и подобострастно спрашивала: «Тебе понравилось?». Этот вопрос его раздражал больше всего, потому что ни черта ему не понравилось. «Всё в порядке», — отвечал он рассеянно, думая, как бы поскорее вызвать ей такси и вытурить за дверь.

«Брак-терпение — это самообман, — размышлял он на досуге. — Надо сказать, что в обмане люди преуспели. Интересно, Татьяна сейчас любит или терпит «близкого по духу человека?» Он вспомнил, как жена, подобрав привычные в таких случаях слова, ушла к другому. Не только душой. Она совершила большое переселение сначала к теще, забрав их сына, пуделя Патрика, которого он покупал на птичьем рынке для Дениски, чемоданы с барахлом, какую-то утварь, а потом... «Эх, да что там! Четыре года прошло. От пустых кроватей и шкафов тоски уже нет». Две двери, смотрящие в гостиную светлой лакировкой, были плотно закрыты. Игорь не любил ходить в эти комнаты и вспоминать, что было. Он жил в гостиной.

Именно эта комната, одна из трех, была его настоящим жилищем и поражала входящих безупречным вкусом и аккуратностью. Многочисленные хрусталики люстры переливались первозданным сиянием. Эстампы, симметрично расположенные по двум сторонам дивана, гармонировали лилово-зелеными пятнами с его обивкой и блестящим паркетом. Искусственная икебана на журнальном столе производила впечатление сегодняшней свежести. На полированных поверхностях мебели не лежала привычная для холостяцкой квартиры дымка пыли. Здесь был культ чистоты и порядка.

Игорь грустно посмотрел на запертые в другие комнаты двери, перевел взгляд на часы...

Надо было торопиться на работу. «Сегодня понедельник, планерка. «Дед» будет злиться на опоздавших и куражиться на свой лад», — с этой мыслью Воронцов быстро встал с дивана и начал собираться на работу.

Наскоро позавтракав, он натянул на себя светлые брюки и рубашку и устремился вниз к своему автомобилю. Серая BMW, хоть и не была последней моделью, составляла часть его имиджа. Позавчера он забрал ее из ремонта и теперь мог ездить не на городском транспорте.

Через двадцать минут он припарковался на стоянке городской больницы и вместе с сотрудниками, посетителями, пациентами направился к входу.

Жара уже с самого утра показывала свой нрав, а в холле первого этажа было довольно прохладно. Здесь находился кабинет доктора Воронцова И.А., нейрохирурга, кандидата медицинских наук.

Планерка началась активно. Что-то вроде: «Рота, слушай мою команду». Игорь почувствовал себя на плацу.

Главврач Дедов, по возрасту и внешнему облику напоминавший библейского старца, решил сразу взять быка за рога.

— Воронцов, почему Вы не доложили мне о кровотечении больного из девятой палаты? — грозно навалился на стол «дед», и заряд утренней бодрости Игоря Александровича сразу испарился.

— Кровотечение устранено, — отстраненно произнес он в ответ на запальчивый тон главнокомандующего этим парадом.

— Bravo! — «дед» театрально захлопал в ладоши. — У него может быть инсульт, и Вы знаете, что при артериальной гипертензии такое возможно! — не унимался главврач.

Игорь напрягся от мысли, что Александр Степанович разговаривает с ним, как с ординатором, которого надо контролировать. «Это невыносимо. Когда же мы будем разговаривать на одном языке?», — думал он, но вслух не произнес, чтобы не раздуть всеобщего скандала. «А мо-

жет быть и больной после обхода стал скандалить о невнимании к нему со стороны медперсонала, такое тоже бывает».

— Старый человек, по-вашему, должен терпеть нашу нерасторопность?! Докладывайте мне о его состоянии здоровья лично! — пауза была короткой. — А Вы, Черепанцева, работаете здесь давно и никак не усвоите, что ставить диагноз по симптомам, видимым Вашему глазу, безграмотно. Почему не отправили свою больную сразу на рентгеноскопию? — Гремел главный врач на весь конференц-зал, как архангел Гавриил.

— Состояние больной было... — перепуганно расширились глаза у молодой женщины, еще не привыкшей к «дедовой» бесцеремонности.

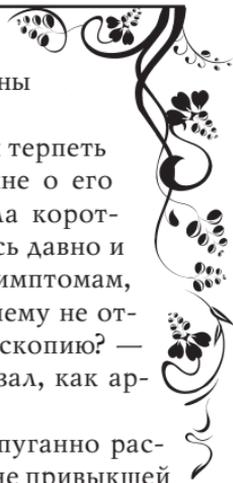
— Громче докладывайте! Что Вы там промямлили? — обстановка накалялась, но конца и края этой планерки видно не было.

Затем поочередно был разобран каждый случай, с которым «дед» ознакомился во время сегодняшнего обхода. Потом прозвучала похвала в адрес младшего медперсонала, несущего свою службу не за деньги, а за совесть. И после воспоминаний о медицинском долге военных врачей Великой Отечественной планерка закончилась.

Весь день пошел кувырком. Поступали новые больные, их в понедельник обычно принимают больше всего. Все тяжелые, как на подбор. Операционная перегружена, а палаты вообще до отказа.

Воронцов встретился возле лифта с коллегой, который быстро двигался рядом с медсестрой, толкающей каталку с больным:

— Привет, Славик! — протянул руку Игорь.

— Привет! Иду мыться и на операцию — перитонит, — здороваясь на ходу, проговорил тот.

— Игорь Александрович, Вас к телефону! Какая-то женщина звонит, Вас спрашивает, — быстро затараторила подбежавшая медсестра.

— Я занят. Спросите, кто, и скажите, что я потом сам перезвоню, — произнес Игорь, а про себя подумал: «Уж не Маргарита ли это?». Возникшая мысль на мгновение создала иллюзию о его безоговорочной «мужской победе». Мысль была цинична. Последующее за ней действие такое же: панибратски положив руку на плечо Ирочке, Игорь Александрович добавил:

— Или скажите ей, пусть перезвонит через пятнадцать минут на мой телефон.

Довольный собой, Игорь вернулся в свой кабинет, сел за стол и стал ждать.

Нет, это была не Маргарита. Через пятнадцать минут позвонила жена одного из его пациентов, просила еще раз проверить диагноз, плакала и умоляла не сообщать мужу всю правду.

«А она с характером», — думал Игорь о Рите, ощущая странную пустоту внутри, когда в кабинет неожиданно вошел «дед».

— Я смотрю, что очереди у тебя нет, дай, думаю, зайду. Воронцов встал и пригласил его жестом присесть.

— Что надулся на меня? — как ни в чем не бывало проговорил «дед» и рухнул на стул. — А ты решил, что остановил кровотечение, и хватит с него?

— Александр Степанович, Вы мне не доверяете?

— Доверяю, тебе, Гоша, конечно, доверяю. Но ты забыл про родственников. С чего ты взял, что они тебе доверяют полностью? Они нервничают, и с ними надо по-деликатней.

Игорь, конечно, понимал, что своими чудачествами на планерках «дед» оборонялся от нанесенных ударов. Однако он не мог смириться с его приказными колкостями и перестраховкой.

— Да, я понял, Александр Степанович, — заторопился отделаться от неприятного разговора Игорь. — Вы правы.

— То-то! Случись что, тебя пожурят, а меня со скандалом на пенсию вытолкают. Знаешь ведь, как со стариками сейчас. Не церемонятся особо. Ты, конечно, можешь меня на этом месте заменить, но пока я еще поработаю. Не возражаешь? — «дед» хитро сощурил глаза, а когда на лице Игоря появилась вопросительная гримаса, быстро сменил тему.

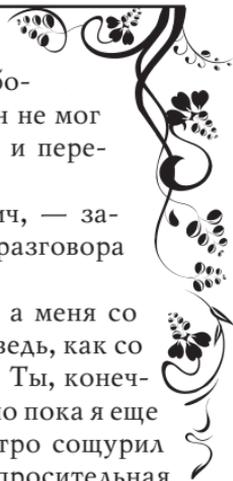
— Ты что-то Игорек расстроенный сегодня, «Шерше ля фам»?

— Может и «шерше», — натянуто протянул Игорь.

— И это правильно. «Ищущий да обрящет», — «дед» игриво подмигнул и неожиданно добавил: «Я вот уже нашел».

— Вы?! — о такой перемене темы Игорь не подозревал. Нет, они всегда были в хороших отношениях, несмотря на строптивый характер главврача. Именно Александр Степанович когда-то взял Игоря на работу и вырастил из него нейрохирурга и, может быть, перспективного руководителя.

— А что? Я рожей, что ли не вышел? — он провел рукой по окладистой белой бородке. — Почему мне не найти себе хорошую женщину? — «дед» выглядел совсем не так, как на утреннем «променаде», лишний раз демонстрируя, что он все-таки хороший актер.

— Когда же Вы успели влюбиться, Александр Степаныч? — продолжал удивляться Игорь.

— Да не сразу. Это у вас молодых все наперекосяк. Сначала вам любовь подавай необыкновенную, а только потом женитьбу. А после, когда через полгода страсти и секс утихнут, давай окрест озираться — какую бы еще найти любовь. Я руководитель...

— Так Вы ее как руководитель привлекли? — съязвил Игорь.

«Дед» сделал вид, что не понял подвоха и спокойно продолжал:

— Ты Игорек, когда будешь на моем месте...

Игорь удивленно посмотрел на «деда».

— Хороший подчиненный, — продолжил «дед», — всегда стремится занять место начальника. Так вот, тогда и поймешь, что взять человека на работу непросто и небыстро. Как, впрочем, и жениться — тоже ведь взять человека, только в дом. Быстро возьмешь — долго будешь расставаться. В этом деле спешить не надо. Вот у меня первый брак был вроде бы и удачный. Для меня. А она со мной маялась, и ушла, бедная, раньше времени со свету. Я, дурак, это только спустя два года после ее смерти понял.

Я вчера от твоего больного — того, с кровотечением — изречение царя Давида услышал: «Человеку от Бога положено семьдесят лет, а что свыше — уже Божья милость». Вот я и думаю, что милостив Бог ко мне уже два года, и по милости этой встретил я Анну Григорьевну. Присматривались мы с ней друг к другу, и вот через год я ей словами Пушкина сказал:

«Все неприятности по службе
С тобой, мой друг, я забывал».

— Это любовь, Александр Степаныч, сознайтесь!

— Характеры у нас похожие, достаток примерно одинаковый: никто ни от кого не зависит. А любовь... Доживем и до любви.

— Может Вы и правы, — произнес Игорь, а про себя подумал: «О какой любви в его возрасте можно говорить? Бессильной?»

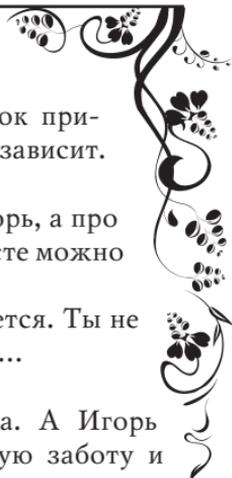
— А работа уже в тягость, домой хочется. Ты не обижайся на меня, может я и лишнего там...

— Да, ладно, чего уж.

Дедов вышел из кабинета Воронцова. А Игорь Александрович, решив проявить отеческую заботу и приязнь, набрал телефон сына.

— Денис, привет. Как дела? — услышав в трубке родной баритончик, Игорь просветлел. — Сессию сдал?.. А что за предмет?.. Как латинский?.. И что теперь, стипендии не будет?.. Как это не надо?.. Почему ты не позвонил мне сразу?.. Думал он! Учить надо латынь, зубрить, думать там нечего. Теперь мне придется думать, как выходить из ситуации... У меня задолженности?.. У меня ни одной «тройки» в дипломе!.. А по остальным почему нет «пятерок»?.. С чего бы это к тебе предвзято относились? Ты что, персона какая-то великая? Конечно, если на занятия ходить через пень колода, то отношение будет не самым лучшим. Интересно, что тебе мама по этому поводу говорит?.. Не будешь ты менять профессию! Я сказал, и все. С преподавателем латинского я сам поговорю. Ну и новости. Ладно, пока.

Игорь чувствовал, что парню не нравится мединститут. «Не несут его туда ноги, вот и результат такой. Это еще только вторая сессия, а уже проблем полон рот. Мо-

жет, не повзрослел еще? Татьяна очень быстро отпустила его от себя. Ну, зачем ему в восемнадцать лет жить одному в бабушкиной квартире?!»

Воронцов достал визитную карточку Риты, поднес ее к носу и принюхался. От бело-розового листка картона едва уловимо пахло цветочным ароматом. «Такой же запах, как от ее виска», — подумал Игорь и положил под стекло на столе.

Приходили пациенты, врачи-коллеги, уборщица со своим инвентарем. Потом опять наступила пауза.

Он посмотрел на визитную карточку, решительно вынул ее из-под стекла и набрал номер сотового телефона. Гудки шли, абонент не отвечал.

— Досадно, — пробормотал про себя Игорь, но чувствовать себя побежденным не захотел и набрал городской номер.

— Школа.

— Здравствуйте, Сергееву Маргариту Алексеевну пригласите, пожалуйста.

— Кто ее спрашивает?

— Воронцов Игорь Александрович.

— Вы наш родитель?

— Я считаю себя еще достаточно молодым.

— Молодой человек, представьтесь, пожалуйста.

— Воронцов Игорь Александрович — по личному вопросу.

Было слышно, что трубку кто-то прикрывает рукой и приглушенным голосом передает: «Галина Анатольевна, тут Сергееву Воронцов какой-то спрашивает, что сказать?» В ответ прозвучало более мощно: «Так и скажи, что ты беспомощная такая!»

— Алло, Сергеева на кладбище.

«Да, сегодня не мой день», — заключил Игорь.

«На календаре тридцатое июня, пятница. Сегодня еще раз на работу, сдаю отчет, убираю кабинет, кое-какие вещи возьму на лето домой, и завтра в отпуск. Почти два месяца — мои.

Лето будет особо жарким, по прогнозам синоптиков, обещающим июльскую жару до тридцати восьми градусов — надо установить в квартире сплит-систему. Напрячься и установить.

Автобус показался на горизонте. На остановке людей уже не так много. Вот что значит пора летних отпусков — в салоне будет нежарко... Ой, ну кто же на остановке-то тормозит. Из-за вашей машины придется бежать за автобусом.

— Маргарита Алексеевна, садитесь, пожалуйста, — вот это неожиданность, Игорь Александрович, собственной персоной.

— А Вам по пути?

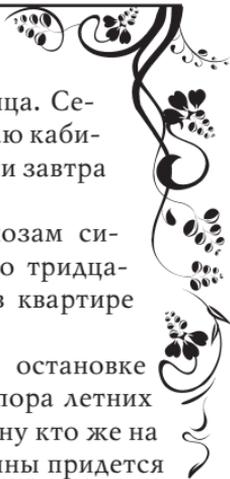
— А для Вас это важно?

— Ну да, желательно, чтобы нам было по пути, — сказала я, а потом смутилась от собственной глупости. Господи, он подумает: «Вот дура!»

«Убери свою тачку с остановки, ...» — раздался крик из водительской двери автобуса. Шофер не стеснялся выражать эмоции, и что интересно, негодующими взглядами его поддерживали пассажиры, глазающие в окна. Словно остановился большой дружный коллектив, который как пчелиный рой готов был лететь на врага.

Я быстро запрыгнула к Игорю в машину, он нажал на газ, и меня вдавило в переднее кресло от нарастающей скорости.

Через минуту мы уже хохотали над этим приключением. Мы старались выбраться из больших потоков машин,

стремящихся поскорее добраться на работу, и выскакивали то на одну, то на другую узенькие улочки центра города. «Он хороший водитель, бережет свою машину», — подумала я, когда Игорь предупредительно тормозил перед впереди стоящими автомобилями.

— Игорь, Вы на работу не опоздаете из-за меня?

— Если бы я сегодня работал, я бы Вас не встретил. Мой рабочий день начинается с половины восьмого утра, а сейчас половина девятого. Я с сегодняшнего дня в отпуске.

— А я с завтрашнего.

— Уезжаете куда-нибудь?

— Пока не собираюсь, — отвечаю я, а сама все время думаю, неужели наша последняя встреча ничего не значила для него. Почему он не звонил?

— Рита, можно вопрос? Я чем-то обидел Вас тогда? Я звонил Вам на работу после нашей встречи на Набережной...

— Мне ничего не передали о Вашем звонке. Но мне приятно, что Вы обо мне думали.

— Рита, я... Мне было хорошо с Вами. Просто было хорошо разговаривать обо всем. Вы не против, если мы с Вами как-нибудь встретимся?

— Вы сердцеед...

— Давайте сегодня! Я встречу Вас после работы. Вы работаете до которого часа?»

«Вот так неожиданно у человека вполне умеренных страстей и больших профессиональных планов намечается романтическое свидание», — чем ближе к трем часам дня, тем эта приятная мысль больше смешивается у меня в голове с сомнением в правильности моего поступ-

ка. Возможно, я должна была отказать ему и не настраивать человека на будущие отношения. Может быть, они не принесут и мне самой ничего, кроме последующего разочарования и раскаяния. Скорее всего еще можно все исправить: позвонить, найти предлог для того, чтобы отменить эту встречу.

«Игорь, я должна сказать Вам, что мне еще трудно переступить через годы семейной жизни, через ее радости и испытания. Я не знаю, как на этот мой шаг отреагирует сын, а ему сейчас нужна моя поддержка. Я не представляю себя в качестве Вашей любовницы!», — такой поток мыслей можно было бы назвать речевой центрацией: все «я», да «я»...

Телефонный звонок перебил мои страхи и сомнения:
— Добрый день, Рита, Вы еще не освободились?

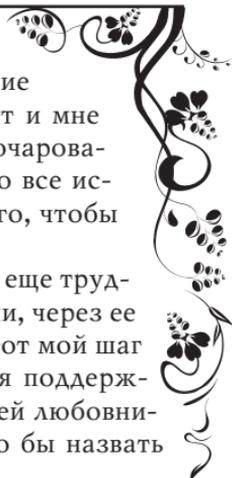
— Игорь, Вы сейчас где находитесь? — отвечаю я все в том же смятении души.

— Посмотрите в окно.

Он стоял на улице перед зданием школы и махал мне рукой. Представляю, как мои коллеги, увидев такую картину, аккуратно отодвинули линейкой жалюзи на своих окнах первого этажа и с любопытством ждали продолжения этого концерта: «Интересно-интересно. А он ей муж? Что это она демонстрирует тут при всех?», — хотя, конечно, это кажется мне. Скорее всего, никто ничего и не заметит. Надо же, как въелся в меня этот театральный прицел. И все-таки тянуть эту мизансцену ни к чему. Ладно, я еще только раз схожу на свидание, последний раз, а потом мы расстанемся.

Я посмотрела в окно. Он ждал меня!

Господи, да неужели я вот так обыденно и просто похороню свою нежность, свои желания, свою женствен-

ность?! К тому же он приехал не к молоденькой девочке слегка пофлиртовать и сбежать, он знает, сколько мне лет и кто я. Мы почти ровесники и можем стать товарищами. Я не могу быть жестокой с этим человеком. Он приятен мне, и пусть все думают, что хотят!

Я решительно запираю ключом дверь и спускаюсь вниз по лестнице. Он открывает передо мной дверь машины, и я снова попадаю в какую-то по-детски непосредственную атмосферу, в которой мне спокойно и радостно».

Такие встречи обычно ждут в юности, когда только начинает складываться жизнь, когда каждый мечтает обрести свою половинку раз и навсегда. В это благодатное время для них старается, кажется, сам Бог. Может быть, Он делает это исключительно для продолжения рода человеческого, соединяя людей в пары? Кто знает, ведь только у Него полные права на собственное изобретение «Любовь».

У них было все по-другому. Может быть, каждый из них когда-то и просил Его об этом. Но Он опоздал. Потому что Он один и не может уследить сразу за всеми. Или у Него были другие планы.

Зато сейчас Бог просто так подарил им друг друга. Он знал, что не будет никакого проку в деле улучшения демографической ситуации на Земле. Он не думал о том, как это понравится членам их неполных семей. Он не обращал внимания на то, что половина жизни уже прожита. Он Бог, и это его подарок.

*Глава 6.
Летние
фантазии*

Если ты находишь, что в тебе нет любви, а желаешь ее иметь, то делай дела любви, хотя сначала без любви.

Господь увидит твоё желание и старание и вложит в сердце твоё любовь.

Преподобный Амвросий Оптинский

Игорь и Маргарита приехали в известное в городе кафе — вместилище мечтаний гурманов. На открытой веранде расположились курильщики, а в помещении — две пары и они.

— Народ отравлен табаком, а мы с Вами в чистой зоне, — произнес Игорь и сразу начал листать меню. — Что Вам заказать?

Им принесли два салата, две фирменные «Семги» и красное полусладкое вино. Негромко, фоново общению, из висящего на стене большого телевизора звучал блюз.

— Вам здесь нравится?

— По-моему, здесь очень хорошо... И нет моих старшеклассников, которые стали бы весело переглядывать: «А с кем это Маргарита Алексеевна сидит?»

— Вы меня стесняетесь?

— Ничуть. Мобилизация в зрительских лучах — вот как называется этот комплекс.

— А мне это знакомо. Моя мама была учительницей, как и Вы. Видите, я знаком с характером Вашей деятельности.

— А сейчас Ваша мама?..

— Ее уже нет на свете.

— Простите. А моя мама служила актрисой. Как и я раньше.

Его бровь удивленно поднялась вверх, и во взгляде промелькнула ирония. «Ну, начинается», — подумала

Маргарита и поспешила добавить с нотками тщеславия в голосе:

— Но вы не прогадали, я была хорошая актриса.

— Я не ожидал, Вы ведь работаете...

«Значит, Лидия Григорьевна не просветила его о моем прошлом», — подумала Рита и поспешно перебила его:

— Это сейчас я там работаю, а раньше я лицедействовала, — ее кокетливая гримаса усилила последнее слово.

— Не ожидал! Хотя у вас выразительные руки и глаза. Артистические!

— У учителей таких не бывает?

— Теперь вижу, что бывают. Хотя образ учителя сложился несколько другой.

— Ну да! Строгий, прямой, безапелляционный. Учитель — это образ жизни.

Он засмеялся.

— Ну, что-то в этом роде...

— Этот образ остался в другой жизни. Строгой и безапелляционной. А сейчас жизнь стала другой, и образ изменился.

— Не обижайтесь, но существует некий типаж. Тот образ, без которого человек не может осуществлять свою деятельность. Вот и все.

— Ну, я бы не угадала, что Вы врач.

— Интересно, как Вы себе представляете типаж врача?

— Ну, скажем так. — Она повернула голову вправо. «Камея!» — оценил он, пока Маргарита медленно рисовала портрет медика. — Человек с морщинками вокруг глаз, замороченный размышлениями о болезнях и диетах, который слушает свои телесные ощущения. Без внешнего лоска, потому что ему до этого нет дела.

— Доктор Айболит! Таким задубелым ипохондриком, по-Вашему, должен выглядеть врач?!

— Не должен, но часто именно так и выглядит.

— Вы нечасто общаетесь с врачами.

— А Вы давно не были в школе.

— 1:1. Я, наверное, Вас невольно обидел? Простите!

— Бог простит. Но я Вам скажу, что Вы исключение из общего правила. Я не доверила бы Вам исполнять роль Айболита.

— Принимаю Ваш комплимент. Но я отношусь объективно к своей внешности...

— Вот на этот счет можете не переживать. Я не поклонница Алена Делона и других эталонных красавцев. Мне нравятся сложные лица, в них чувствуется сила жизни и естество.

— Если не Ален Делон, то, например, кто?

— Да разве мало? Например, Жерар Депардьё или Анатолий Папанов.

— Хорошие артисты... Вы считаете их идеальными образами мужчин? — он хитро прищурился, наверно вспомнил какие-то роли из их репертуара.

— Интересными живыми кинообразами!

— Вы не жалеете, что сменили профессию? Мне сейчас показалось, что Вам нравилась Ваша работа?

— Нравилась... И иногда жалею, что когда-то я кинулась в поиски новых зрителей.

— Хотите вернуться в театр?

— Уже поздно, да и несолидно как-то бегать туда-сюда. Скажите честно, а Вам больше импонирует актриса или учительница?

Он задумался.

— Все-таки учительница. Мне нравиться Вы такая, как сейчас.

Он посмотрел на нее в упор. Возникла смущенная пауза, которая требовала разрешения в нейтральный аккорд:

— Рита, раз Вы работали в театре, наверное, знакомы с Александром Красновым?

— Мы друзья. Он хороший актер и человек интересный. Кстати, это правило. Его удачно выразил Вахтангов: «Нельзя быть дрянным человеком и большим актером»...

— Я его оперировал, давно, правда.

— Кого, Краснова?

— Ну, не Вахтангова же!

— Не может быть!

— Может-может, иногда болеют и знаменитости.

— Я не так выразилась. Мои родители говорили, что Александра Васильевича выходил отличный мастер. Значит, Вы и есть тот самый мастер?

— Ну, тогда я был обыкновенный хирург, молодой, никому не известный, которому поручали не такие уж сложные операции, и у меня все выживали и выздоравливали.

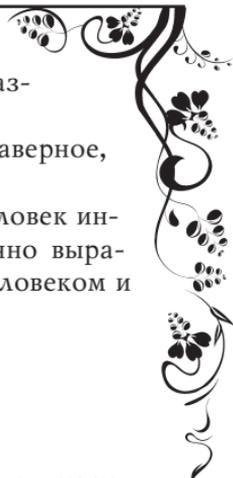
— А сейчас? Даже страшно спрашивать.

— Сейчас дело другое. Чаще обращаются такие больные, у которых не так уж много шансов. И представьте себе, некоторым из них я помогаю жить дальше.

— Некоторым? А остальные умирают?

— Да, у меня есть смертность, но вот что интересно, у Вашего Краснова большой проблемы не было, а меня мастером, оказывается, величали. Вряд ли родственники тех, кого я не вытащил с того света, и не потому что мне мастерства не хватило, считают меня просто хорошим врачом.

— Общество мыслит статистически — количеством?..

Она смотрела на его руки: спокойно лежащие на столе, не суетящиеся жестами при разговоре, красивые, гладкие, с коротко и аккуратно подрезанными ногтями. «Наверное, он их бережет, раз они такой важный инструмент, — размышляла Маргарита. — На них нет трудовых мозолей, но они трудятся по многу часов в день».

— Игорь, сколько идет Ваша операция?

— По-разному. И пять, и шесть часов...

— Знаете, а я ведь тоже думала так же: если все пациенты живы, значит врач хороший. И, тем не менее, Александр Васильевич жив-здоров и весел, и за это Вам очень благодарен. Вы спасли замечательного человека, к тому же он прекрасный разноплановый актер, с ним легко играть: он всегда видит и слышит партнера на сцене, а как читает поэтов Серебряного века!..

— Я как-то еще в детстве, лет десяти, был с мамой на концерте чтеца Сомова. Впечатление осталось на всю жизнь! Видите, фамилию запомнил. Вы, наверное, тоже здорово читаете стихи?

— Я люблю и прозу... А знаете, больше всего я люблю сказки. Мне кажется, что они самая полезная литература. Помните? «На пороге стояла принцесса, но, боже мой, в каком она была виде! Вода стекала с ее волос на платье и вытекала из-под каблуков. И она еще уверяла, что она настоящая принцесса!..»

— Это «Принцесса на горошине»! Я ее услышал, когда мне было лет семь. И я не понял тогда, почему принцесса чувствовала эту горошину, и зачем королеве нужны такие ухищрения, чтобы проверить ее человеческие качества. Это сказка для взрослых, правда?

— Я читала ее на зачете по сценподготовке на втором курсе в институте культуры, — Рита, как ей показалось,

нашла эффектный способ представить свое образование.

— Рита, Вы — чудо! И сейчас Вы мне нравитесь как актриса.

Он поднял бокал и предложил за нее тост. Они не пили на «брудершафт», а незаметно для себя в разговоре перешли на «ты».

Потом он облокотился на стол и громким шепотом сообщил:

— Знаешь, а ведь я немного пишу стихи. Сейчас, правда, для поздравления коллег. А раньше, еще в школе, я писал для себя — как дневник. Это были романтические стихи, и я как-то стеснялся читать их вслух кому-нибудь, ведь тогда очень личные стихи не приветствовались. Все ждали признаний Родине.

— А сейчас ты ведешь дневник?

— К сожалению, нет.

— А я веду. А еще когда мне нужно разобраться в себе, подумать о чем-то очень личном и очень глубоком, я рисую.

— Ты решила удивить по полной программе!

— Я просто продолжила твою мысль о том, что у человека должна быть возможность быть откровенным к самому себе. Это примерно так же, как вернуться в детство. Правда, возвращение для каждого означает разное. Для кого стихи, для кого поездки к родным местам, понимаешь?

Он кивнул.

— Вот для меня, — продолжала она, — это рисунки. Когда я была маленькая, как-то летом родители были на гастролях и оставили меня на даче с бабушкой. Я так скучала, особенно по матери, что плакала по ночам. Бабушка как-то услышала мои всхлипывания, подняла меня, мы

сели на крылечке и долго разговаривали. «Смотри, какая красивая ночь, как светится река от луны», — говорила тихо она, а я, прижавшись к ней под наброшенным на плечи одеялом, смотрела вдаль. А красота вокруг действительно была необыкновенная: ночь, поют сверчки, а по фарватеру реки, мигая огоньками, изредка проходят пароходы. Издалека доносится музыка, звучащая на палубах, и от этого близкого людского настроения пропала тоска и жалость к себе. «Вот бы нарисовать такую картину», — фотоаппарата-то у нас тогда и в помине не было, а бабушка тут же подхватила: «Вот утром и нарисуй то, что видела». Конечно, мой рисунок был наивным. Но зато я поняла, что именно повторение впечатления от красоты, оставленного на бумаге, и дает мне спокойствие и бестелесное «возвращение домой».

— Я тебе сейчас завидую. Знаешь, как мне не хватает творчества? Работа, работа и суета... Нет, я понимаю необходимость и работы, и житейской суеты. Я вижу смысл своей работы и без нее не был бы таким, какой есть. Но нет душевного убежища.

— Вот именно убежища. Я не представляю себе, как бы справилась с теми обстоятельствами жизни, которые требовали терпения!

— Это хорошо, что у тебя есть возможность отодвинуть все планы и уйти в себя.

— Да, но заметь, у меня есть еще чувство, до какой черты я должна добраться и когда вернуться.

— Нет, я приспособился за последние годы расслабляться и уходить от житейских проблем и по-другому. Когда я очень устаю, я прихожу на набережную. Причем пешком.

— Туда, где мы с тобой встретились?

— Ну, да. Я смотрю на рыбаков, как они подтягивают на спиннингах маленькую рыбку, как несется течением вода. Мне нравится, как постепенно падает за горизонт солнце и наступает вечерняя темнота, как зимой постепенно исчезают пешеходы и сплит фарами поток машин, бегущих по домам. Я не рисую и не фотографирую свои впечатления, как ты, мне достаточно просто побывать на набережной. Я не тороплюсь возвращаться домой и чувствую, что если мне придется проделать остаток пути в одиночестве, у меня есть свой секрет гармонии с миром. Кстати, тебе не кажется, что наше «детство» располагается у реки?

Ночь вступала в свои права. За окном уже не были видны прохожие, а от света маленькой настольной лампы, стоящей на столике, разливался почти домашний уют.

Все настоящее случается вдруг и не требует бурного выражения чувств и слов. То, что не было сказано сейчас, было понято ими каким-то неведомым чувством. Нет, они не держались за руки, не улыбались притворно, не жеманничали, не старались понравиться друг другу своими познаниями. Эти два очень взрослых человека совершенно неожиданно нашли друг друга. Они жили столько лет в одном городе, были почти ровесниками и никогда не встречались раньше!

Когда, выходя из кафе, она взяла его под руку, он почувствовал себя счастливым человеком. Она всем своим телом и разумом ощущала его силу и нежность. Каждый из них видел в другом родную душу и мог просто мол-

чать, не произнося ни слова. «Неужели...», — думала она. «Так бывает?..», — мысленно продолжал он.

Они не соединились в поспешном «гражданском браке», а продолжали бегать на свидания и жалеть о расставаниях. Они принадлежали друг другу, как душа и тело, как дух и материя, как свет и тепло, как вода и земля, как добро и благодарность. «Как долго я тебя ждала!» — пела ее душа, и его душа отвечала: «Не отпускай меня!»

На следующее утро ростовское радио сообщило, что город ожидает переменная облачность и кратковременный дождь, температура воздуха двадцать пять–двадцать семь градусов.

Маргарита встала рано и в приподнятом настроении, несмотря на пасмурное утро. Она решила приготовить что-нибудь вкусненькое и отправилась в соседний продовольственный магазин. Там ее и застал телефонный звонок Игоря.

— Привет! Чем занимаешься?

Она подумала, как быстро появился контроль и ответила.

— Покупаю кое-что из продуктов.

— Уже проголодалась? — иронизировал он.

— Чувство долга перед семьей не дает пропасть от порочной беспечности, — последовал ее ответ.

— Тогда как ты смотришь на прогулку к реке?

— Вечером?

— Почему обязательно вечером? Я хочу и среди бела дня побыть с красивой женщиной. Может, оглянется кто-нибудь и позавидует.

— Зависть — плохое чувство.

Рита не успела пококетничать, одновременно созерцая маслomorphicный ряд, как он заторопился и выпалил:

— Вообще, я сейчас приеду, одевайся попроще и поскорее, поедем на рыбалку.

— Сейчас? — для Маргариты это было настоящее нападение. — Я еще в магазине, — она пыталась урезонить Игоря, но уже пошли гудки, говорящие о том, что он уже в пути и надо очень поторопиться.

Шопинг резко закончился, и она бегом побежала домой. «Что значит одеться попроще? — нервничала она. Не в сермяжке же я должна явиться на свидание?! Надо хоть эти джинсы переодеть».

Но она опоздала. У подъезда стояла знакомая машина, и, облокотившись на открытую переднюю дверцу, стоял Игорь. Увидев Маргариту, он просиял улыбкой и тут же оценил ситуацию:

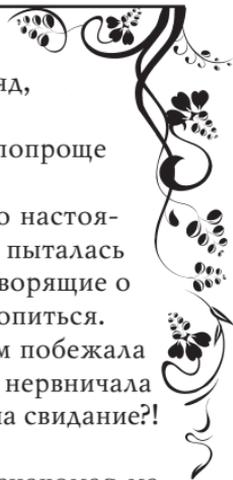
— Переполох ни к чему. Относи свои сумки, я тебя жду. И переодеваться не надо — выглядишь чудесно!

— А если я чуть задержусь, ты камешки будешь кидать вон в то окно? — игриво-назидательно произнесла Маргарита Алексеевна и тут же услышала в ответ:

— Может и буду.

Она пошла к двери подъезда медленно и грациозно, чтобы потом бегом вбежать в квартиру, успеть подкрасить губы и привычно нацарапать записку родным. «Я на рыбалке», — красовался красный квадратик на зеркале.

Они приехали на левый берег Дона в живописное место, на старый заброшенный причал. Пароходы и речные трамвайчики сюда не подходили уже очень давно, а потому не

было нужды ремонтировать его. Доски и железные щиты кое-где прохудились и постарели, краска на его перилах облезла, но он как «Варяг» держался из последних сил.

На причале стояли рыбаки, обгоревшие на солнце и знающие свое рыбацкое дело не время от времени, а ежедневно. Они недоверчиво посмотрели на новых визитеров и, поняв, что они не испортят их рыбалку, отвернулись к своим спиннингам.

Игорь достал несколько удочек и баночку с опарышами.

— Смотри, как шевелятся, — он поднес прямо под нос своей рыбачке.

— Да они же живые!.. Ты их прямо живых будешь на крючок сажать?

— Ну, а то!

Он стал деловито закидывать в реку свои удочки с приманками. Это был процесс, знакомый ему с детства.

Возможно, Рите хотелось романтического путешествия к реке, уединения с Игорем, но приехав сюда, она сразу поняла, что у него мысли о романтике более разнообразные, чем можно было предположить:

— Так мы за рыбой приехали?

— Ты хочешь рыбы?

— А что ты собираешься ловить на три удочки?

— Я для тебя еще одну привез, если захочешь присоединиться! Мы будем ловить удовольствие.

Удовольствие состояло в наблюдении покачивания лески на воде, в напряженном бдении за всеми удочками сразу и за тем, как быстро проплывающая рыбешка пожирает наживку с крючков.

Вдруг одна маленькая рыбка попалась на крючок. Игорь победоносно вытащил ее, такую серенькую с пестрыми желто-красными плавничками, и быстро положил

в болтающуюся в воде рыбацкую сетку. Сетка была довольно больших размеров, поэтому представив себе планируемый им улов, Рита произнесла:

— А мы надолго, да?

— Как ты захочешь. Если тебе совсем не нравится здесь, то мы, конечно, уедем. Но я ждал отпуска и задумал еще в первый день поехать на рыбалку. Давай еще побудем здесь. Нет, я, конечно, мог бы поехать один, без тебя, но подумал, что тебе тоже не помешает побыть на природе.

«Уточнение утешает», — подумала Рита и присела на доски причала рядом с Игорем.

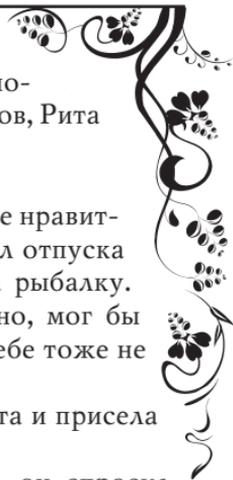
Поймав за час две маленькие рыбки, он спросил Риту:

— Заберем их с собой или отпустим?

— Отпустим, конечно, — ответила она, с нежностью посмотрев на эти симпатичные создания.

Они отпустили свой улов и сели рядышком, опустив ноги в воду. Теплый влажный ветер нес по реке зеленоватые волны, пахнущие речными ракушками и водорослями. Пейзаж постоянного движения природы врачевал душу спокойствием. В эти минуты они были далеки от мыслей о будущем, они жили прекрасным моментом настоящего. Она, разглядывая седую волну его волос, перебирала прядь за прядью, что-то говорила про свойства волос...

Игорь замер от неожиданности и из-за боязни нарушить это удовольствие — ведь точно так же, машинально, глядя куда-то вдаль, гладила его волосы мама, когда он был маленьким. Мать не сюсюкала с ним и не слишком часто проявляла нежные чувства, но когда такое случа-

лось, он чувствовал себя нужным, любимым и самым счастливым человеком на свете.

Игорь напрягся от мысли об одиночестве. С тех пор, как не стало родителей и он потерял возможность называться сыном и вместе с ними вспоминать «когда он был ребенком» или «как-то в школьную пору». Взрослея и становясь самостоятельнее, он не думал, что когда-нибудь обидное из уст супруги выражение «маменькин сынок» будет оскорблять память его матери больше, чем его самого. «Почему бы и нет? У меня от нее половина генов».

Он не женился после расставания с Татьяной. Ему было даже комфортно строить свою карьеру, не оправдываясь в своих действиях ни перед кем и не чувствуя себя зависимым от женской власти. Он научился обслуживать себя, готовить ужины, занимать свободное время. Вроде бы все сложилось неплохо, когда прошла первая боль досады, после приобретения негативного опыта. А потом что-то надломилось в душе, зачерствело. Он смирился с ситуацией и сказал себе: «Никто мне не нужен. Я вполне могу жить один, мне хорошо самому с собой. А женское внимание может быть и вне брака. Даже более высокого качества».

Сейчас, или может еще чуть раньше, он ощутил некую недостачу женской ласки и нежного прикосновения к своей продуманной жизни. Не вежливого-плотского-коммерческого, а простого, теплого и надежного. Игорь обнял Риту, и его ладонь почувствовала мягкий трепет ее груди. Дремавшая в нем нежность, придавленная мецанскими атрибутами, давно ждала искреннего встречного порыва. Ладонь сжала ее плоть, потом еще. Из ее губ, влажных и теплых, вырвался стон радости, и мысли закружились сорвавшейся с крепления каруселью. Губы

мучительно требовали еще и еще, оку-
нуться в нее глубже и глубже, ощущая себя
внутри рая.

Летосчисление нашей жизни начинается с дет-
ства. Это сложное понятие почему-то никогда не
уходит из наших душ, оно держит нас желанием
быть защищенными от этого сурового мира самыми
дорогими людьми. И даже когда мы сами становим-
ся родителями, мы не перестаем быть детьми. Сейчас
они, как дети, счастливо изумились своей необъятной
жажде. Он, заглянув в ее глаза, увидел в них беско-
рыстную и безмерную верность его плоти. Она — его
женщина.

Так прошло несколько минут, теплых и ласковых.
Идиллию прервал мобильник Игоря. Он вздрогнул, по-
тянулся к нему, быстро отходя от своего затуманенного
сна, и перевоплотился. Это уже был волевой голос хи-
рурга:

— Да. Я слушаю. Помню, что у него пятый день по-
сле операции... Люба, не паникуй. Сделай подбинтовки,
пока я не приеду. Ну, вот, знаешь, конечно. Введи ему ад-
роксон. Я скоро буду... Минут через сорок... Что значит
«ничего себе»? Делай, как я сказал! — жестко отрубил
Воронцов.

Игорь Александрович начал вытаскивать из воды
удочки:

— Люба звонила из больницы, медсестра нашего от-
деления: один мой больной отяжелел — дренажное кро-
вотечение. Надо срочно ехать, — сказал он каким-то но-
вым извиняющимся тоном.

— Конечно, поехали. А это кровотечение опасное? —
старалась преодолеть смущение предыдущих минут она.

— Разберемся. Операция у него была тяжелая по поводу опухоли головного мозга, а теперь присоединились менингеальные симптомы.

— Тебя никто из врачей не страшует, когда ты в отпуске? — тон разговора постепенно входил в колею обыденности.

— Вообще-то дежурный врач подстрахует, пока мы едем. Но своих больных я оперирую и дальше курирую сам.

— Что значит, своих?

— Тех, кого веду, кого мне дали вести.

— Ты можешь выбрать их?

— Я не выбираю.

Когда они выехали на трассу, Игорь сильнее нажал на педаль газа и перехватил поудобнее руль. Машин на дороге было немного.

— Игорь, у тебя на работе есть друзья? — инициировала непринужденную беседу Рита.

— Скорее, приятели.

— Почему? Ты конфликтуешь?

— Это не конфликты и не конкуренция, просто мы мало разговариваем на работе: времени нет.

— А старые друзья? Ты сохранил их?

— Скорее мы сохранили друг друга с однокашником. Его зовут Петр Петрович.

— Он врач?

— Нет, он математик, преподает в университете.

— Вы часто встречаетесь?

— Встречаемся.

— Ты как-то без энтузиазма...

— Нет, достоинства у него многочисленны, но есть и докучливые недостатки. Тебя с ним знакомить пока не буду. Уведет. Он такой.

— Уверен?
— На все сто! А я не люблю делиться и одалживать.
— А во мне тоже уверен?
Он лукаво pokrutil головой.
— А я и обидеться могу!
— А я и исправиться! — он по-детски посмотрел на нее и погладил ее колено. — Не обижайся на меня: я трудный. Одичал. Меня надо перевоспитывать.

В город приехали быстро, и Рита к обеду уже была дома. Записка, приклеенная к зеркалу, исчезла. Значит, ее прочли. Кто? Мама или Алешка?

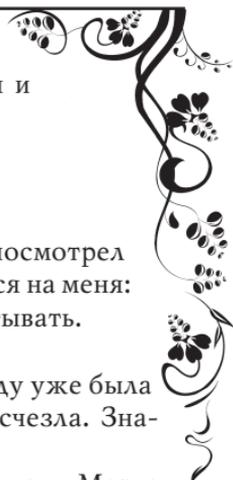
«А рыбы-то нет...», — соображала на ходу Маргарита. — Что теперь сказать про рыбалку? И надо ли?»

Странная, оказывается, вещь «восприятие нагрузки». Тяжёлой долей кажутся походы с сумками на рынок, в магазин, стояние в очередях за коммунальные платежи и у плиты, лекции, семинары и даже сидение в парикмахерской.

Но вот когда появляется фактор тайного удовольствия и внутренней победы, хозяйственные проблемы и работа воспринимаются только как удовольствие — с улыбкой.

Нейрохирург Воронцов быстро оценил ситуацию:

— Больному нужно срочно делать люмбальную пункцию для исследования ликвора. В перевязочную. Быстро, — спокойно и требовательно проговорил он взволнованной медсестре Любе.

— Игорь Александрович, я не зря Вас побеспокоила?
А то мне показалось, что Вы разозлились на меня...

— Нет, конечно, все правильно сделала, не комплексуй.

— Я сразу подумала — раз рвота началась, значит...
Ой, мамочки, он такой бледный-бледный лежит. Бед-
ненький, бедненький, — повторила медсестра.

— Да не тараторь ты, — прервал ее Воронцов.

Он продолжал методично готовиться к процедуре,
когда доставили больного.

— Доктор, что вы будете делать? пункцию? — насто-
роженно смотрел на Воронцова больной.

— Да, Сергей Витальевич, мы сейчас постараемся бы-
стро снять у Вас все симптомы повышенного внутриче-
репного давления, вот, например, рвоту остановим, да, и
полечим хорошенько. Все будет хорошо.

— Наш Игорь Александрович виртуозно владеет этой
техникой. Только Вы не бойтесь, все будет хорошо, —
кудахтала простодушная Люба.

— Люба, сходите пока в палату к больным, проведай-
те других больных.

— Что? — медсестра смотрела на него непонимающи-
ми глазами. — В интенсивную терапию, да?

— В какую хотите.

Медсестра опешила. Воронцов подошел к ней вплот-
ную и выразительно показывая на дверь, прошипел:

— Выйдите отсюда, я сказал, и успокойтесь, — он
смотрел на нее сверху вниз, а потом громко добавил, —
позовите срочно Галину Ивановну.

Люба бросила марлю, которую она лихорадочно те-
ребила в руках, на стол, и выскочила вон.

Люмбальная пункция проводится для исследования
спинно-мозговой жидкости. Этой процедурой обычно
сразу «убивается несколько зайцев»: проводится сам

анализ, выпускается лишний ликвор для снижения внутричерепного давления, измеряется давление и вводится антибиотик. Процедура необходимая, но ее исхода, действительно, можно опасаться, если она делается плохим специалистом — тогда больной запросто может остаться недвижимым на всю жизнь.

Это реалистично и страшно. Но эмоции врача травмируют больного еще больше. А Воронцов был профессионал и хороший психолог. Во время всех сложных манипуляций он казался даже отстраненным от происходящего.

«Люмбальная игла вошла как в подушку, значит, я удачно вошел в спинно-мозговой канал», — думал Воронцов.

Потекла жидкость серозного цвета, экспресс-анализ которой сразу показал менингококки.

— Будем люмбально вводить пенициллин, — прокомментировал свои действия Игорь Александрович. — Здесь главное сделать все вовремя. А мы не опоздали. Потом надо будет сделать компьютерную томографию.

Когда процедура прошла успешно и все было позади, Воронцов, глядя на молодую большеглазую Любу Зорину, серьезно сказал:

— Ты не сможешь здесь работать с такими переживаниями. Научись держать себя в руках.

— Не получается, как у Вас, — вызывающе произнесла медсестра. — Мне жалко их всех, неизвестно, выживут или нет...

— Замолчи! — резко проговорил Воронцов и, глядя в сторону, ругнулся. А потом, видя округленные глаза медсестры, усмехнувшись, сказал:

— Из песни слов не выкинешь, надо же как-то защищаться от стрессов.

Люба надулась, всем своим видом показывая неприятие к «жестокому старику»: для двадцатилетней красавицы сорокалетний мужчина — старик.

Игорь, вытирая руки полотенцем, смотрел на максималистку вполне доброжелательно:

— Ты думаешь, что я вдохновляюсь от их вида и страданий? Но им всем нужны не только наши с тобой содействия, но конкретная помощь. Конкретная и действенная. И в эмоциональном плане тоже. И слова надо уместные подобрать. Они надеются выздороветь, понимаешь?

— Понимаю. Но когда кто-то из них страдает, я не могу на это спокойно смотреть.

— Вот будешь себя постоянно сравнивать со всеми больными, свихнешься до срока.

— До срока? А когда, Вы думаете, мой срок?

— У тебя скоро, — уже улыбаясь, подначил Любу Игорь Александрович, — Ты у нас эмоционально неустойчивая, импульсивная, склонная к быстрым переменам настроения. Вобщем отклонения от нормы у тебя уже есть. Поняла?

Люба так ничего и не поняла, но согласно кивнула и шмыгнула носом. «Вот еще проблема», — подумал Игорь, и с напускной серьезностью произнес:

— Сопли вытри и давай в палату интенсивной терапии. Посмотри за ними, как следует, и Сергея Витальевича поддержи. А если что, звони обязательно.

Игорь привык к такому режиму труда и отдыха. Так работать, как он, мог человек, знающий, как короток век. В Америке его назвали бы селфмейдменом и демонстрировали как пример для подражания, а у нас это был естественный для настоящего мужика способ жизни.

И все-таки он делал все, что хотел и как хотел. Ему нравилась его работа, он гордился ее результатами. Его бывшая супруга не относилась к такой категории людей, получая удовольствие от имущественного комфорта. А вот Маргарита, похоже, была родственной душой. «Интересно, сможет ли Маргарита выдержать мою работу?», — думал он, возвращаясь домой.

«Чистка рыбы» — вывеска в рыбном ряду на Центральном рынке. Две женщины крепкого телосложения женщины сосредоточенно работают килерами.

Маргарита любит готовить и есть рыбу, но ее чистка не доставляет ей никакой радости. «Лучше всего взять большую и некостлявую рыбу. Из нее хоть что-то можно приготовить. С мелкой — одни хлопоты».

Она купила живого карпа, весом в три с лишним килограмма, и направилась напрямиком в «Чистку рыбы».

— За сколько почистите такого красавца?

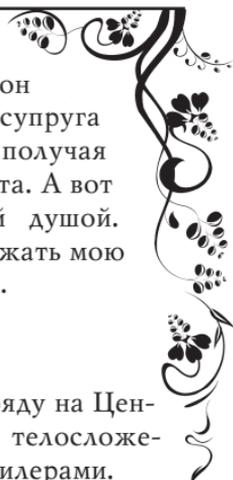
— За полтинник, — предложила свою цену одна из них.

Маргарита выложила из целлофанового пакета большого зеркального карпа, который сначала запрыгал на столе, а потом мгновенно угомонился в руках профессионала.

— Шевелиться не будет? — недоверчиво поинтересовалась Маргарита.

— После нас никто не шевелится, — деловито заявила «рыбачка». — Даже наши мужья не шевелятся.

Маргарита подумала, что такую хирургию она бы ежедневно выполнять не смогла. И еще она подумала,

что теперь для семьи есть объяснение слову «рыбалка». О Воронцове семья еще не знала.

«В мою жизнь стремительно входит романтика. Раньше я читала про это в книгах и смотрела в кино, а сегодня я — главная героиня своего романа. И декорации на сцене ставит мой новый режиссер — Игорь Воронцов. Вчера — вот тебе рыбалка! Сегодня — пожалуйста, мэм, на выставку!

На выставку «Шедевры Сальвадора Дали» я попала так же неожиданно, как и на рыбалку. Правда, успела прилично одеться, чтобы соответствовать своему импозантному кавалеру. Мы гуляли по Садовой...

Вечером мы шли не спеша со стороны Ворошиловского проспекта и остановились недалеко от Краеведческого музея — свернуть налево и пойти в кафе на Пушкинскую или идти прямо до Театральной площади?

— Интересно, как поступил бы Сальвадор Дали на нашем месте? — кивнул Игорь на рекламное изображение художника. — В кафе, наверное, завернул бы, на морепродукты.

— Не думаю, во-первых, он не любил устриц, а во-вторых, прислушался бы к своей любимой Гале. Если на нашем месте...

— Дали был «под каблуком»?

— Я не знаю, носила ли его Гала каблук, но если даже и так, то это не помешало ему стать миллионером и получить титул маркиза из рук короля Испании.

— Да, видимо, он знал, кому и почему продавать свои творения.

— Дали начал творить в начале двадцатого века, тогда этими вопросами не задавались.

— То есть, ты хочешь сказать, что он стал миллионером по наивности толпы?

— Ну, не так, конечно. Время требовало новых форм, их уже не привлекал реализм с его гармонией, им нужен был взрыв. Вот так и пришел Дали со своим сюрреализмом. Люди верили в гения, а гений верил в свое божественное происхождение. Вообще, мне кажется, что каждый гений творит из чувства внутренней потребности. На то он и гений: гениальность идет от удовольствия.

— А мне кажется, что каждый гений живет принципами удовольствия и реальности. Ведь должен же он думать, как зарабатывать деньги? Может быть, зайдём на «Сюрреализм», мне даже интересно стало, — с юношеским задором предложил Игорь.

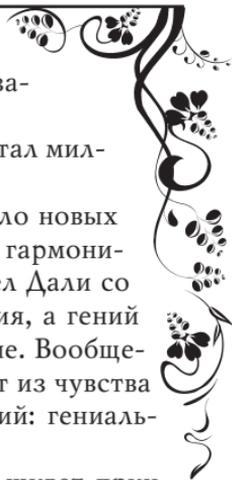
— Пойдем.

Мы присоединились к экскурсионной группе в зале Сальвадора Дали, когда беседа уже шла полным ходом:

«...Индивид не имеет иного выбора, как конструировать свою собственную реальность, каким бы это ни казалось произвольным и даже абсурдным», — быстро проговаривала заученный текст молодая женщина, показывая на «Корабль». «Реальность Дали в абсурде. Наша реальность абсурдна».

— Ага, вот например, в «Осеннем каннибализме» «видны» национальные конфликты, а в «Искушении святого Антония» — засилье порнографии, — усмехнулся Игорь.

— В безумном мире, возможно, нужны безумные способы разрядки.

«Дали однажды сказал: «В любой ошибке есть что-то от Бога. Так что не спеши поскорей ее исправить». Полувеком раньше Дали об этом же рассуждал русский художник Валентин Серов: «Без ошибки такая пакость, что и смотреть противно, тьфу!», — продолжала наш экскурсовод.

— Такое впечатление, что это зрелищные, эмоциональные сны, — прошептал мне на ухо Игорь. — Фрейд считал, что в снах — наши недостижимые желания, противоречащие воспитанию и психологическим установкам. Дневная цензура их запрещает, а во сне страсти кипят. Отсюда и такие запрещенные сценарии.

«Дали так видит реальность. Посмотрите на полотно «Галлюциногенный тореадор», — неумоимо направляла наше внимание переполненная знаниями экскурсовод.

— Рита, здесь еще и галлюциногены! Это нетрезво! — стараниям Игоря выставка приобретала в моих глазах характер легкого шоу. Впрочем, вечерний показ работ Дали для людей влюбленных ничего другого и не предполагал.

Иррационализмы Сальвадора Дали были вполне симпатичны, но по законам соцреализма, в котором выросли «мы — дети галактики», вызывали сложные чувства. Впрочем, если бы мы были на выставке художников-передвижников, пекущихся о «правде жизни» и ее адекватном воплощении, эффект был бы тот же.

Обостренные эстетические эмоции логично привели нас в кафе «Артист». Здесь на стенах — картины современных ростовских художников и богемные мягкие диваны синего цвета с высокими спинками. Кафе расположено на первом этаже жилого дома, а потому и заходишь сюда, как домой.

Мы сели за столик и моментально забыли о шумном миллионном городе за окнами. Его признание выглядело смущенно и доверительно. Пока мы ждали заказанный кофе и «Арманьяк», Игорь, глядя мне в глаза, сказал: «Рита, мне хорошо с тобой, и я хочу, чтобы ты всегда была рядом».

Они бесшабашно колесили по улицам города, взявшись за руки. Останавливались в самых неожиданных местах и получали удовольствие от факта жизни сегодня.

— У меня с тобой за эти два месяца — впечатлений больше, чем за последние двадцать лет, — сказал он.

— И у меня, — правдиво отвечала она.

Утренним августом в Ботаническом саду прохладно. Только часам к двенадцати станет пригревать. Возле источника чувствуется вкус лета — двойники деревьев застыли в крохотном озерце, сочная пушистая трава с вкраплениями мелких красных маков, кашки, по-барски раскинувшихся бордовых репейников. Здесь можно наблюдать за движением воды в источнике, а можно просто искупаться и расположиться на отдыхе на ровной лужайке. В Ботанике ростовчане так и отдыхают.

Пристроенная к камням чьей-то доброй рукой небольшая икона Богоматери обеспечивает покровительство природной красоте.

«Всех моих девчонок она приговорила к высшей мере!», — он любовался Ритиным детским восторгом от намокшей от брызг одежды.

— Сухо. Давай руку, — Игорь усадил свою «королеву» на бревно поваленной когда-то давно ели. — А я сяду рядышком. Заголовок так и запишем: «Разговор на бревне», — он был изобретателен. И, глядя на неправдоподобно прозрачную воду, они лепетали абсолютную чепуху, какую несут до восемнадцати.

— Ты здесь давно был?

— В седьмом классе, с классом и классной руководительницей.

— И я, только в девятом. Мы приезжали на День здоровья.

— А мы на экскурсию.

— Смотри, к нам идет собака. Ой, а там еще одна.

— Не бойся, я не дам тебя в обиду.

— Я с тобой не боюсь. Да, я вообще собак не боюсь.

И у меня есть печенье: мы их угостим, и они нас не тронут. — Рита бросила им два печенья.

Две громадные бездомные собаки подбежали совсем близко, но, то ли печенье показалось им «не едой», то ли посчитали, что это не их собачье дело подслушивать разговоры людей, они, понюхав соседние кусты, убежали прочь.

— У тебя всегда с собой печенье? Я не знал, что ты хомяк.

Она игриво шлепнула его по спине.

— Ну, ладно не хомяк, а... хомочка. — Он крепко прижал ее к себе, чтобы исключить попытку повторить шлепок, а потом не смог удержаться, чтобы не чмокнуть ее в щечку.

— Смотри, я всегда с собой ношу складной нож. — Игорь метко кинул нож в песок так, что он вошел почти вертикально, а потом прочертил линию.

— Зачем тебе нож? Тебе он не надоел на работе?

— Дурочка, нож — это символ силы мужчины.

— Только нож?

— Ты еще и хулиганка. Это примета каждого нормального мужика. Вот ты играла в детстве в «Земелюшку-чернозем»? — Он прочертил окружность, а потом еще раз кинул нож и провел еще одну линию. — Помнишь эту игру?

— Я видела, как мальчишки играли.

— Правильно, они играли, а тебя не брали в игру, потому что ты — девчонка.

— А за это мы их дразнили:

Скоро воскресенье,

Девочкам — варенье,

А мальчишкам-дуракам —

Ножик «финка» и наган.

Он снова ее поцеловал. Они снова молили свою чепуху, не терзая себя рациональными расспросами. В песке они нашли три большие круглые ракушки, и она заставляла его восхищаться ими.

А когда невесть откуда потянуло шашлыками, он принялся и вожделенно сказал:

— Я хочу есть. Знаешь, я люблю поесть. Поехали отсюда.

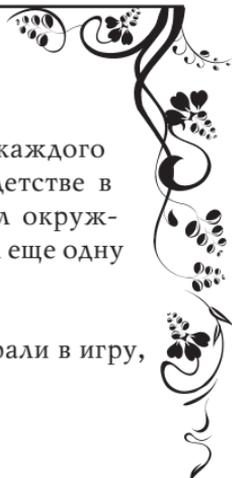
— Поехали.

Он быстро дернул ее за руку, и они побежали вниз по крутому спуску, торопясь поймать такси, чтобы побыстрее добраться в кафе. Возле большого старого дерева с толстенным стволом он вдруг остановил ее.

— Смотри, какое дерево! Знаешь, как называется?

— Нет.

— И я не знаю. А оно может на нас обидеться. Давай обнимем его.

— Давай. Наши детские вечера проходили под такими же старыми деревьями.

Они распахнули руки, едва окружив ствол дерева — таким старым было оно.

А потом он произнес:

Ты сейчас такая красивая, давай я тебя сфотографирую.

— А фотоаппарат?

— Я на телефон.

После стремительного бега она, действительно, была хороша. Это заметно и на «телефонной» фотографии низкого качества, сохраненной им в компьютере.

— А ты умеешь готовить сборную солянку?

— Умею, конечно.

— А меня научишь?

— Зачем тебе?

— Я ее люблю с детства. Мы с отцом ходили в кафе, стояли в очереди...

— В очереди за солянкой?

— А ты как думала? Там ее обалденно готовили! У меня это самое любимое блюдо.

— Ты относишься к плотоядным.

— И ты, как я заметил, не вегетарианка.

— Это хорошо, что у нас похожие вкусы.

Первые ростовские кафе стали оазисами в мире общепита. А теперь каждое из них «соревнует соседа» в оригинальности оформления и меню. В кафе можно прийти одному, чтобы почитать журнал или газету, можно семьей, можно с деловым партнером, можно компанией.

А можно и так, как это сделали Игорь и Рита — проголодавшись.

В том кафе, куда они примчались к обеду, за столиком в тени под огромной бамбуковой крышей уже сидели четверо, громко смеялись, фыркали, значительно восклицали.

Их обслуживал худощавый официант с крысиным лицом, в длинном коричневом фартуке, из-под которого вот-вот покажется длинный голый хвост. Увидев новых посетителей, Мышинный король быстро положил им меню и так же быстро отбежал к другому столику. «Солянки сборной мясной» в меню не было. Шашлычник вяло нанизывал на шампуры куски мяса.

— Здесь как-то темно и кулинарный репертуар небольшой, — оценил Игорь кухню. — Может быть, пойдем в другое место?

— У меня еще ноги мокрые.

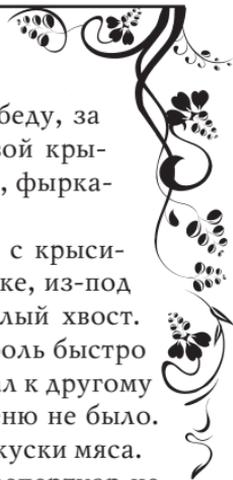
— Разувайся немедленно. Пока мы тут посидим, туфли высохнут. Что ты хочешь поесть?

— Так пахнет шашлыком!.. Я сейчас съем все, что увижу на столе!

Рита разулась, ее туфли Игорь поставил на солнце, и она села в плетеное кресло, поджав под себя ноги. Ее платье, цвета неомраченной совести, измятое неосторожным сиденьем на бревне, оголило колени. «Мило!» — отметил он ее позу, демонстрирующую презрение к старомодным условностям.

Они заказали, нет — они категорически потребовали мясо, соус, зелень, хлеб и вино. Ленивый шашлычник вынужденно переключил свои мозги на другую скорость.

— Прохладно, — поежилась она от сквозняка, хотя на улице было градусов тридцать.

— Сейчас будет тепло, — и, громко обратился к официанту, — мы не будем вино, дайте нам быстро водки, мы продрогли.

Подгулявшая компания обернулась: «Во дают, старики!»

— Игорь... Они подумают... — она осмотрелась по сторонам.

— Что нам хорошо?

— Что им не так хорошо. Видишь, как они сюда смотрят?

— Ну, и пусть. Сейчас не время воздерживаться. Водка, и только водка. Слушай, что доктор прописал!

Обожгло горло, потом тепло покатилося ниже.

— А теперь, девушка, быстренько подденьте о-от тот огурчик. Быстрее-быстрее-быстрее... Надо почувствовать всю вкусовую гамму. Так за что мы пьем? «Отвяжись, плохая жись, приходи хорошая!»

И обыденная жизнь превратилась в поэзию.

«Первые сентябрьские дни всегда суетны. Журнал, планы, программы, собрания, совещания... Директор говорит, что нас критиковали на августовской конференции. Шестиклассники отличились на каникулах, а виновата оказалась школа. В школе будет проверка воспитательной системы и т.д.

Мои ребята тоже после летних каникул взбудораженные, но, слава богу, никуда не вяпались. Но первого сентября Михеева и Любченко пришли с длинными черными челками и пирсингом в бровях и на языке. Вид суровый, как после ритуала инициации, и племенной характер не-

коего братства подчеркнут ярко-розовыми блузками. Спрашиваю:

— Что это за символика?

— Мы — эмо. А Вам не нравится?

— Мне интересно, а что вы думаете по поводу своей одинаковости?

— Это правила нашей тусовки, — уверенно заключила Вика.

— У вас появились новые друзья?

— Да, теперь мы — одна команда, — Марина тоже держит самооборону, но слово «команда» неприятно кольнуло: «Значит, мы уже не одна команда?». — Не ругайте нас за внешний вид, ладно?

— Если для вас это так дорого и важно, почему я должна вас ругать? Но приготовьтесь к постоянным объяснениям в своих жизненных переживаниях и разочарованиях.

— Но мы не разочаровались ни в чем, наоборот...

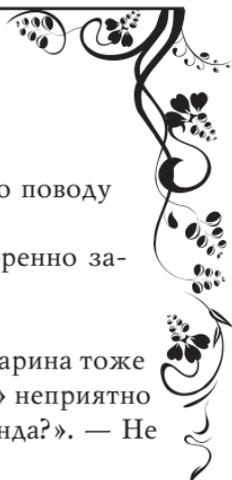
— А ваш костюм и грим играет другую роль. Именно он и вызывает все вопросы.

— Нет, ну мы же просто относимся к особой группировке, субкультуре, поэтому и должны быть, как все наши.

— Видимость сходства легче всего создать с помощью одежды и атрибутики.

— Мне обидно то, что Вы сейчас говорите, — надула губки Марина.

— Я понимаю, что тебе обидно. Но ты ведь хочешь, чтобы я тебя поняла, поэтому я пытаюсь разобраться в том, что хорошего быть внешне похожим на всех остальных, подстраиваться под них. Я считаю, что вы каждая по-своему очень интересны, и я люблю вас такими, какие вы были и есть. Мне для этого не требуется ни ваш маки-

аж, ни ваш пирсинг. А почему атрибутика нужна вашим друзьям, если они хорошо к вам относятся, я не понимаю. Ведь если любишь человека, то хочешь восхищаться им, выделять его из толпы, а не уравнивать со всеми остальными, правда?

— ?

— Английский поэт Джонсон сказал, что «ни один человек еще никогда не стал великим, подражая кому-нибудь». Хотя зеркальное отражение собеседника порой дает очень выгодные результаты: он притягивается. Но эта выгода искусственная. А я люблю все естественное — и дружбу, и любовь.

Наш разговор продолжался недолго, и они не раздражали меня своей эпатажностью. Мое поколение тоже когда-то носило голубые американские джинсы, варенку, длиннющие шарфы. Это свойственно всем молодым — не выделяться из рядовых, чтобы сохранить побольше друзей.

Они еще не знают, как важно собственное отличие! И мое мнение может быть правильным для взрослых, но не всегда применимо к психологии подростка».

5 октября 2006 года, четверг

«Бабе лето у нас загостилось. Погода необыкновенно хороша! Праздничная погода!

Мы сидим у мамы на кухне.

— В тебе что-то изменилось, не могу понять что, но эта перемена мне нравится, — говорит мама, вызывая меня на откровенный разговор и предчувствуя какие-то изменения в жизни.

Она тщательно готовит чай на своей кухне и приглашает меня к столу.

— Ты любишь горячий, можешь себе наливать, а для меня лучше пусть остынет немного. Рита, я все чувствую: ты влюбилась, — уличила меня мама.

— Да, мама, я влюбилась. Но почему-то думаю, что такое чувство не бывает долго.

— А, по-твоему, ты не заслужила свое счастье? Кто он, и почему ты его от нас скрываешь? Он что, женат?

— Разведен. Может быть, и не заслужила. Вот это меня и беспокоит... Мама, он такой серьезный, такой загруженный работой и такой талантливый человек...

— Он актер?

— Он врач. И очень хороший врач. Вообще-то о нем нельзя думать вне медицины: он весь в ней. Он состоялся в своем деле.

— И что же тебя смущает? Это прекрасно, что ты встретила хорошего человека. Сколько ему лет?

— Он почти мой ровесник, сорок три.

— Рита, Володю не вернешь, ты должна думать...

— Я это понимаю. И думаю, могу ли я стать хорошей женой?

— А почему нет?! Рита, а дети у него есть?

— У него сын, в мединституте учится. Но он живет отдельно.

— Ты была у него дома?

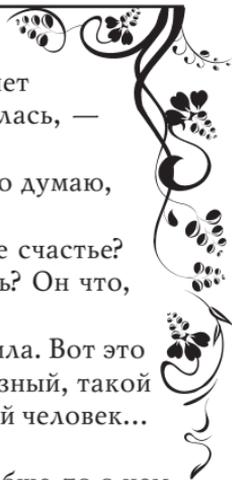
— Да, была. У него современная квартира, трехкомнатная. Все вещи со вкусом, кругом полный порядок. До педантизма.

— Понятно... Но замуж он тебя не зовет...

— Уже позвал.

— Как позвал? — оживилась мама. — Когда?

— Да в прошлом месяце.

— Рита, ты медлишь, потому что он тебе неприятен физически?

— Что ты!.. Мне хорошо с ним. Но я все время думаю о том, что он скоро может разочароваться во мне. У меня так уже было с Володей. Сначала все хорошо, а потом началось... Но если раньше я могла переключиться на театр и в особом драйве после состоявшегося спектакля чувствовать себя королевой, то сейчас я не могу позволить себе нервный срыв. Если у нас что-нибудь разладится, я просто потеряю работу. Школа — это не театр, где собственные обиды сублимируются в актерском мастерстве.

— Из твоего монолога я поняла только одно: ты не уверена в себе как женщина.

— Я не знаю, в какой степени я нужна этому человеку, поэтому я не вижу смысла начинать жизнь сначала и не знаю, что мне гарантирует этот смысл.

— Многие вообще не задаются этими вопросами и живут припеваючи. Зачем тебе поиски этого смысла? Рита, ты стала невротиком! Это школа.

— Может и так... Так получилось, что раздваиваясь между мужем и работой, я в итоге потеряла всё.

— По-моему, ты преувеличиваешь. Да, у тебя была депрессия, ты вымоталась. Наверное, зря раньше времени ушла из театра. Но Рита, поверь моему жизненному опыту, женщине вовсе необязательно быть личностью-профессионалом. Мужчина любит женщину, а не профессионала. Так устроена жизнь — психологически, исторически. Быть личностью и профессионалом — удел мужчины. Но быть женщиной — гораздо сложнее. Во всяком случае, твой «состоявшийся профессионал» не ждет от тебя побед на работе. Он хочет уюта и тепла, а не рабочего триумфа. И все. И ты можешь стать таким светлячком!

— Ты хочешь сказать, что ампула для всех женщин одинаково? Kirche, kuche, kinder, kleider (церковь, кухня, дети, тряпки)?

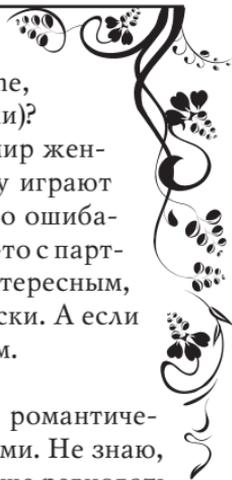
— Да, это мужчина владеет миром, а мир женщины — ее дом. Но женщины по-разному играют свои жизненные роли в своем доме. Кто-то ошибается с гримом, кто-то с декорациями, а кто-то с партнером. Если тебе твой партнер кажется интересным, то и жизненную роль ты сыграешь мастерски. А если он сер и убог... Рита, познакомь меня с ним.

— И с Алешкой его познакомить?

— С Алешкой не знаю, у него сейчас романтический период, он упивается своими чувствами. Не знаю, как он отреагирует на эту новость. Вдруг еще ревновать начнет? А это совсем неуместно.

— Ну, хорошо. Мы, может быть, вечерком как-нибудь придем.

И все-таки мне кажется, что с ним я не играю никакую роль. Я просто живу в свое удовольствие».

*Глава 7.
Школа
благоразумия*

*Человек познается в детях
своих.*

Священное писание. Сир. 11, 28

Все, кто знал Владимира, говорят, что Алексей стал похож на него, а кто не знал и видит Маргариту с сыном, считают, что у него мамины черты лица. Одним словом, парень симпатичный и ладный.

Алексей Владимирович учится на втором курсе строительного института. Конечно, памятью о знаменитом московском дедушке, он «намылился» было в театралы. Но Маргарита, заметив в нем не «голос крови», а лишь желание сбежать на волю, сказала:

— Твоего желания повиснуть на шее у дедушки Владимир Петрович Сергеев не понял бы никогда. Он бы хотел, чтобы ты рос самостоятельным. И я тоже. Поверь, это не так накладно.

— Так что же мне совсем не ездить к нему? — находился он.

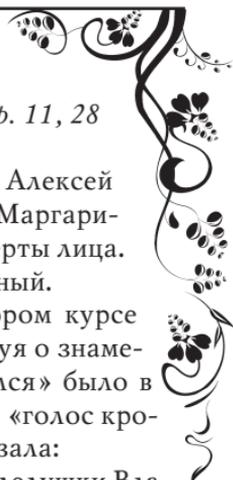
— Съездить можно. А жить тебе лучше дома.

— Но ведь отец не жил со своими родителями дома!

— И все-таки я за естественный ход событий. Надо знать, с чем ты собираешься ехать в другой город.

С тех пор радужные картинки о московской житухе начали блекнуть и исчезли вовсе. В одиннадцатом классе Алешка нажал на учебу и, хоть не превратил ее в свой жизненный принцип, вобрал в себя привычку трудиться и добиваться цели.

Он деловитый, работающий, но очень эмоциональный. Если что-то задевает его интересы и не входит в круг его понимания — злится, нервничает, заводится с «четверти оборота». Но есть в нем закваска. Достоинство, что ли? Вот оно и подвигло его на собственную стезю. Несмотря

на то, что он не был одержим идеей стать строителем, он выбрал престижный вуз, достойную специальность и добился обучения на бюджетной основе.

5 ноября 2006 года, воскресенье

«Алешка пришел домой поздно, и в глазах какое-то смятение. Обидели его что ли?»

— Здравствуй, князь ты мой прекрасный!

Что ты тих, как день ненастный?

Опечалился чему?

— Люди женятся; гляжу,

Не женат лишь я хожу!

— Выучили на свою голову, поэта-песенника! Интересная тема получается, — а сама думаю: «А дальше что?»

— По теме лучше на кухне. Есть что-нибудь поесть? — он раздевается, переобувается и идет на кухню.

Я ставлю тарелки на стол, а на душе беспокойно:

— Что все-таки стряслось, можно не мучить меня ожиданием?

— Ладно. Я на дороге счастья. Он и она встретились, и это судьба.

— Не надо паясничать, рассказывай, все по порядку.

— Ну, уж и бабушку зови сюда на семейный совет.

Так получилось, что мы с мамой живем на разных этажах в одном подъезде. Она на втором, а мы с Алешкой — на третьем. У нее однокомнатная квартира, а у нас двушка. Благо, что уютный двор, и окна обеих квартир выходят на восток и на запад, поэтому у нас всегда солнце.

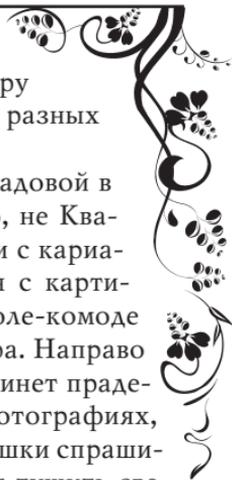
Я училась в десятом классе, когда мои родители развелись. Они разменяли большую бабушкину квартиру, что была на Буденновском, на две. Через год после развода народный артист СССР Алексей Чуднов уехал

с новой женой в Москву в театр имени Советской Армии, оставив вещи и квартиру маме. Теперь он живет в Москве, а мы в разных квартирах.

Еще раньше бабушка жила на улице Садовой в красивом доме, который строил, конечно, не Кваренги и не Росси, но дом был добротный и с кариа-тидами на фронте. Огромная гостиная с картинами в тяжелых рамах, на деревянном столе-комоде подсвечники, на потолке бронзовая люстра. Направо дверь в комнату супругов, налево — в кабинет прадеда. Это все, что запечатлено на старых фотографиях, которые я в детстве разглядывала и у бабушки спрашивала: «А где слуга, почему он не выходит тушить свечи?» В ответ она одними губами улыбалась и отвечала: «Не знаю, наверно обленился наш Тимофей».

От квартиры ничего не осталось еще в 42-м, после бомбежки. Хозяева пришли с работы, стены стоят, а крыши нет. Наталья Станиславовна тогда на работу с пятилетним Алешкой, моим отцом, ходила. Пришли из школы, на руинах копались-копались, какие-то документы и уцелевшие мелкие вещи разыскали, в платок завязали и вернулись назад в школу. Так и жили в пионерской комнате до конца войны, пока им не дали другое жилье взамен разрушенного. А потом выделили чью-то незанятую трехкомнатную квартиру, даже с оставшимися от прежних жильцов вещами. Бабушка поставила чужие вещи в одну из комнат, думала, что хозяева вернуться, но за ними так никто и не пришел.

Мама пришла тут же, волнуясь, как всегда, по поводу новостей. Поскольку хорошие новости приходили не так часто, то тревоги выражались у нее примерно так: даже

если чего-то еще не случилось, значит ли это, что не случится никогда?

— Что случилось? — воскликнула она прямо на пороге.

— Новость Алешкина, ему и рассказывать.

Алешка молча выставил на стол фотографию в рамке своей девушки Светланы и театрально опустил на одно колено.

— И? — подталкиваю я его сообщение. Чипидрос тоже подошел к нему и сел рядом.

— Рита, мне кажется, что этот молодой господин собирается жениться, — мама с любопытством подсаживается к столу.

«Ми-и-и-у!» — соглашается Чипидрос.

Алексей расплывается в блаженной улыбке.

— Алешка, это правда?

— Ну, если вы одобрите и поддержите, то, правда, — сын всматривался в наши лица с надеждой одобрения и поддержки.

— Ты так любишь Свету? — не могу поверить в эту новость.

Мне казалось, что все его свидания с девушками, в том числе и с этой, всего лишь легкий флирт. Он еще так молод. Девятнадцать лет — елки-палки! Еще институт впереди...

— А не рано тебе жениться, Алеша? Это такое взрослое решение!

— Мам, а кого можно считать взрослым? Как по дому что-то делать — я взрослый, в институте — я взрослый...

— он осекся, видя мое расстроенное выражение лица.

— Ну, мы не прямо сейчас поженимся, а весной. А тогда уже двадцать будет. Как тебе, когда ты меня родила.

— Нет, он еще сравнивает! Тогда время другое было...

— Мам, не съезжай с темы. Я хочу семью. Я хочу, чтобы меня ждали, терпели, жалели. Понимаешь? Я хочу, чтобы были завтраки вместе, ужины вместе, за город вместе. Она хорошая!

— А недостатки у нее какие-нибудь есть?

— Ты понимаешь, мать, не вижу я у нее недостатков! Бабушка, она готовит блины не хуже тебя.

— Ты ел? — встрепенулась мама.

— Я ел!.. И спал с ней. И мне было хорошо.

— Вот этим мог бы и не гордиться.

— Почему?

— А она тебе разрешала посвящать всех в ваши интимные дела?

— Что тут особенного?

— Да, так, ничего... Сынок, наверное, значительные события в нашей жизни случаются именно так. Они просто приходят в наш дом. Внезапно. Транзитом.

Мама, которая все это время тщательно протирала нутрецо чашки, включилась в разговор:

— Рита, а я очень рада за Алешку.

— Я тоже, но мне непривычно, что он будет скоро не мой.

— Почему это я буду не твой. Я эту версию не рассматриваю.

— Ты уже сделал ей предложение?

— Я сказал, что не хочу с ней расставаться.

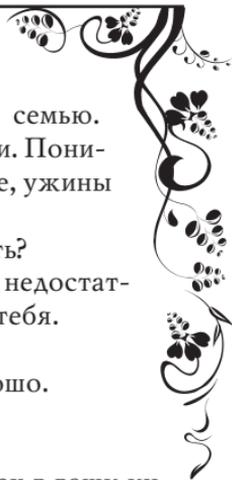
— А она?

— Она тоже хочет быть рядом со мной.

— А ее родители?

— У нее одна мама, и она ко мне хорошо относится.

— Хорошо относится и видит в качестве своего зятя — это разные вещи, сынок.

— Она не будет против, мама. Она не пендитная штучка. Она простая мама.

— В каком смысле простая? — осведомилась бабушка.

— Не голубых кровей?

— Вот в родословную я не заглядывал.

— Напрасно, может быть гемофилия в роду, — съязвила она.

— Алевтина Андреевна бухгалтер в какой-то фирме.

— Леша, мы должны встретиться все вместе и обсудить то, что вы там решили. Не шутки все-таки.

— Ладно, обсудим. Да, мне только девятнадцать, а будет двадцать. Ну я же не виноват, что встретил свою половинку сейчас, а не в двадцать семь или тридцать. Знаешь, многие мои сокурсники живут со своими подругами, не обещая им ничего, кроме развлечений. Возможно, такой вариант в чем-то рациональнее, чем тот, который хочу принять я. Просто моя жизнь, как мне кажется, поменяла скорость и стала быстрее после смерти отца, и я хочу больше успеть.

Я подумала, что Алешка как-то быстро взрослеть начал: неужели жить торопится, как его отец?

— Мам, я не собираюсь сидеть на шее у тебя или у матери Светы. Я не альфонс. Я подрабатываю, правда, получаю немного, но Света знает, сколько, и ее это не смущает. А меня — пока не смущает. Мы не эгоисты, понимаешь. Когда я закончу институт, у меня будет хорошая работа и зарплата. Мы обсудили подробности нашей будущей жизни. Ну, может быть, чего-то не учли, учтем потом. Короче, я уже решил, что я женюсь, и я женюсь.

— Понятно все, убедил, — подытожила бабушка.

— Тогда я пойду к Светке, — сын вскочил из-за стола и побежал одеваться.

— А ужинать?

— Потом поем!

А что, собственно, произошло? Все естественно. Это должно было произойти рано или поздно. И никто не знает, когда лучше. Ну, да, раньше нас было трое, а теперь будет четверо. Может, он будет дома теперь по вечерам, и волнений меньше.

Что я такое говорю! Волнений меньше! Их теперь прибавится выше крыши. Мама тоже раздумывает о новостях:

— Рита, надо и нам с тобой подумать об их свадьбе.хлопоты, конечно, приятные, но это хлопоты. Хорошо, что он заранее сказал, а не за месяц. Праздник — дело серьезное: деньги, гости, ритуал в ЗАГСе. Интересно, они задумывают большую свадьбу?

— Кто — они, мама? Алешка со Светой?

— Нет, Света и ее мать.

— Ну, не знаю, большую или нет, а торжественную и в белом платье — наверняка.

— Они сейчас на подъеме. Романтика под звездой «Столько лет впереди»! Им по двадцать, Рита.

— Пока по девятнадцать, мама.

— В моем возрасте — это одно и то же. Они живут и не подозревают, что может что-то внезапно исчезнуть или перейти в категорию выяснения отношений...

— Вот именно! Они еще не знают, чего хотят, а повзрослеют, встретятся с настоящим, взрослым чувством, и вся жизнь пойдет наперекосяк: наплюют друг другу в душу и разбегутся, а проблем останется полон рот.

— А я рада за них. Зачем гадать о том, что будет через несколько лет? Я вот тоже с трудом представляла себе тебя замужем за офицером. Мне, казалось, что вам будет не о чем разговаривать, и вы быстро разбежитесь. актри-

са должна иметь мужа своей профессии — так я всегда считала. А вы прожили пятнадцать лет. Правда и это небольшой срок... Знаешь, а вдруг им повезет, и они будут вместе всю жизнь? Ну, не надо так нервничать...

— Ты на самом деле так думаешь или пытаешься поддержать меня?

— Конечно, именно так я думаю и так хочу поддержать тебя, моя доченька. Господи, что ж ты так изводишься по этому поводу. Сядь, и давай-ка мы с тобой выпьем по рюмочке коньячку? Наливай.

Мы думаем, что у нас много родственников, а на самом деле, самых родных душ в семье — раз, два, три. Наверное, поэтому и тревога друг за друга сильнее обычно. Может быть и правда лучше, если нас станет на одну родную душу больше?

Ну, ужели надо воевать с этой девочкой, которая смотрит на моего Алешку влюбленными глазами, ждет его, просто хочет быть рядом, хочет любить его? Она, наверное, думает, что я с ней сражаться начну, как свекровь. Ну, уж нет. В этом деле выигранный бой — тот, в который ты не вступаешь.

Никогда не думала, что так скоро придется привыкать к слову «свекровь». Все-таки это жертва какая-то. Не хочу, чтобы сын уходил из дома. Только все устоялось как-то. А ведь уйдет... Он говорил, что у Светланы квартира бабушкина в наследство осталась. И останусь я в этой квартире совсем одна. Почему испытания прилагаются к жизни как обязательный налог?

А с другой стороны, моральная самостоятельность Алешки — это, наверное, лучше, чем инфантильность, желание развлечений и беготня по ночным клубам. А он ведь действительно здорово повзрослел!..

В конце концов, если у них возникнут сложности, ну, а мы на что».

24 декабря 2006 года

Телефонный звонок разбудил нас с Игорем в половине шестого утра. Сквозь раздвоенность штор в окно пробивался только свет уличного фонаря. Зимой рассветает не так рано.

Вставать не было сил. Хотелось крепко зажмуриться и продолжить сон, в котором среди массы нагромождений, незапомнившихся событий возникали яркие краски радости. Разноплановый поток светлых действий остановился на тянущейся вдаль дороге, по обеим сторонам которой высились стволы деревьев, соприкасающиеся своими кронами где-то высоко в небе...

Игорь машинально нащупал на прикроватной тумбочке телефонную трубку.

— Да, я слушаю.

«Игорь, здравствуй!» — заговорила трубка. Он поморщился, оглянулся на меня и сразу как-то напрягся. «Ты меня узнал?» — продолжал низкий женский голос.

— Это ты, Таня? Ты знаешь, который сейчас час? Что там у тебя случилось? — Игорь задавал вопросы, не особенно вникая в проблемы говорящей на другом конце провода женщины.

Я уже слышала, что его бывшую жену звали Татьяной, и тоже насторожилась. На самом деле время ее звонка — это частности, главное, что она позвонила. Значит ли это, что у них дружеские отношения? Разговор продолжался.

«Я понимаю, что ты не ждал моего звонка», — отчетливо слышался в трубке довольно тягучий голос. «Ты извини, но мне нужен твой совет».

— В это время? — Игорь был раздражен.

«А в это время, потому что тебя ведь не поймает позже, ты убежишь на свою работу, а там тем более невозможно спокойно поговорить».

— Слушай, Таня, не тяни. Что-нибудь с Денисом?

«Вовсе нет. У Дениса все в порядке. А я... столько проблем накопилось, я даже не знаю, как дальше с ними жить...» — хрипловатый голос Татьяны, по-видимому, искал понимания у бывшего мужа. Игорь понял, что материального.

— Тебе нужны деньги? — перебил он Татьяну.

«Может быть и деньги...».

— Ну, хорошо, поговорим об этом позже. Я сам позвоню.

«Ты не один?» — не унималась женщина.

— Ты угадала. Ну, ладно, я потом наберу тебя...

«Постой, не клади трубку», — заторопилась Татьяна. — «У тебя с ней серьезно? Да?»

— А тебе-то какое дело? — Игорь нетерпеливо перебивал ненужный разговор.

«Значит, серьезно... Ладно, я буду ждать твоего звонка», — в трубке раздались гудки, и Игорь с негодованием бросил ее на телефонный аппарат.

Он сидел в кровати, отвернувшись от меня, но от него «фонило» многовольтное поле.

— Откуда она взялась в шесть утра?

— Чего ты так завелся? — как можно спокойнее спрашиваю я. — Позвонила и позвонила. Ну да, время раннее, но ведь тебе не привыкать. Вчера из больницы так в четыре часа звонили.

Я подошла к окну, отдернула шторы и приоткрыла форточку. В комнату ощутимо рвалась зимняя свежесть и звуки медленно оживающей тихой городской улицы.

— Тогда по делу звонили, а это — не поймешь что. — Игорь говорил, как будто сам с собой. — Тебе, наверное, это неприятно, что у меня и дома санитарная станция? — он немного оттаял, потому и появился такой предупредительный тон.

— Мне?! Я привыкаю к мысли, что ты у меня нарасхват, а потому ценю момент, когда ты только мой... на санитарной станции.

За окном мороза не было. Обычная ростовская зима — промозглая ветряная слякоть. Из открытой форточки потянуло холодным воздухом, и я опять забралась к Игорю под бок. Мне физически захотелось спрятаться в нем, укрыться, положить голову на мягкую складочку кожи около подмышки.

Мне приятно обнимать его сильное тело, гладить его грудь, волосы. Он сжимает меня в своих больших ладонях, целует висок, потом шею... Мне понятно, что он взволнован мною, он говорит по инерции что-то нежное, и нам хорошо вместе.

В спальне беспорядок, но это особый, уютный беспорядок. Похоже, что моему аккуратисту такое положение вещей очень даже нравится. Это хороший знак: мы оба радуемся тому, что имеем.

Я успела полюбить его пристрастия к рыбным блюдам, к потребности стирать пыль отовсюду, к ночным бдениям футбольных матчей. Он тоже стал признавать мои недостатки не как пороки.

Я подумала, что сейчас мы все расставим и разложим по местам, затем выпьем свой утренний кофе, и Игорю надо обязательно закончить нервный разговор с Татьяной. Я сама его об этом попрошу. И еще я приглашу его познакомиться сегодня вечером с моей мамой.

А пока мы супружески простодушно в нижнем белье воркуем на кухне:

— Ты скучал здесь без меня?

— Целую неделю я был несчастлив!

— А потому ты решил обставить свое несчастье новой кухонной мебелью?

— Моя Белоснежка — настоящий кулинар: она увидела только кухонную мебель! И совсем не заметила новую кровать?

— Подожди-подожди, это же куча денег!..

— А я о другом подумал. Радостно! Не поняла, да? — на мой вопрос глазами он сразу ответил. — Ну, и ладно, будь по-твоему.

Господи, я с ним не чувствую никаких неудобств! Спала-то ведь не соломе!..

— До меня дошло: я не принцесса на горошине.

— И, слава богу, что ты не принцесса, а учительница, и учишь меня понимать вкус настоящего. Знаешь, у чувашей есть такая поговорка: «Одна живем!» Вот и я так хочу.

— Почему у чувашей? Ты имеешь к ним национальное отношение?

— Когда ты переедешь ко мне окончательно, ты не будешь задавать такие вопросы. Объясняю: я много чего знаю из фольклора разных народов, — методично произнес Игорь, наливая кипяток в мою чашку. Кофейная пенка сразу задышала ароматом на всю кухню и я блаженно потянула носом. — Это здорово, что ты любишь «Капучино». Знаешь, почему он так называется?

— У итальянцев красивые названия сортов кофе...

— Ничего ты не знаешь! Посмотри, он похож на капюшон монаха-капуцина.

— Точно!

— Вот потому и называется так.
Но вообще-то у итальянцев, действительно, красивые изречения. Правда, у них и города красивые. Ты была в Италии?

— Не была.

— Съездим весной?

— Ну ты же знаешь, в этом году мне Италия заказана: сын женится.

— Ну и пусть женится, а нам поехать почему нельзя? Это могло бы быть наше свадебное путешествие.

— Надо еще до весны дожить, там видно будет.

— Вот так всегда. «Cras, cras, semper cras, sic evadit aetas»... Завтра, завтра, всегда завтра — так проходит жизнь. Латынь права.

— В тебе проснулся римский оратор? Не предполагала у тебя такого таланта!

— А по-моему, получился удачный экспромт.

— Здорово, хотя «латынь из моды вышла ныне». Не ссылайтесь на латынь, доктор: язык мертвый. И не торопите меня!

— Не кипятись, ладно? — Игорь смотрел на меня примиряюще. — Я понимаю, что к чему. Тебе сейчас помощь нужна. Давай обсудим твою свадьбу!

— Алешкину свадьбу потом обсудим, а сейчас я хочу тебя о чем-то попросить. Можно?

— Давай, только без околичностей, напрямую. Я терпеть не могу долгие подходы.

— Ну, хорошо. Тогда будет одна просьба... и еще одна.

— Я слушаю о-о-чень внимательно!

— Игорь, во-первых, я хочу сегодня вечером познакомиться тебя со своей мамой.

Игорь просветлел лицом:

— Риточка, разве это просьба? Конечно, я... мне приятно, что ты относишься серьезно к нашим отношениям. Но почему именно сегодня? Есть особый повод?

— У нее будет пирог с мясом, это не повод?

— Шикарный повод! С меня все гастрономические дополнения к этому пирогу! Интересно, какая вторая просьба?

— Не знаю, как ты сейчас отреагируешь, но мне бы хотелось, чтобы ты позвонил Татьяне прямо сейчас.

По реакции Игоря несложно было догадаться, что он не хочет этого делать.

— Игорь, ну, пожалуйста, я не хочу, чтобы между нами были недоговоренности.

— Ты что, ревнуешь что ли?

— Это не ревность. Я понимаю, что бывшие супруги могут оставаться даже друзьями, но врагами... Нельзя строить новые отношения, не завершив прежние, понимаешь?

— И предчувствиями тоже нельзя жить. Мои прежние отношения изжили себя. Я хочу начать с тобой все сначала. Знаешь, это непростое решение, и я готов его принять. А ты? Ты согласна на роль главного человека в моей жизни?

— Неужели я могу отказаться от главной роли?! Но мне хочется убедиться, насколько ответственной будет твоя роль. А я хочу, чтобы мы с тобой советовались даже по пустякам, чтобы мы доверяли друг другу. Ты позволишь ей?

Улыбаясь моему упрямству и глядя мне в глаза, он потянулся к телефонному аппарату, висевшему на стене в кухне, и стал нажимать на кнопки. У меня мелькнула мысль, что он знает этот номер наизусть, значит, они перезваниваются. Но он опередил мои раздумья.

— Раньше я звонил по этому номеру часто — Денису. Он живет вместе с матерью в квартире моей бывшей тещи, на Крепостном.

— У тебя с ним хорошие отношения?

— Нормальные. У каждого из нас своя жизнь. —

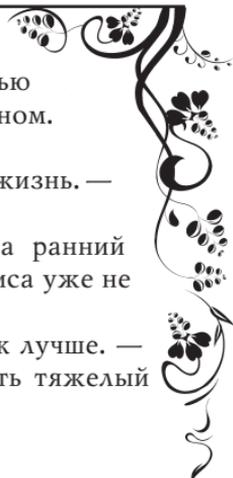
Он еще раз набрал номер.

Ответа не последовало. Несмотря на ранний час — восемь утра — ни Татьяны, ни Дениса уже не было дома.

— Вот видишь, мы с тобой хотели, как лучше. — Игорь был доволен, что удалось миновать тяжелый разговор. — Потом позвоним, хорошо?»

Пирог с мясом Алле Дмитриевне удался. В молодости приготовление дрожжевого теста вызывало у нее сомнения и волнения, и когда вместо задуманного изделия из духовки извлекался не планируемый результат, она переживала не столько о потраченных продуктах, сколько о несостоявшемся домашнем чуде.

С годами она каким-то невероятным образом «почувствовала» тесто, и пироги стали получаться на славу. «Мам, — уплетая высокий и ароматный кусок горячего лакомства, нахваливала Рита, — у тебя рецепт появился хороший». На что Алла Дмитриевна ответила так: «А я сама догадалась, от чего зависит качество теста». — «От сдобы, конечно?» — поинтересовалась дочь. «А вот и не только от сдобы. Тебе куличи мои на пасху понравились?» — спросила она. «Да, классные были!». — «Так вот, тесто я месила ровно час! Через час оно стало податливым, гладким, круглым, отскакивающим от стола без следов. А после выпечки куличи недели две, пока все не съели, оставались нежными, не засохли через два дня, как

обычный хлеб. Знаешь, Рита, мне этот процесс представляется, как священнодействие нашей жизни: так человека жизнь обкатывает, мнет, бьет, пока он не станет готовым к долгой и хорошей жизни. У нас ведь тоже так, когда укатают крутые горки, характер помягче становится, видеть хорошие моменты начинаем, улыбаться радостям. Наверное, и там, наверху, мы лучше живем, если дольше нас колошматило. И как только Бог определяет, сколько нужно нас, людей, «месить», чтобы мы ценили свои жизни как дар, а не как крест?!» — «Ну, мать, ты — философ!», — удивилась тогда Рита. «Жалко, только, что поняла все это поздновато... Обижалась ведь на судьбу. Сейчас, как подумаю, так жалко этих лет!»

В доме пахло, как в русской усадьбе накануне праздника. У Аллы Дмитриевны был день рождения.

Алла Дмитриевна в щегольском белом фартуке только что достала из духовки железный лист с румяным красавцем, пышущим ванилью и пряным ароматом мяса, перенесла его на большое узорное блюдо, как раздался звонок в дверь.

«Успела, слава богу, — удовлетворенно подумала она и побежала открывать входную дверь.

На пороге стояли Рита и ее кавалер, внешние качества которого она для себя отметила как «весьма солидные».

— Познакомься, мама, это мой Игорь, — сказала Рита, пропуская гостя вперед. Игорь, светски поклонившись Алле Дмитриевне, поцеловал ее протянутую руку и вручил цветы и подарок.

В подарок Рита с Игорем купили ей новый сотовый телефон «Samsung» как символ быстрой связи друг с другом.

— Алла Дмитриевна, — представилась мама и чтобы разрядить ситуацию, добавила. — Ну, раз он твой, а в

семье нас всего трое, то, значит, и мой Игорь. — Алла Дмитриевна всматривалась в лицо избранника дочери, отмечая спокойную реакцию на свою вольную реплику. И не увидев в глазах бунта против новоявленной тещи, она молоддечки подмигнула ему и воскликнула.

— Вы можете рассчитывать на мою дружбу, но я буду ждать Вашей, идет?

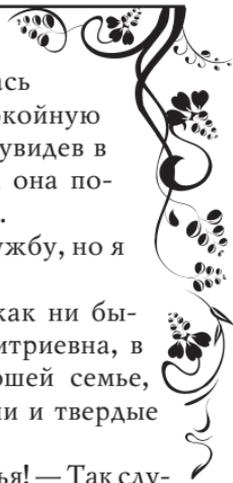
Напряженности первого знакомства как ни было! Еще бы, свое воспитание Алла Дмитриевна, в девичестве Вершинина, получила в хорошей семье, имеющей дворянские петербургские корни и твердые традиции этикета.

— Рита, у тебя супер-мама. Мы уже друзья! — Так случился их самый важный и почти бессловесный разговор.

Они произвели друг на друга хорошее впечатление.

Игорь отметил для себя фамильное сходство двух женщин — стройность фигуры, ухоженность, стать. «Темные волосы и взгляд глубоких глаз у Риты, видимо, от отца», — подумал Игорь. Алла Дмитриевна совсем не выглядела блеклой пожилой женщиной, и для своих шестидесяти пяти она, несмотря на домашнюю обстановку, была опрятно и со вкусом одета, добра, внимательна и располагала к себе непринужденной грамотной речью.

Стол накрыли в комнате, которая сразу показалась Игорю родной, возможно, из-за ее меблировки, выполненной по законам российского жанра: все детали имели функциональное значение плюс маленькие фигурки-финтифлюшки, украшающие горизонтальное пространство. Фарфоровые куколки, глиняные фигурки животных в стиле нецке, хрустальные малюсенькие вазончики, подсвечники, шкатулочки — это были не символы богатства,

а скорее знаки патриархальности, свойственные советскому Вертограду.

Поймав взгляд в сторону обилия форм декоративно-прикладного искусства, Алла Дмитриевна произнесла:

— Это все «памятники дружбы». Они напоминают мне о тех, кто их дарил. «Иных уж нет, а те далече...»

— И у моей мамы была такая же привычка выставлять подаренные сувениры на книжных полках перед книгами. Перед праздниками она тщательным образом вытирала с каждой из них пыль, мыла, и эта возня доставляла ей удовольствие.

— Что-то я не видела у тебя дома таких украшений? — вмешалась в их разговор Рита.

— Убрал в коробки. Если захочешь, можешь расставить, как тебе понравится.

— Алла Дмитриевна, а это чья работа? — Игорь рассматривал небольшую акварель в стеклянной рамке, установленную на изящной подставке. Этот рисунок, как ему показалось, можно было снабдить поэтической строкой — такой отклик она вызывала. Торжество малинового марева на фоне зелено-голубого простора. Легкость красок передавала летучесть запаха цветов и некую двойственность впечатления художника: и открытость и отчаяние.

— Это подарок Риточки, ее акварель «Долина роз». В Кисловодске есть такая долина.

Игорь взял в руки рамку с рисунком и повернул ее к свету. Рита учуяла некий экзамен и стала наблюдать за его реакцией.

— Рита, не знаю к какому «изму» относится твое творчество...

— К поэтическому спасению, наверное. Я уже говорила тебе, что для меня не важен факт бессмертия. Я не

считаю это произведением искусства. Это мои впечатления. И все.

— Я не ожидал, что твое творчество настолько художественно! — в словах Игоря не было традиционного в таких ситуациях подхалимажа.

— Когда хочется сказать о многом, но слова не могут выразить всех чувств, остаются подсмыслы — произнесла Рита, стараясь быть непосредственной. — Долина роз — это долина моего осенения.

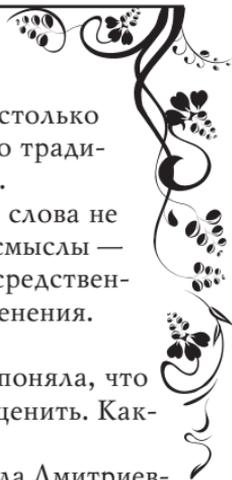
— Что это означает?

— Это как озарение мудрости. Там я поняла, что мне дано намного больше, чем я смогла оценить. Как-нибудь я тебе расскажу об этом, ладно?

— Ну, вот, — вмешалась в разговор Алла Дмитриевна, — у меня уже и горячее подоспело, давайте садиться за стол.

Потом, сидя за столом, мудрая мама живо и очаровательно рассказывала байки из своей актерской жизни, вспоминая преодоленные трудности премьер и гастролей.

— На премьерной постановке «Синей птицы» Метерлинка я играла Фею Бирилью — старую забывчивую колдунью, которая приходит в дом к Тильтию и Митиль за Синей птицей, а потом преобразается в молодую волшебницу. Сказку помните? Так вот. Мне пришлось попутно сыграть и плотника. Скамейка под Тильтием упала, когда он слишком жестко на нее запрыгнул, чтобы взглянуть в окно. После падения он вскочил на ноги и неожиданно говорит мне: «Фея Бирильюна, ты можешь отремонтировать эту старую скамейку, раз у тебя есть волшебная палочка?» «Вот это импровизация!» — думаю я и отвечаю ему: «Мне это несложно. Вот смотри, сейчас я взмахну палочкой, и здесь появится мастер, который ее

заберет и исправит», — я была уверена, что кто-нибудь из актеров, стоящих за сценой, поможет нам выпутаться из этого конфуза, тем более, что сцена преобразования комнаты была запланирована, в том числе с помощью осветителя. Но не тут-то было: на мою реплику никто не отозвался, и тогда я, сказав, что волшебство не распространяется на такие мелочи, как старая скамейка, принялась вкручивать свернутую ножку. Какой-то ребенок не выдержал и закричал на весь зал: «Смотри, у феи палочка не действует!» И я, продолжая свои реплики по ходу пьесы, добавляю: «Моя палочка слишком долго лежала невостребованная, она не знает, как ремонтировать скамейки новой конструкции».

Алла Дмитриевна тратилась в театре — так актеры говорят о расходе сил на сцене. Тратилась и тогда, когда работала в настоящей драматургии, и когда играла положительных героинь соцреализма в драматургии слабой. Ей было комфортно рядом с мужем-актером, хорошо чувствующим ее интонации, требовательным, не снисходительным партнером. Хорошо было среди единомышленников. Когда ее семейная жизнь сломалась, она не сдалась. Театр был ее способом существования, где она жила с утра до ночи в главных и неглавных героинях.

Она всю жизнь работала в одном театре и, казалось бы, должна была привыкнуть и не волноваться перед каждым спектаклем. Но она волновалась, да так серьезно, что однажды почувствовала, как тянет левую руку и перехватывает дыхание. Она приняла успокоительное лекарство и думала, что все уляжется само собой, ведь сильных болей в сердце не было. На другой день все же пришлось вызвать врача и сделать на дому электрокар-

диограмму. Врач сообщил результаты сразу же: инфаркт задней стенки правого желудочка. В больницу Аллу Дмитриевну, по ее просьбе, не отвозили, но прописали строгий постельный режим. Неделя была очень напряженной. Рита с Володей крутились возле болящей, да и сама она была настроена на скорейшее выздоровление, соблюдая режим, и болезнь постепенно отступила.

Но остался страх, что с ней может случиться самое страшное прямо на сцене. Страх возник не у нее, а у руководства театра. И страх был обоснованным, а потому сразу же ко всем ее ролям подключился второй состав актрис. Это очень озадачило Алла Дмитриевну, она видела, что теряет работу. Актриса — это не только сцена, а еще и вся жизнь после нее: личная жизнь и культура, достоинство и скромность. Все!

Как только тогда Рите удалось убедить мать оставить любимое, но очень тяжелое поприще?!

За время своей болезни Алла Дмитриевна многое передумала, решив, что ее предназначение не исчерпывается только работой — у нее есть и другие жизненные роли. А потому, побеждая болезнь и тоску по сцене, она стала переводчиком в уважаемом издательстве. Французский язык — это давнишняя семейная традиция и гордость — выручил ее «от» и «до». Классика и беллетристика французских авторов, печатающихся в переводе Аллы Яковлевой, расходилась большими тиражами, и Алла Дмитриевна получала неплохие гонорары.

Впрочем, разговора о трудностях такого рода при госте не было.

Часа через два семейного застолья, доливая по фужерам «Цимлянское», Игорь Александрович порозовел и называл обеих женщин «девочки мои», испытывая

удовольствие от гармоничной простоты этого дома. Не услышав о болезни желчного пузыря у соседки снизу, о панкреатите у соседки сверху, о мигренях, о непроходимости, о пользе БАДов, он, благоговей от пара, клубящегося над чашкой чая, подумал: «Как мало надо для счастья!».

«Не все умеют писать сочинения, даже взрослые. Это особенно видно по письмам. Если человек не умеет лаконично высказывать мысль, его текст безликий, увязший в тяжелых оборотах речи, становится безграмотным. Я задалась глобальной целью: научить всех ребят кратко и емко высказываться по теме. Мы завели на уроке рубрику: «Краткость — сестра таланта» и в конце урока на четвертинках листков отвечаем на поставленный вопрос.

Сегодня был такой вопрос: А.С. Пушкин. «Евгений Онегин». «Почему Татьяна отказала Евгению в любви?».

На доске в качестве напоминания я записала строки:

...А счастье было так возможно,
Так близко!.. Но судьба моя
Уж решена. Неосторожно,
Быть может, поступила я:
Меня слезами заклинаний
Молила мать; для бедной Тани
Все были жребии равны...
Я вышла замуж. Вы должны,
Я вас прошу, меня оставить;
Я знаю: в вашем сердце есть
И гордость и прямая честь.
Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.

На душе праздник. Читаю ответы на вопросы и радуюсь: не списывали, а думали. Сочиняли про любовь, а получилось про жизнь. Хотелось бы все без исключения работы оставить на память, но выбрала несколько.

Вот Кораблева Танечка: «Татьяна отказала Онегину, думая, что не справится со своим стыдом перед мужем. Всё равно он почувствует её измену. И тогда будет подорвано доверие мужа к ней. Сохранение взаимного доверия в семье — вот причина отказа Татьяны Онегину».

Макаров Олег: «Нет такого человека на Земле, который бы не хотел обрести настоящую любовь. Однако эта Мечта многих порой на всю жизнь остаётся бесплодной мечтой, они испытывают по этому поводу глубокое разочарование в жизни». Я-то знаю причину его разочарованности. Личная неудача с Леной Лавазян. Красивая девочка, но Олега к себе не подпускает, а старается вскружить голову Денису Хмарину. Кто бы мог подумать, что у Химика возникнут лирические проблемы?!

А вот и сочинение Дениса: «Татьяна ведёт себя честно по отношению к своему мужу. Хотя сегодня её позиция кажется слишком чопорной: она не любит мужа и не позволяет Евгению любить её. Если бы она выбрала другой образ действий (тем более что роман с Онегиным можно и скрыть от мужа, чтобы не волновать его), то в плане своего счастья, возможно, она бы выиграла. В конце концов, в современных браках честная оценка истинного положения вещей («Да, я люблю другого человека») не считается такой уж плохой». Хмарин в своем ампула. Тему для обсуждения на уроке предлагает. Оценкой рискует, а хочет поговорить.

Сочинение Вадима Луговых небольшое по объему. Редко высказывается на уроках, что-то давит его? Хотя сидит уже не на последней парте. Вот эта мысль у него интересна: «Человек не должен быть инструментом для подавления собственной страсти, и нельзя выходить замуж только для того, чтобы забыть первую любовь. Но в романе А.С. Пушкина Татьяна не выглядит раздражённой и недовольной по отношению к своему мужу. Напротив, она уважает его и хорошо «вписывается» в его общество. Её романтическая любовь прошла, и пришло доверие».

Нина Яковлева — когда писала ответ, листала роман. Вот и цитирует:

«Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна,
Что муж в сраженьях изувечен,
Что нас за то ласкает двор?
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен
И мог бы в обществе принести
Вам соблазнительную честь?»

Татьяна ведёт себя так, потому что подозревает в Онегине склонность к расчёту, соперничеству и манипуляциям, от которых может пострадать». Да разве можно определять счастье суммой последствий от своих поступков? Рассудок, отделённый от чувств, никогда к добру не приведёт. Как жалко, что при ее трудолюбии у нее так много рационализма!

Петренко Никита всегда однозначен и скор: «Если каждый супруг в браке решит, что может делать всё самое лучшее для себя, то ничего хорошего из такого брака не по-

лучится». Может и правильно, что долго подробности смаковать? Тем более, что он после школы собирается в военный институт.

Наш Рома Зайцев — Прыщ — немножко вырос и окреп, посещает православную школу по воскресеньям. В ответе это чувствуется: «Татьяна воспитана в русских православных традициях, а это значит, что на первом месте супруги не должно быть её собственное «Я». Ее страдание проявляется не через ожидание возможного бесчестия, а через стыд как осознание зла греха в ней самой. Отсюда и ее особая женская верность — любовь по-русски означает «мне стыдно обидеть». И она справляется с этим злом, по-христиански следуя евангельским заповедям и по-русски восхищая силой своего духа». А ведь, правда, поведение человека обусловлено семейными традициями. Ответы на вопрос — семейные.

Вот у нас и выведена формула любви: «Любовь — это взаимодействие, основанное на глубочайшем доверии друг к другу».

Конечно, на следующем уроке необходимо обсуждение».

Глаза у Маргариты Алексеевны перед уроком светились радостью. Прежде, чем раздать работы и сообщить ребятам оценки, она зачитывала наиболее интересные ответы. Согласно заведенному порядку, понравившемуся ответу аплодировали. Дошла очередь до работы Дениса Хмарина.

— У Дениса высказывание, располагающее к полемике, — начала Сергеева. Затем она прочла работу Дениса, а потом спросила у ребят, современна ли Татьяна. И нужна ли чопорность, о которой пишет Денис?

— Татьяна современна, потому что каждая разумная девушка будет стараться сохранить брак, — сразу же выпалила Яковлева.

— Ничего подобного! Татьяна несовременна, потому что не каждая современная девушка откажет себе в удовольствии разделить любовь с человеком, который ее любит, — ответ Саши Казакова подтверждает позицию Хмарина.

«Ну, уж, не каждая так себя поведет... Сейчас из-за этого даже не разводятся...» — противоположные мнения звучат из уст ребят все увереннее.

— Пойдите-ка! — Отрывает от парты голову Сергей Паршин. — А Вы, Маргарита Алексеевна, на чьей стороне? Вы-то сами за честность?

— Сергей, если бы я была против, я не задавала бы такой вопрос.

— Ага, — в голосе Порша прорываются развязные ноты. — Значит, Вы не считаете зазорным, если Татьяна немножко полюбит Онегина. Полюбит, а потом домой вернется, к мужу.

Паршин уже тоном нарушил границу дозволенного, потому к нему влоборота повернулись сидящие перед ним Макаров и Казаков.

— Тебя прорвало, Порш?

— Что ты имеешь в виду, Сергей, когда навязываешь мне свою точку зрения?

— Что-то у Вас двойная мораль получается. Вы-то не отказываете себе любить женатого человека. А рассуждаете о каких-то приличиях, — осмелел от своего хамства Паршин.

В классе стало тихо. Неслышно было нечаянных покашливаний или невольной возни. Кто опустил голову, кто отвел взгляд от Сергеевой в сторону, только Паршин

вызывающе следил за ее реакцией. Нежданно-негаданное обвинение выбило всех из колеи.

Маргарите Алексеевне показалось, что она ослышалась. Она сначала вопросительно посмотрела на ученика, потом положила листки с ответами стопочкой на край стола, собираясь с мыслями.

«Если начать расспрашивать, откуда у него такие сведения, — выйдет глупая картина: «Ученик уличает учительницу во лжи» и он возомнит себя победителем. А интересно, откуда он взял, что мой Игорь женат? На уроки не ходил, сплетни собирал».

«Если его просто пресечь, исчезнет дискуссия. Наталья Станиславовна Чуднова, скорее всего, так бы и поступила. Но у всех останется ощущение, что я что-то скрываю, и они лопнут от неутоленного любопытства».

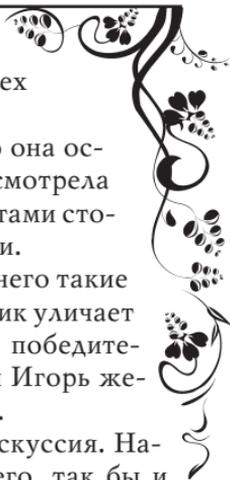
Мысль «с ума сойти!» пронизывала все доводы рассудка. Времени на долгие раздумья у Сергеевой не было. Класс ждал признаний. И он получил их.

— У нас с вами, действительно, получилась двусмысленная ситуация. Я, принимая класс, познакомилась и с вашими личными делами, и с вашими семьями. Меня же вы видите только по эту сторону стола. А я задаю вам вопросы, которые подталкивают к откровениям. И сейчас я считаю, что тоже должна поделиться с вами своими сокровенными мыслями.

Я не Татьяна по возрасту и по статусу. И мой избранник — не Онегин. Мы очень взрослые люди и у нас любовь. Не думайте, что я буду ее подробно обсуждать. У нас все сотни раз передумано и решено без обмана.

У Паршина порозовели уши. А Сергеева продолжала:

— И раз уж я решила выговориться, то скажу вот что. Да, я работаю учителем и кто-то сказал, что должна быть

для вас образцом для подражания. Но в нашей жизни не бывает образцовых ситуаций. Вы думаете, я неуязвима? Я не святая, и я не знаю, какой образец я должна вам являть, и должны ли вы брать именно с меня пример. Думаю, что каждый из вас должен брать пример со своих родителей. Бывают и ситуации конкретные. Как, например, в случае, который мы разбираем у Пушкина. И там ставить любовь под общий знаменатель поведения — вряд ли надо. Человек не должен быть ханжой и отказываться от живых человеческих чувств в угоду общественному мнению, если только это не подрывает доверие его семьи. И счастье не должно быть одинаковым. Это мое мнение, возможно, и спорное. Но вряд ли вам нужен учитель, который не умеет чувствовать и любить!

Ну, а поскольку мы должны с вами солировать попеременно, мы продолжим урок.

Класс заплодировал, сначала робко, а потом громко. Погода распогодилось. На Паршина уже никто не обращал внимание, когда он толкнул сзади Хмарина в спину и зашептал:

— Мне брат говорил про Сказочницу. Он видел отца своего кореша с ней в кафе возле Ботаники. Они с ним водку жрали там.

— Да заткнись ты, гнида! — дернулся Хмарин.

24 марта 2007 года

Самый красивый день в нашей семье

«Алешкина свадьба была немногочисленной, но торжественной и воздушной одновременно. И хорошо, что мать Светланы — Алевтина — оказалась адекватным человеком, не стала настаивать на народном гульбище. У них тоже родня небольшая, а знакомых и мы, и они ре-

шили пригласить самых близких. Отцов нет у детей наших. Муж Алевтины семью оставил давно, ну а мой муж... Наверное, он был бы очень рад.

От Дворца бракосочетания решили не отказываться, и наши молодые помпезно прошли по его лестнице и авантажным залам. Дескать, пусть знают, что все о-о-очень серьезно!

А потом все расположились в кафе на набережной. Правда, зелени на деревьях еще не было, но само помещение — красота!

Тамадой выступила «наша Алла Дмитриевна», и надо сказать, что мама создала настоящий дружеский круг — и «горько» кричали, и тосты произносили, и танцевали. Не было ни мрачных, ни вульгарных лиц.

Алешка всех уговорил, чтобы место отца оставалось свободным, и на столе в рамке стояла его небольшая фотография, на которой он улыбается и жестом показывает «Все отлично!»

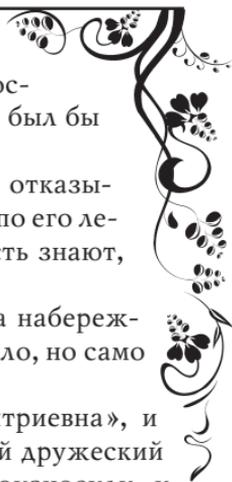
— Не получится, как на поминках? — робко спрашиваю я.

— Пусть так будет, — вмешивается мама, — Он решил вопрос посаженного отца. Все поймут правильно.

Веселились допоздна. Друзья Светланы и Алешки навдумывали разных затей с розыгрышами, втягивая в свои игры и родню старшего поколения.

Сын сидел в светлом костюме, такой подтянутый и взрослый. И я почувствовала, как он начал удаляться от меня. Вроде бы и игра-свадьба, а он смотрит по-другому. Может быть, мне показалось?

Он только ушел из дома, и теперь его нельзя считать сыночком. Он женат. Его место за кухонным столом освободилось и ждет его визита, а его бокал уехал в другой

кухонный шкаф. Он больше не будет покупать по дороге мыло, хлеб, «Колу»... Он не будет подолгу лежать на диване с книжкой. Он забрал свой музыкальный центр вместе со своими дисками-песнями. В шкафу, на самой верхней полке остались вещи, которые он уже не носит. Мне придется самой разбирать сарай и вытаскивать на свалку его старый велосипед, коньки, отслужившую свой век детскую коляску. У него уже другие вкусы и привычки, и он уже любит куриные котлеты, которые не любил раньше. Он не ест мой борщ, и мне незачем его варить только для себя. Его друзья не звонят больше по этому телефону, они звонят ему туда.

«Горько!»

Алексей Владимирович не рисуется, не старается казаться взрослее. До меня донеслась фраза их разговора: «Мне надо поговорить с Петром Николаевичем, пойдём вместе?»

Они — уже пара. Семья. Послезавтра семья уезжает в Турцию, на медовый месяц. Вернее, неделю, но это все равно здорово.

«Слава богу, что у Алешки появился свой любимый берег, к которому он будет торопиться каждый день», — восклицает наша тамада. Только мне и Алевтине почему-то горько. Мы смотрим на своих детей и натягиваем улыбки.

Он обнимает ее у всех на глазах. В танце можно. Она приникла к его плечу и слушает, что он ей шепчет на ухо. Она совсем девочка, такая хрупкая, да еще в белых газовых складочках. Хорошо, что у нее естественная прическа. Эти парикмахерские изыски, кроме резкого запаха лака добавляют еще и лет десять возраста.

Поцелуи, объятия, дыхание коньяка, запах дорогих духов... Свадьба закончилась. В глубине души понимаешь, что все оправдано, а облегчения нет.

Ну, вот опять себя жалко стало. Надо прекратить реагировать на ситуацию так эмоционально. Ну, нет и нет. Уже ничего не вернешь. Может жизнь еще сложится».

«Трое собираются уходить из школы после девятого класса — Паршин, Кобзарева и Хряпченко.

Паршин Сергей будет техническую специальность осваивать. Говорит, в профтехучилище №6 пойдет, автослесарем хочет стать. Возможно, это самое правильное решение — начать работать. Но работать или только деньги зарабатывать? Вот в чем вопрос. Если одолевает зависть к чужому достатку, то он никогда не преодолеет свои комплексы. И вымещать его будет на самых близких, ни в чем не виноватых: «Бей своих, чтоб чужие боялись».

Ненависть к школе у него связана с событием шестилетней давности, больно ударившим его по самолюбию. Еще в начальной школе он слезно просил свою учительницу не рассказывать отцу о его двойках, обещал их исправить, но отец все-таки узнал об этом на родительском собрании, а после жестоко выдрал сына. Да так, что он не мог переодеться на урок физкультуры в общей раздевалке без насмешек. С тех пор он мстил и учителям, и родителям за свое поражение в учебе. Нетерпимость замечаний в свой адрес доходила до абсурдов. Ему хотелось знать, что все ребята ему преданы, своим выходкам он старался придать видимость справедливости, но особую неприязнь он сохранил для меня. Хотя я хотела ему помочь.

И, наверное, только мне все-таки жаль, что так и не получился доверительный контакт с этим ребенком. Он всегда был моим оппонентом. Порой слишком напористым, критичным, жестким. Но без таких, как он, пожалуй, будет скучно. Хотя он так и не понял, что «быть первым» кулаками не пробьешь, у лидеров должна быть харизма. Да и совсем не обязательно быть самым первым среди всех. Можно найти свою непохожую на всех черту и таким образом доказать свое превосходство.

Кобзарева Настя в педагогический колледж поступает, на отделение начальных классов. Она целый год туда на подкурсы ходила. Тихая девочка, тоненькая, с графическим носиком, как у птички. Не лидер вовсе. Но это еще не показатель. Возможно, из нее получится очень даже чуткий и дотошный учитель, какой и нужен «в крольчатнике». Малышей в школе уважают и берегут, хотя это в старших классах никто специально не пропагандирует. Старшие чувствуют, что они старше и называют младших крольчатами.

Хряпченко Марина — наш художник, бессменный редактор классной стенгазеты. Можно считать, что она уже поступила в художественное училище имени Грекова. Марина пришла в конце года с большой папкой:

— Вы не обижайтесь, Маргарита Алексеевна, что я ухожу. Но я не от Вас и не из класса. Я привыкла к Вам, и уходить не хочется. Но я хочу рисовать. — И открыла свою папку.

С какими генами передается такой талант?! Живет она с бабушкой-пенсионеркой, родителей нет (умерли от наркотиков), денег нет, возможностей брать уроки живописи тоже нет, нет ласки домашней. А результат воспитательный.

— Кто тебе подарил такой талант? — спрашиваю.

— Не знаю, — говорит, — я всегда любила рисовать.

Я хоть и рисую иногда, но по сравнению с тем, что я увидела... Мне, конечно, не хватает профессионального стиля. Когда я полистала портреты, пейзажи, натюрморты, жанровые зарисовки, мне стало неловко, что я хвасталась перед Игорем своими художествами. Вот Марина — это да! Я рада, что она идет получать профессию.

Хотя девчонок жалко отпускать из класса, и так их мало совсем. Теперь останется семь. И шестнадцать мальчиков.

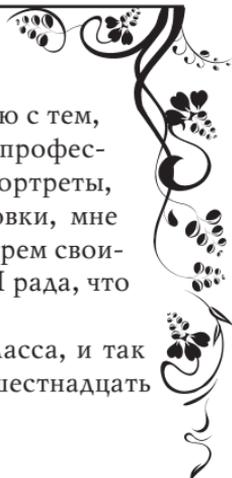
Зато весь актив класса остался».

10 июня 2007 года, воскресенье

«Классик двадцатого века Анри Матисс в свои шестьдесят пять лет сознавался другу, что целый месяц работает над двумя портретами. Один портрет он писал карандашом, другой углем. С одним уже справился, а со вторым — никак. «Это за месяц-то! — удивляются обычно далекие от живописи люди. — А у нас на улице Садовой возле парка им. М. Горького художники делают заказные портреты карандашом за час, а то и за полчаса».

Сегодня я рисую портрет Игоря карандашом. Я — не Матисс. Но под влиянием Маринкиных рисунков тоже беру карандаш.

Я нарисую его реальный образ, правда, по памяти. И без претензии на модернистскую манеру. И еще. Мне кажется, что лицо человека нельзя нарисовать лучше, чем он есть, то есть его изображение — это только приближение к оригиналу.

И почему мы с ним не фотографировались? Пошло, зато сейчас вот не надо мучиться с изображением глаз и губ.

Нет, на самом деле, я не мучаюсь. Мне очень даже нравится.

— Рита, поехали на левый берег Дона завтра утром? — мама перебивает мои мысли, когда портрет уже почти готов. — Красавец! — она смотрит на изображение и, видя мое спокойное выражение лица, добавляет.

— Игорь может теперь дома, в рамочке, отдохнуть. А мы с тобой займемся собой, своей душенькой и своей внешностью.

— Ты загорать собираешься на Дону?

— Да нет. Я хочу смены обстановки и тебя с собой зову. Если не хочешь на Левбердон, можем съездить в Старочеркасскую. Хочешь?

— Дай подумать.

— Долго думать нечего.

— На открытом солнце тебе находиться не стоит. В Старочеркасскую сейчас не ходят «ракеты», надо будет добираться на автобусе. Ты как перенесешь такую жару?

— Ну, хорошо, мы можем совершить пешеходную прогулку по городу.

— Вот это другое дело. Давай составим маршрут.

— У меня предложение. Я давно хотела тебе подарить профессиональный набор красок и листы грунтованного картона для твоих работ. Давай начнем путешествие с магазина «Художественный салон»?

— Ну, ты у меня и затейница!

— Рита, я жалею, что не отдала тебя в детстве в художественную школу...

— Зачем жалеть вчерашний снег?

— Какой снег? Мне кажется, что это у тебя призвание. Может, придумаем что-нибудь?

— Частные уроки, что ли? Не хочу. И призвания к рисованию, как у моей бывшей ученицы Хряпченко, тоже нет. Я хочу рисовать только для своего гипотетического «Я».

— Гипотетического?

— Это Игорь Стравинский так когда-то сказал.

— А я хочу гордиться твоим гипотетическим... «Я» или уже будет «Ты»?

— Будет «Я», но для «Ты»».

*Глава 8.
Напряжение
сил*

В жизни, в том числе и семейной, людей — примерно — можно разделить на две категории. Одна категория подобна мухе.

Муха имеет следующую особенность: всегда садится на все грязное, пролетая мимо благоухающих цветов.

Так вот: категория людей, похожих на мух, научилась думать и искать только злое, не зная и не ища никогда добра. Другая категория людей похожа на пчелу.

Особенность пчелы: находить красивое и сладкое, минуя нечистое.

Такие люди имеют добрые помыслы, видят хорошее и думают только о хорошем.

Старец Паисий Святогорец

«Воронцова Татьяна Герасимовна, 1965 года рождения... временно не работает... Основной диагноз: рак печени...» — на столе перед Борисом Леонидовичем Андриевским, заведующим онкологическим отделением, лежала индивидуальная карта амбулаторного больного. С историей этой больной он познакомился еще утром, на обходе, однако, вспомнив, откуда он знал женщину с этой фамилией, Борис Леонидович раздумывал, почему его давний знакомый не предупредил о ее госпитализации. Разговоры о разводе Воронцова вроде бы он слышал, но это не в счет, когда дело идет о таких серьезных вещах.

— Алло. Игорь Александрович? Здравствуй, мой дорогой. Как жизнь?.. В делах — это хорошо, и я вот еще тружусь, больных много. Как там ваш «дед» поживает, воюет с вами?.. Да, нет, у меня все в порядке. Послушай, Игорь, может быть это не мое дело, но к нам поступила такая Во-

ронцова Татьяна Герасимовна, шестьдесят пятого года рождения. Я могу дальше не продолжать, если это простое совпадение... Да, Татьяна Герасимовна... Приедешь, тогда и поговорим. Давай только часа через два.

Игорь Воронцов не ожидал такого звонка. С Андриевским они вместе учились на курсе, периодически встречались на конференциях, перезванивались, если возникала необходимость консультирования знакомых. Но друзьями не были.

Игорь понимал, что в онкологическое отделение больницы его бывшая жена попала неспроста.

«Почему Денис мне ничего не сказал?» — Игорь взволнованно нажимал на кнопки телефона.

В трубке послышалась мелодия, которая все звучала и звучала, повторялась опять...

«Татьяна не обратилась к нему за помощью, а решила справиться с ситуацией сама», — думал Игорь. «Но неужели она скрыла этот диагноз и от сына? Почему? Какие у них с сыном отношения?»

В городской больнице, несмотря на то, что время было не утреннее, а послеобеденное, было суетно. В холле первого этажа стоял приглушенный гул голосов посетителей, быстро надевающих и снимающих ярко-голубые бахилы. Поток людей двигался туда и обратно, вверх и вниз по лестнице. Напряженные глаза, лица, спины. Мужчины и женщины, молодые и пожилые, славянского и кавказского типа — все сжимали в себе надежду — в очереди в аптечном киоске, за высоким столиком буфета, встречая врачей, пропуская по коридору больных.

Люди толпились около кабинета заведующего отделением. В их числе стоял и Игорь Воронцов, ощущая какую-то необъяснимую жуть перед встречей с Андриевским.

Плотная фигура Бориса Леонидовича показалась в конце коридора. Рядом с ним, невольно подхватывая манеру его походки, двигался еще врач, за ними медсестра. Ярко-синий костюм Андриевского выделял его на фоне пастельных тонов окружения. Внешность Эйнштейна говорила о достаточно больших жизненных притязаниях и об успешности врачебной карьеры. Между тем, от Игоря не ускользнула и коммуникабельность знакомого доктора.

— Борис Леонидович, я к Вам на соискательство, мы созванивались...

— Подождите, голубчик, раз договаривались, обязательно обсудим с Вами это дело, — мягким голосом отвечал Андриевский.

— Борис Леонидович, когда можно с Вами переговорить по вопросу..., — атаковала очередь.

— Сейчас переговорим, душа моя, не волнуйтесь, только надо еще немножко подождать. Игорь Александрович, дорогой, как я Вас ждал, проходите, пожалуйста, — любезно улыбался Андриевский, открывая дверь кабинета перед Воронцовым. — Не волнуйтесь, мои дорогие, все решим, все обязательно решим через десять минут.

Дверь закрылась, в кабинете сразу воцарилась тишина — как некий оазис среди пустыни скорби и суеты. Просторный кабинет заведующего был современно оформлен и обставлен. На двухъярусном стеклянном столике, находящемся между мягким кожаным диваном кофейного цвета и таким же креслом, в изящном вазоне стояли малиновые розы на длинных ножках.

Бывшие сокурсники сели визави, и лицо Андриевского сразу стало серьезным — перед Воронцовым сидел

коллега, который не собирался подбирать слова, чтобы сообщить ему о состоянии его бывшей жены:

— Вот томография. Вот размеры. Ты все видишь. И печень, Игорь, это не шутки. Если бы был хотя бы желудок или матка, убраться было бы легче.

Воронцов, рассматривая результаты обследования, удрученно произнес:

— И пункция показывает атипичные клетки... Она знает?

— Да нет пока. Вот я и хотел с тобой посоветоваться. Одни считают, что больной должен знать, другие, что его нужно поберечь. Решай сам. Да-да, нет-нет, скажем ей, что цирроз.

— Что ты собираешься делать, Боря?

— Можно попробовать прооперировать. Разумеется, срочно. Но мне не нравится ее настрой: она подавлена. И ее образ жизни... ты знаешь...

— Честно говоря, я вообще ничего не знаю. Пытался дозвониться сыну, но он «вне зоны действия сети». Так что давай, говори, как есть.

Андриевский многозначительно вперил глаза в пол:

— Алкоголизм, Игорь, тем более женский, всегда приводит к дурным последствиям. Дело в том, что в ее ситуации потребуется не только врачебная помощь и уход, но и психологическая поддержка. Как я понял, у нее в помощниках только сын. Он парень хороший, но молодой. Справится ли? Насчет ночных дежурств я тебе рассказывать не буду, да и днем...

— Знаешь, давай пока не будем ей ничего сообщать. Господи, вот свалилось-то на голову!

— Как скажешь. Я тебе могу пообещать, что мы сделаем все, что можем. А вот депрессия...

«Да как же она дожила до такого состояния? — подумал Воронцов.

— Да, милый мой, — продолжал Андриевский, — грешному путь вначале широк, да потом тесен.

Игорь был в шоке: «Таня — алкоголичка?! Как они с Денисом все это время обходились? У нее же был «человек, близкий по духу». Где он? Или этот «дух» и стал ее собутыльником? Алкоголичка...»

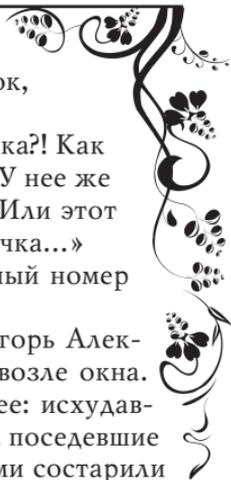
Он шел по коридору, отыскивая нужный номер палаты.

В общей палате на четырех человек Игорь Александрович нашел свою жену на кровати возле окна. Свет, падающий из окна, играл против нее: исхудавшее лицо серого цвета, круги под глазами, поседевшие корни волос и руки с выпирающими венами состарили ее лет на десять. Она лежала, укрывшись простыней, и спала. Возле кровати — серо-буро-малиновые шлепанцы с протертыми задниками.

Он сел на свободный стул и смотрел на ее лицо, с трудом вспоминая, какой своенравной красавицей она была. «Явление, не бог весть какое величественное...» — Игорь растерянно озирает спящую.

Татьяна родилась в другом городе тогда еще Советского Союза, в Ялте.

Игорь сразу узнал ее имя. «Танька, идем!» — крикнула ее подруга из воды. Крепкие бедра в тесном купальнике проплыли мимо него по песку. Потом жгучая брюнетка оглянулась и ослепила дерзкой улыбкой: «Просто конфетка!» Выпускница медицинского училища, гордо называющая себя медиком, сразила будущего доктора наповал. Везде — на улицах, в магазинах, в маленьких приморских кафе, на пляже, на танцплощадке на нее гла-

зели мужики. Она замечала их взгляды. А ему было плевать! Только еще больше подстегивало интерес.

Потом год переписывались. Когда Таня приехала в Ростов, ее поразил город с большими проспектами, амбициозными магазинами, шикарными авто. Ей до смерти захотелось замуж, и она стала женой Игоря Воронцова. Но не он лишил ее невинности.

Татьяна всегда мечтала жить отдельно от родителей мужа, но с жильем в Ростове была напряженка. Жилье у семьи было, но в своеобразном казацком варианте: и стар, и млад должны жить вместе под одной крышей. Впрочем, в те времена это являлось скорее государственной командой.

Отношения с родителями Игоря у Татьяны складывались совсем не просто. Несмотря на окончание девичьих фамилий свекрови и снохи на «ко», кулинарные способности Тани, ее аккуратность, Ольга Петровна Воронцова уже на первых порах жаловалась супругу: «Она ему не жена, а хакири».

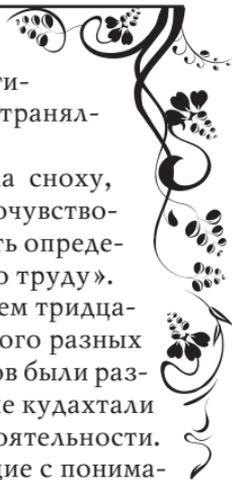
Ольга Петровна, мать Игоря, школьная учительница математики — «женщина с характером», всегда старалась держать фасон и боялась показаться окружающим неправой или смешной. Комплекс, приобретенный годами работы в «горячем цехе», компенсировался только высоким уровнем профессионализма, что к радости ее воспитанников, а также их родителей выражалось в хороших оценках на вступительных экзаменах в вузы, в которых среди прочих предметов значилась математика. Выпускники школы успешно сдавали математику в любые вузы. Спустя годы на школьных встречах они вспоминали забавные попытки списывания через щель школьной парты на школьном экзамене по математике, не забывая при этом похвалиться собственными достижениями. Воронцову в городе знали и ценили. Из других школ к

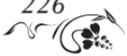
ней переводили своих детей и внуков, и ее авторитет, пусть не по социальной вертикали, а по школьной горизонтали, распространялся быстро и широко.

Пожалуй, она бы по-другому оценила сноху, была бы с ней более искренней, если бы почувствовала, что Татьяна будет стараться завоевать определенный общественный статус «каждому по труду».

Перед Ольгой Петровной за ее более чем тридцатилетний педагогический стаж прошло много разных судеб. Среди родителей учеников ее классов были разные матери. Были матери-наседки, которые кудахтали вокруг своих детей, не давая им самостоятельности. Были и самодовольные матроны, хлопающие с пониманием длинными ресницами и совсем не разбирающиеся в возрастных особенностях сына или дочери. Были и тихони, которые, придя домой после встречи с учительницей, по-бабьи едко комментировали ее слова своим домочадцам, зарабатывая сомнительный авторитет своего дитяти. Но Воронцовой импонировали активные и успешные женщины, которые на родительских собраниях предлагали свою помощь в организации коллективных дел класса, держались спокойно и уверенно. Они вовсе не главенствовали в доме, как Вассы Железновы и Любви Яровые. Они умело составляли «вторую половинку», и дети чувствовали поддержку семьи. Правда, таких было немного, три-четыре на весь класс. Но Ольге Петровне, считающей, не без оснований, своего Игоря толковым и талантливым, виделась будущая супруга сына именно таковой.

Таня терпела поздние возвращения мужа домой, изворачивалась на его жалкое жалованье, удивляла кулинарным мастерством, делала супругу массажи спины, когда он приходил с работы чуть живой. Но сладить со

свекровью не удавалось. «Женщина должна работать, чтобы чувствовать себя увереннее в жизни», — советовала снохе Ольга Петровна. На что Татьяна поспешно отвечала: «У нас с Вами, мама, разные задачи, Я предпочитаю воспитывать своего ребенка». И на работу по-прежнему не торопилась. «Глупая ты еще, — вздыхала свекровь, — мы же одна семья и всегда тебе поможем».

Она с удовольствием сидела дома с Денисом, потом свекрови удалось ее устроить секретарем в медицинское училище, но, не выдержав строгого графика работы, Таня ушла, не оправдав ожиданий свекрови. «Вот еще, — объясняла она домашним, — придумали какие порядки: не уйдешь ни на минуту раньше. А если я задерживаюсь, этого никто не замечает!» Беседы свекрови со снохой позитивных результатов не принесли. Скорее, наоборот, вызвали внутренний гнев и неприятие, и больше никто не настаивал на том, чтобы супруга Игоря была трудоустроена.

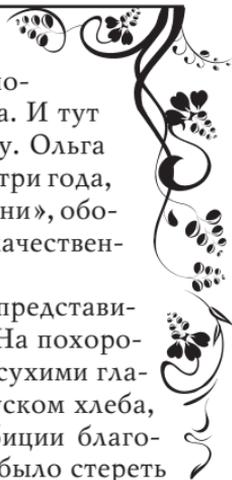
Александр Анатольевич, глава семейства Воронцовых, изначально выбрал такую директивную линию поведения, как и на своей руководящей работе: «Подай мне...», «Принеси сюда...», «Я не хочу это обсуждать». Подобные императивы, может быть, и уместны были для начальника заводского цеха при власти серпа и молота, но домашних напрягали.

После травмы руки и снижения рабочей нагрузки Анатолич с домашними стал вовсе несговорчив, материл врачей. А когда его правая рука окончательно оказалась в кармане пиджака, он вдруг смирился с вынужденной беспомощностью и начал «уделять больше внимания» сыну, «учить его жизни», а попросту влезать в дела его семьи. Ольга Петровна тихо мучилась с ним, разрываясь меж двух семей. Но это продолжалось не так долго. Пятидесяти двух лет Александр Анатольевич Воронцов умер.

За годы совместной жизни супруги приросли друг к другу как два рукава одного пальто, которое носилось четверть века. И тут вдруг один оторвался: пальто — на свалку. Ольга Петровна последовала за покойным через три года, «после тяжелой и продолжительной болезни», обозначенной в свидетельстве о смерти «злокачественная опухоль молочной железы».

Наконец, с 1995 года молодой семье представилась возможность жить самостоятельно. На похоронах свекрови сноха изображала скорбь с сухими глазами, а когда водка в рюмке, накрытой куском хлеба, испарилась, она попыталась остричь амбиции благоверного на свой лад. Но для этого нужно было стереть из памяти супруга напоминания о былых традициях. И они поменяли квартиру. Потом у Татьяны Герасимовны неожиданно появилась мечта об ИП по оказанию медицинских услуг: муж арендует и оборудует помещение, руководит и лечит, она — при нем: практикующим психологом. Ближайшие родственники пытались отговорить Игоря от опрометчивого ухода с государственной работы, но ей удалось разогнать их. Однако, несмотря на изощренные усилия, ее программа пробуксовывала и мечты превратились в навязчивые идеи, которые совсем скоро разбили семейный тандем.

Некогда Татьяна была свидетелем длительного развода своих родителей с последующим дележом их совместно нажитого имущества. Римма Михайловна к мужу была прохладна. Под предлогом «с сердцем плохо» на плите постоянно стоял стерилизатор со шприцом, и соседка периодически приходила ее «колоть». Что она колола, теперь никто не знает, может, и витамины. Но моряк Герасим Берешко, уходящий на полгода в плавание, однажды решил сплыть навсегда. Вместе с квартирой.

Почему и разгорелся судебный процесс: он просил развод, она не давала, как не давала секс, упрямо ссылаясь на нездоровье.

Татьяна видела только страдания матери. Потому теперь она не могла безоговорочно принять правила семьи мужа, боялась проиграть в своем браке. Она то и дело мыслила себя на втором месте в их паре и не совладала с мыслью о бескорыстии своего супруга, пытаюсь рационально определить, что отвечает ее интересам. Самостоятельно изученные психоанализ, гештальт-терапия и НЛП на ее вопросы не отвечали.

Когда в Ростов, обменяв квартиру в Ялте, переехала Римма Михайловна, мать Тани, у молодой женщины появилась настоящая психологическая служба, где она могла свободно дышать. Мать, разумеется, принимала позицию дочери в их домашних неладах и подбадривала ее, когда семейная жизнь начала расклеиваться.

В итоге четырнадцати лет совместной жизни Татьяна все же получила результат худший, чем тот, на который претендовала. Некоторый объем нерационального риска, о котором долго твердила ей свекровь, возможно, научил бы супругов доверию друг к другу. Да и Игорь вовсе не был домостроем; ему можно было доверять. Но генетический страх повторить судьбу матери оказался сильнее иррациональности ее молодости.

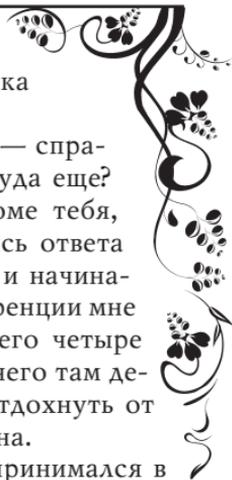
Формула «яблоко от яблони» сработала безотказно. Кармин на губах, ногтях и в ушах не гарантировал Игорю Воронцову пылкой страсти супруги. Жгучая краска смывалась с ее волос через три недели, обнажая невзрачные корни. Татьяна, как и ее мать, была холодна даже в медовый период отношений — ни стоны, ни вздоха. Она терпела, стараясь не проявить на лице свою боль, и по разным причинам отбивалась от его притязаний. Поэтому, казалось бы, она должна была быть довольна его постоянным

присутствием на работе и редкими командировками. Но вариант открытого брака Татьяну тоже не устраивал.

«Ты, правда, в командировку едешь?» — спрашивала она тоном крепостника. «Ну, а куда еще? конечно, в командировку!». «А что, кроме тебя, больше некому поехать?» — не дожидаясь ответа на свой вопрос, Таня уходила в комнату и начинала игру в молчанку. «Это участие в конференции мне необходимо, понимаешь? Притом это всего четыре дня», — объяснял он, успокаивая ее. «Нечего там делать в этих командировках, туда ездят отдохнуть от дома. Думаешь, я не знаю?» — ворчала жена.

Вопрос открытого брака никогда не принимался в родительской семье Игоря. Он, по примеру своего отца, выбрал моногамию и в первые годы брака дорожил стабильностью семейных отношений, ощущая радость от верности своей позиции. Татьяна была очень хороша собой. Он видел, как плотоядно поблескивали глаза его друзей на дружеских вечеринках. Он ценил яркую внешность жены и чувствовал, что для Татьяны вариант неверных отношений может оказаться неприемлемым.

И все-таки излишняя опека супруги и ее сексуальная заурядность, наконец, сделали свое дело. Катастрофа грянула, когда однажды, будучи в Москве на симпозиуме, Игорь встретил женщину. Умная, легкая, раскованная, непринужденная — в общем, женщина-весна — показала ему полной противоположностью его Татьяне. Она не была свободна от брачных уз, что не создавало моральных обязательств для женатого мужчины. Их потянуло друг к другу, и Игорь упал в темный омут новой страсти, не думая о преимуществах заднего ума. Четыре дня — и любовный опыт переполнился суперострыми знаниями. Камасутра в ускоренном режиме доказала его

мужскую силу и привлекательность, и, распираемый от собственной гордости, кулик вернулся в тихое семейное болото.

Но случилось то, чего он не мог предвидеть. Он отдал той другой только самую малую, плотскую, часть самого себя, а Татьяна сразу почувствовала перемену в муже. Его тайна, которая была не осязаема и, конечно, никем не озвучена, каким-то невероятным образом стала известна настроженной супруге. Всей правды угадать она не смогла, но распознала главное — муж загулял.

Таня постоянно была начеку, по ночам обшаривала его карманы, прислушивалась к телефонным звонкам — ничего. Как отвести удар? Сорвать его планы? Нет, случившийся факт подорванного с его стороны глубинного доверия принес ей не только страдания, но и желание доказать собственную женскую состоятельность.

Сработало свойство бумеранга. Способ доказательства был выбран не сразу. Он появился позже, когда рядом с ней на тротуаре остановился автомобиль, и из него вышел ее бывший одноклассник:

— Землячка! Какими судьбами в Ростове? А я, — широкий жест в сторону барочного здания, напоминающего пирожное, — с работы еду. Поехали, по дороге поговорим. Тебе куда?

Завязалась дружеская беседа, в которой выяснилось, что он занимает завидное положение в мэрии и не связан узами Гименея. Бесцветные черты ранее субличного паренька сразу превратились в приличный портрет. Потом ресторан и постель у него дома.

Интимные встречи земляков спровоцировали чувство родства друг к другу, и через год Татьяна Герасимовна услышала уверения в любви и предложение стать его женой. Правда, мысли о его физической привлекательности не будоражили женщину. Да и новизна секса перестала

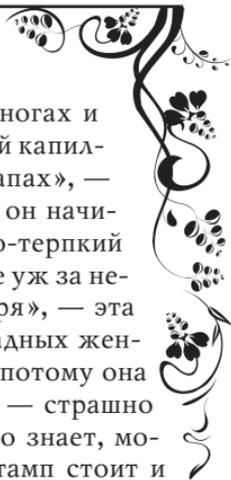
являться утешением ее ревнивых страданий.

Ее раздражали его тусклые ногти на ногах и поросячий цвет кожи, с ветвистой сеточкой капилляров за скулами. «Опять этот мерзкий запах», — думала она в самый-самый момент, когда он начал потеть, а его тело источать сладковато-терпкий запах. Родство оказалось ложным. «Лучше уж за нелюбимого царя, чем за любимого пономаря», — эта поговорка стала формулой успеха для жадных женщин, но все-таки настораживала Таню. А потому она согласилась только на гражданский брак — страшно было рвать отношения с Игорем. «Кто его знает, может, кинет через месяц, а у меня уже штамп стоит и прописки нет».

Супругам трудно было признать, что развод произошел по вине Татьяны. Ей — из-за ее ханжества и хитрости, ему — из самолюбивых соображений. А потому формально Игорь с Татьяной до сих пор не были разведены.

Почему Игорь так и не настоял на разводе, неизвестно. Но своим коллегам он говорил, что так ему посоветовал компетентный юрист; дескать, чтобы не делить ребенка и не устраивать передел имущества. Игорь почему-то не поменял юриста, не выбрал другого советчика или не произвел расчеты самостоятельно, хотя никогда не отличался зависимым поведением. Он окунулся в работу, и ему было некогда. Он просто перестал видиться с женой и сообщил всем знакомым о том, что разведен.

«Надо перетерпеть...», — подумал он, всматриваясь в произошедшие изменения с бывшей супругой. Небрежно причесанная, расслабленная от болезни, она являла со-

бой жалкое зрелище. «Я любил тебя...», — подумал он, когда Татьяна открыла глаза и увидела Игоря.

— Здравствуй! — первым начал разговор Игорь.

— Привет! Это хорошо, что ты пришел, но надо было предупредить, я бы хоть губы накрасила, — Татьяна нервно натянула простыню до самого носа.

Но он успел раздеть ее и фигурально.

— Я сам не ожидал такой встречи. Ну, рассказывай про житье-бытье, — голос у Игоря звучал хоть и приглушенно из-за присутствующих в палате больных и их родственников, но по его тону было понятно, что он не собирается сентиментальничать.

— А зачем? Ты, наверное, уже все знаешь. Между прочим, я не хотела, чтобы ты узнал о случившемся, — проговорила Таня и отвернулась к стене.

— Ты уверена, что такие вещи можно скрыть, — свистящим шепотом настаивал на беседе Игорь.

— Я не думала, что ты такой впечатлительный, — Таня снова повернулась к Игорю, и он вдруг заметил смирение в ее лице. Раньше она сказала бы эту фразу с вызовом, боролась бы за свою правоту. А теперь ее взгляд, какой-то глубокий, обращенный к себе самой, обескураживал. «А ведь, действительно, — подумал Игорь, — к чему сейчас все эти расспросы?»

— Я хотел спросить, как ты тут? Может, нужна помощь?

Татьяна молча пожала плечами.

— Я не о медицинской помощи говорю. Здесь можешь не беспокоиться, все будет, как надо. Тебя кто навещает?

— Денис и навещает, и помогает. Сейчас вот убежал за квартиру заплатить, а потом я попросила его сок купить.

— Значит, Денис все знает, а мне знать было не обязательно?

— Это я попросила не сообщать тебе, пока не будет известен точный диагноз. Вернее, я хотела сама тебе все рассказать, тогда утром, но ты был занят.

— Занят, занят... Ты вечно говоришь так, что ничего не поймешь. Вот и тогда начала не с того.

— Игорь, к пониманию надо испытывать способность...

— Вот и надо было... — горячился Игорь.

— Ну, хорошо, — примирительно зашептала Таня, — на самом деле, я очень рада тебе, правда. Давай свой мизинец, и, помнишь слова из детства: «Мирись, мирись, мирись и больше не дерись. А если будешь драться, то я буду кусаться», — покачивая мизинцами в такт фольклорной считалки, они смотрели друг другу в глаза. Он — с кривой улыбкой.

Она не была похожа на саму себя, на прежнюю Татьяну, высокомерную и взбалмошную. «Интересно, она напугана больницей или клетки ее организма заменились на новые, полностью изменив и мысли, и настроения?», — думал Игорь.

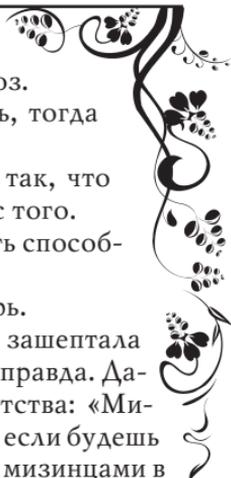
— Я стала другой, — почти ответила на его мысленный вопрос Таня. — Похудела сильно, конечно. Выгляжу безобразно. Но не это главное. Я раскаиваюсь, Игорь. Я очень раскаиваюсь в своих ошибках. Я не удержала нашу семью. В этом только я виновата. Ты прости меня, если можешь. Без покаяния перед тобой я бы не хотела умереть.

Она не плакала, но слезы стояли комком в горле.

— Кто тебе сказал, что ты умираешь?

— Я нахожусь в онкологическом отделении... Я не дура.

— Значит, дура, если думаешь, что из больницы все выходят только на кладбище.

— Не дал Бог здоровья — не даст и лекарь, — отрешенно проговорила Таня.

Дверь в палату открылась, и вошел Денис. Белый халат, бахилы, целлофановый пакет в руках и, самое главное, сосредоточенный взгляд. Этот взгляд пронизывал Игоря насквозь.

— Здравствуйте, Игорь Александрович! — ехидно процедил он.

— Не паясничай! — одернул его отец. — Клади продукты на стол и выйдем в коридор.

— Не ссорьтесь только! Хватит нам стрессов, понял сынок? — вмешалась в разговор Татьяна.

Денис кивнул, скорее просто так, чем с пониманием, и вышел в коридор вслед за отцом.

— Почему я узнал о состоянии матери только сейчас? Зачем ты целый год от меня это скрывал?

— Она просила: не хотела нервничать из-за тебя.

— Ты упрекаешь меня в черствости?

— Я не упрекаю, я просто сообщаю тебе об этом.

— Баран! Есть вещи, которые не могут оставлять нас безучастными!

— Отец, либо мы разговариваем, либо я ухожу в палату.

— Ну, хорошо-хорошо, — смягчился Игорь.

Потом Денис — под честное слово, в общих чертах рассказал ему про их жизнь последние годы.

— Ты один тут бываешь?

— А кто еще сюда придет? Всем нужны здоровые и успешные друзья, ты же знаешь.

— А ее этот, хахаль?..

— Вспомнил вчерашний снег!

— Она не живет с ним, что ли?

— Это он не живет с ней давным-давно.

— Так она вроде бы к нему домой уходила.

— Уходила, а потом вернулась к бабушке.

— И тоже просила не сообщать мне? Да?

— Догадливый ты... Ну, а что сообщать-то, мол, обидели меня, да?

— И сколько лет она одна?

— Почему одна? Мы живем вдвоем уже два года.

После смерти бабушки.

— Денис, мне Андриевский сказал, что она... про алкоголизм ее сказал, это правда?

— Знаешь, отец, таких запоев, как у мужиков бывают, у нее не было. Но бутылки в доме всегда были. И не только по праздникам.

— Где же она деньги на выпивку брала? Вообще, на что вы жили все это время?

— Жили-были. На работу она устроилась в госпиталь, три дня работает, два дома, а другую неделю наоборот. Платили копейки, но все-таки зарплата. Да и обо мне не забывай. Я тоже подрабатываю.

— А ты где можешь подрабатывать? Ты на дневном отделении учишься.

— На стройке, разнорабочим. Сутки-трое.

— Поэтому и латынь прошлым летом не сдал?

— Да нет. Мне не до нее было. Кстати, у меня отношение к институту изменилось.

— Это когда?

— Когда о состоянии матери узнал. Это я ее заставил УЗИ сделать. Мне странным показалось, что пила-пила, а потом полное отвращение почувствовала. Был Новый год, а она даже смотреть на бутылку «Шампанского» не может. Думаю, ну, печенка у нее чистки требует. Говорю, давай обследуемся. А она ни в какую.

— Вот тогда и надо было сразу мне звонить.

— Пап, ты на нас не обижайся. А если можешь, вытащи ее отсюда, пожалуйста!

— Вытащи... Предсказывать исход цирроза не многим лучше, чем предсказывать конец света. Ну да ладно, вместе тащить будем, — Игорь не решился назвать сыну правдивый диагноз.

Татьяна не слышала их разговора, но когда вышла из палаты, до нее дошла последняя фраза. В тот момент она подумала: «Не напрасно говорят, что самый страшный грех прощается, не простится, так забудется. Если мои мужики договорятся, то у меня все-таки есть шанс».

«Состояние у нее тяжелое, Андриевский прав, похудела килограммов на десять», — подумал Игорь, чисто профессионально взглянув на заострившиеся черты лица бывшей супруги.

Вдруг ее глаза, потухшие, как ему показалось при их разговоре в палате, блеснули знакомым игривым светом.

— Вы решили меня бросить? В кои веки собрались все вместе, а вы сбежали!

— Мам, мы только пошептаться, сейчас идем.

— Мужики, вы так громко шепчетесь, перебудите всех больных.

Ее глаза хотели жить. В тот миг Игорю интуитивно показалось, что могли еще жить. Это означало незамедлительную активность со стороны всех помощников медицинского процесса.

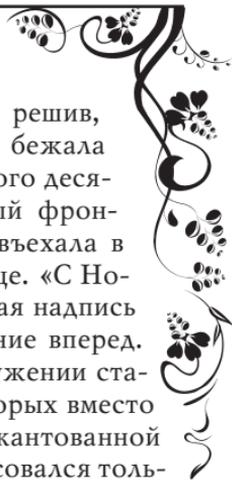
Возвращаясь из больницы домой, в другой конец города — в микрорайон Западный, он уже подъезжал к Переходному мосту, как неожиданно пришла в голову мысль навестить свой старый дом, ту жизнь, в которой были еще все живы, куда он шагал после школы, возвра-

щался из института, где родился и первое время рос Дениска.

Игорь сменил направление движения, решив, что смысл в этом, конечно, есть. Машина бежала и бежала в сторону его детства, отдаленного десятилетиями. Наконец, показался знакомый фронтон дома на Чехова. Машина медленно въехала в тоннель, ведущий в старый дворик на улице. «С Новым годом!» — красовалась неровная белая надпись на стене, преграждающей прямое движение вперед. Игорь повернул налево и оказался в окружении старых разновеликих построек, посреди которых вместо привычной круглой клумбы с мальвами, окантованной аккуратным деревянным заборчиком, красовался только старый вяз. Он так причудливо склонил до земли свои ветви, что стал похож на церковный купол.

Три дома цеплялись за начало прошлого века, но уцелели только их кирпичи и металл. Металлопластика окон и балконов, таблички, повешенные коммунальщиками, стремили их ко времени настоящему. «Нет уже нашей лавочки у подъезда», — вспоминал Игорь. Гладкая доска, прибитая к двум чурбакам, вкопанным в землю, днем служила жизненным путеводителем, а вечером — средоточием молодежи. Здесь, между лавочкой и подъездом, протекала человеческая жизнь. Таких лавочек уже нет в городе, они вышли из моды. «Где наш допотопный стол, разделенный мелом пополам, на котором ребятней опробовались купленные в «Динамо» теннисные ракетки?» — в нем заговорило ущемленное чувство собственности.

Во дворе тусовалась группа подростков, которых Игорь не знал. Они расположились возле мотоцикла и бурно обсуждали его достоинства. «Дети и внуки кого-то из наших жильцов... Мы тоже по вечерам здесь собирались. А мотоциклов не было, был «Москвич-412» у

дяди Вити, собственный, один на все три дома. Я классе в седьмом учился, когда отец на служебном «козле» начал ездить», — подумал он, и тут на балконе второго этажа показалась внушительная женская фигура, низким и плотным голосом обратившаяся к подросткам: «Дима, домой пора!».

Реконструкция детской эпохи произошла так стремительно, что Игорь хотел даже выйти из машины, чтобы шагнуть ей навстречу. Из группы ребят отделился худенький высокий паренек лет тринадцати, подошел ближе к балкону и вступил с матерью в переговоры: «Мам, я через полчаса, можно?» «Никаких полчаса. Иди заниматься немедленно». Парень поднял руку в сторону друзей, крикнул им «пока» и скрылся в подъезде. «Неужели это Инна?» — вспоминал Игорь, — Так изменилась. Позвала, наверное, сына заниматься на скрипке. Ее мать звала Инну точно так же».

Он посмотрел на свои окна и крошечный балкончик, выпрыгивающий во двор пластмассовыми цветочными ящиками: они тоже теперь — не те. Он вспомнил тюлевые занавески, чайный гриб в трехлитровом баллоне, покрытом марлей, плесневеющий на кухонном подоконнике, под окном — экономными рядами одна на одной банки с вареньем и соленьем. «Я тогда бегал в сандалиях на босу ногу в булочную на углу Садовой и Чехова и никогда не упускал случая подзаработать на сдаче и обгрызть теплую горбушку буханки», — смотрел Игорь в свое прошлое. Сейчас в этом месте магазин «Vis-à-vis».

На другом углу, по адресу: Б. Садовая, 104, почти напротив дома, где жили Воронцовы, находился детский сад, в который малыша определили, когда ему в мае исполнилось четыре года. Дабы рос в коллективе. «Из садика меня чаще забирала бабушка Валя, папина мама. Она жила в этом доме еще до войны и вернулась сюда с

фронта в сорок четвертом с ребенком на руках».

Строгая казачка, мать Валентины на пороге спросила: «Валька, твой?» и ахнула, когда дочь прижала его к себе, проговорив: «Родненький». Потом поразмыслив, что «девке уже тридцать два года, а мужиков-то нету» приняла маленького Сачечку с дорогой душой на фамилию Воронцовых. Отчество Александр получил от военврача, которого не видел ни разу в жизни. Фельдшер Воронцова имела боевые награды, и Игорь гордился своей бабушкой. Поэтому, когда она как-то сказала внуку, что было бы хорошо, если бы он стал врачом, так как это самая благородная профессия на Земле, слова стали своеобразным заклинанием, которое мальчик принял к сведению, спустя годы.

«Она приводила меня домой и кормила плюшками, которые пекла в оправдание своего домашнего «безделья». И я частенько симулировал посещение садика. Мне хотелось остаться с ней дома, и я придумывал причины для послабления установленного режима: что «болит живот», «больно глотать», «раскалывается голова», «тошнит, рвать хочется», «в садике холодно», — улыбался он своему детству. — Она по глазам отгадывала «врет, не врет» и не выдавала меня родителям за мою маленькую ложь.

Во дворе нас считали обеспеченной семьей, потому что мы жили на втором этаже, в трехкомнатной квартире, отделанной ГДРовскими обоями, бесконечно повторяющимися желто-коричневые в зале, зеленые в родительской спальне и синие в нашей с бабушкой комнате цветочные веночки. В зале никто не спал. Это была парадная комната со стеклянной люстрой-тарелкой, упиравшейся в потолок, монгольским красным ковром на крашеном полу

и польской мебелью, купленной по знакомству и прослужившей порядочно лет. Телефонной связи не было».

Игорь вспоминал, как, лежа в темноте, прислушивался к родительскому совещанию по поводу накатившихся «двоек» во втором классе. У них с дружкой была высокая деревянная парта, у которой крышка была двойная и открывалась со скрипом, как люк самолета. Она так подходила для игры в войну, что на математике, на чтении, на русском и один, и другой отвечали невпопад. «Я мало понимал, почему родители не одобряют чувство локтя, но я запомнил, как был осужден за мечтательность на уроках». «Ну, не я ж с ним буду уроки делать. Ты учительница, ты и учи», — распорядился в постели отец».

И надо сказать, что мать выполнила его указ на золотую медаль. В школу Игорь ездил на троллейбусе со второго класса сам. Благо, что остановка находилась совсем рядом, у горисполкомовской поликлиники № 10, некогда облюбовавшей памятник архитектуры дореволюционного Ростова — дом известного «спирто-водочного короля» Токарева. Кстати, супруга премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля при посещении Ростова в 44-м году, как представительница миссии международного Красного Креста, занимала весь первый этаж этого блистательного дома.

Теперь поликлиника оказывает коммерческие услуги и стала доступна не только городской элите. В эту поликлинику Игорь даже не мечтал устроиться после окончания мединститута, потому что такого блата у семьи не было.

Он сам добился признания класса, и был единогласно избран комсоргом. Но кроме этого у него в тот же год оказалась еще одна страсть — его сердечко запылало любовью к однокласснице Ниночке Звягинцевой, которая водила его за нос вплоть до окончания школы. Татьяна была отдаленно похожа на нее.

Игорь уже переключился на воспоминания, но видел перед собой глаза Тани и Дениса, и испытывая вековую тоску. «Они тоже здесь жили и были частью этого дома. Потом захотелось новую квартиру, а обмен старого жилого фонда не возможен без потерь. Отсюда и «треха» на улице Зорге». Ему было тоскливо и стыдно за то, что он изменил своему детству.

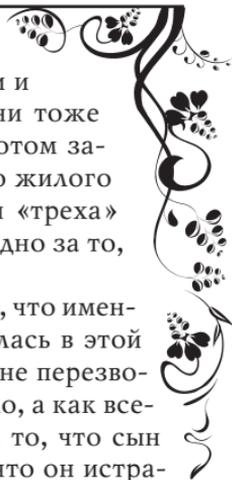
Душа болела щемящей жалостью. За то, что именно Татьяна — женщина его, врача, оказалась в этой дикой ситуации. За то, что он тогда так и не перезвонил ей, не узнал о том, что с ней произошло, а как всегда, быстро отделался от ее вопросов. За то, что сын оказался терпеливее и мудрее его. За то, что он истратил все деньги на покупку домашней мебели, не зная, как нуждаются его близкие люди. За то, что он такой крепкий, а она такая худая и изможденная. За то, что он, может быть, уже опоздал со своей помощью — она алкоголичка... Коря себя за пассивность, он именно так представлял себе чувство греха, мудрено прописанное в господо-боговых книгах.

Машинность современного мира, его механическая бесчувственность, казалось бы, должны были выпестовать великих конформистов. Оказывается, этот процесс гораздо сложнее и переменчивее.

«Научи меня, Господи, своей мудростью! — зывал он, сидя на «берегу» родной стихии. — Если я их сейчас брошу, то смогу ли спокойно жить дальше?»

Какой-то мерзкий внутренний голос начал успокаивать его: «А кого, собственно, ты бросаешь? Это тебя, дурака, бросили четыре года назад! Она хотела свободы — и это ее свобода».

Соблазненный этим увещанием, он подумал: «Ничего, это временно. Ну, сколько мне придется ухаживать

за Татьяной? Год? Потом она поправится и все вернется на круги своя».

Никто не знает, как отвечает на эти вопросы Господь. Известно только то, что возникает необычное чувство собственной правоты: «Важно, чтобы Денис знал, что я могу пожертвовать своим комфортом и своей свободой».

«Черт бы побрал твою нерешительность!» — голосил разум.

«Все-таки я еще не выволок свою упряжку к финишу...», — продиктовали чувства.

Молитва места не ищет. «Слава Тебе, Боже мой, за посланную скорбь, достойное по делам моим приемлю, помяни меня в царствии Твоем!» — Татьяна читала молитву очень медленно и едва шевеля губами, так, что ее соседи по палате не слышали ее голоса. Денис уже ушел домой, пока в нем не было по ночам необходимости — Таня вполне справлялась сама. Она знала, что завтра утром он придет опять. Может быть, придет и Игорь. Нужно привести себя в порядок пораньше.

Она, конечно, знала, что Денис чувствительный и добрый парень. Но не ожидала, насколько тесно они связаны друг с другом. Она была ему настолько нужна, что понимание этого заставляло ее придерживаться врачебных рекомендаций и стараться выжить.

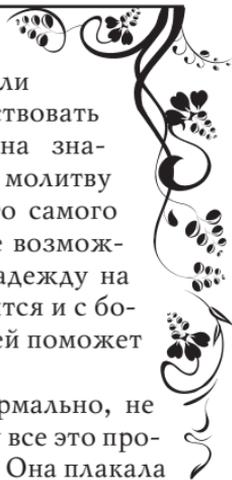
Выжить в ситуации собственной беспомощности и, как ей казалось, женской несостоятельности, было очень непросто. Нужен стимул, который подтолкнет к самозиданию из пепла, в который она превратилась за такой короткий промежуток времени.

Где-то в журнале она вычитала, что Скорпион может восстанавливаться чуть ли не из небытия, ему только важно почувствовать необходимость своего возрождения. Она знала, что нельзя смешивать спасение через молитву с астрологией, но ощущение потери всего самого лучшего в жизни смешало в ее голове все возможные надежды. Эта информация давала надежду на то, что она сильнее других, что она справится и с болезнью и с другими проблемами, и в этом ей поможет древняя природа.

Бог, к которому она обращалась формально, не проявлял к ней благосклонности. «Почему все это происходит именно со мной?» — думала Таня. Она плакала в первую ночь в больнице, когда рядом с ней присела ухаживающая за тяжелой больной соседкой ее мать, и тихо-тихо сказала: «Не надо, доченька, так убиваться. Может быть, еще все обойдется, береги силы. Лучше помолись. Вот запомни молитву: «Господи, Иисусе-Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешную!» Когда будешь произносить, особенно подумай о слове «помилуй», за что, значит, Бог тебя помиловать должен. Несколько раз прочтешь, и как почувствуешь, что успокоилась, так и засыпай, на здоровье».

Так Татьяна впервые почувствовала незримую помощь. Слезы текли потоком на ее подушку, но после них она почувствовала облегчение. Мысли ее прояснились и, несмотря на то, что радость не пришла в душу, к ней вернулось спокойствие.

Увидев Игоря спустя годы, Таня отметила, что он стал другим — стройным, элегантным. На нем великолепно сидели брюки и рубашка. Проснувшись, она застеснялась своего жалкого вида, такое сильное впечатление он на нее произвел. «Боже мой, как он красив!» — сразу

мелькнула мысль. «Кто-то был неправ, говоря, что любовь к женщине приходит через ухо, а к мужчине через глаза», — думала она. Она оценила его глазами, и теперь ее глаза не видели его пороков. «Почему так произошло, что мы расстались?» — с горечью думала она.

«Ты сама его проворонила», — шептал разум.

«Неужели у меня еще есть надежда?» — спрашивал внутренний голос.

«Нельзя дважды войти в одну реку. Я однажды так и не смогла смириться с его чертовой работой, его привычками, увлечениями, недостатками. Смогу ли я смотреть на него иначе?», — резонно вопрошал разум.

«Мы носим одну фамилию», — давали надежду чувства.

К ней пришел сон. В нем сменялись картины преодоления неведомых преград, опасностей оступиться и рухнуть в пропасть, причудливые черно-белые очертания улиц, домов. Она увидела маму, черты лица ее были непонятно искажены, но Таня знала, что это — мама. Она шла рядом с ней и говорила сначала что-то бессвязное, а потом вдруг: «Разве тебе с ним было хорошо?» — «Да, мне хочется все вернуть назад, как было», — тяжелым языком лепетала дочь. «Нет, Тата, тебе с ним было спокойно», — ясно отвечала мать. «Забери меня к себе!» — просила Татьяна. «Нет, тебе здесь будет холодно», — ее ответ растаял в повороте, за каким-то странным углом. Картинка сменилась, мама исчезла. Потом Таня не могла вспомнить, что было дальше, осталось только ощущение, что она не успела спросить у матери, почему ей будет там холодно и как она советует ей поступать дальше.

«К перемене погоды», — к Татьяне вернулось ее спокойствие, — и она снова погрузилась в сон.

*Глава 9.
Крутые
повороты*

Человек, имеющий смерть пред очами, постоянно побеждает уныние.

Неизвестный старец, из «Отечника»

Маргарита с Игорем приехали на машине на Павло-Очаковскую косу, что на Азовском море, субботним вечером двадцать пятого августа.

Им хотелось уединения. В этом месте, спасенном от нашествия высотных построек и гудящих дорог, есть свой жесткий план: ничего не ломать и не менять. Остаются только низкорослые домики вдоль морской линии.

Небо, солнце, море и песок тоже неизменны.

Здесь меняются лишь узоры песка. Каждую минуту изобретательные и терпеливые песчинки, подгоняемые настойчивыми волнами, сочиняют новый береговой рисунок.

Им интуитивно не хотелось ничего менять. Их устойчивость тянулась к устойчивости этой странной жизни, которая идет сквозь меняющиеся узоры песка.

Августовское море — темно-зеленое и теплое. Громада воды легко колышется до самого горизонта. Оттенки зеленого постепенно сгущаются, превращаясь в серовато-асфальтовую акварель.

Величественный закат уводит в темноту песочный пляж, бросая на тела людей смуглые оттенки загадочности и романтики.

Прижавшись друг к другу, они сидели на полотенце, расстеленном на песке, напоминая своей слиянностью задумку Творца о самом первом человеке, еще неразделенном на Адама и Еву. Их сомкнутые руки говорили уходящему солнцу не о ветреном искании приключений, а о тех удовольствиях, которым предаются только в родной гавани.

— Я люблю красный закат, — превала молчание Маргарита.

Он согласился:

— Я тоже.

— Хотя, наверное, завтра будет ветер и шторм... — произнесла Маргарита.

— Штормящее море тоже красиво, вот посмотришь.

Она промолчала. Он бросил плоский камешек в воду так, что тот трижды прыгнул по воде.

— А я боюсь ветра...

— Почему?

— Не знаю, с детства боюсь. Мне страшно, когда он воет и все крутит...

Он повернулся к ней лицом и обнял ее ноги. Изящные пальчики, изогнутый подъем, гладкие голени. Кожа на ногах была нежная и влажная, и он подумал о том, как она похожа на русалку, которая может выскользнуть из его рук. «Я не хочу отдавать ее никому», — промелькнула у него мучительная мысль.

— Я буду защищать тебя от ветра, хочешь?

— Хочу.

Он снял с себя шведку и бережно прикрыл ей плечи.

— Ты такой теплый, — она нежилась в хлопковой ткани.

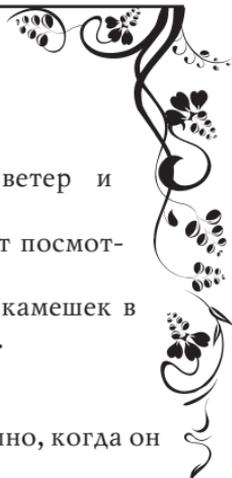
— Тебе холодно?

— Уже нет.

— Скажи, ты меня любишь?

— «Люблю тебя сейчас, а в прошлом не хочу, а в будущем не знаю», — стараясь казаться беспечной, тихо напела она знакомые строки Высоцкого.

Он принял ее слова всерьез и повернулся лицом к морю, а она провела рукой по его волосам и улыбнулась.

Мрак ночи стал гуще, и ей не видно было выражение его глаз. Его волнение выдал глухой голос:

— Ты самая хорошая из всех женщин, которые мне встретились в жизни!

Он был искренен. «Многие-его-женщины» давно стали просто женщинами, слившись воедино в воспоминаниях о былом. «Рита — совсем другая. Рита — это моя Рита!».

Огромное черное покрывало моря блестело миллионными переливающимися лунных чешуек. Мерно, как грудь вечного исполина, оно вздыхало на низких бархатных нотах: «о-о-о-о-х!», «а-а-а-а-х!».

Темная, влажная, неисчерпаемая и загадочная пустыня. Вот опять слепые волны бьются о берег, рисуя на ощупь береговую линию.

Пора возвращаться в коттедж. В их комнате на стене претенциозно висела репродукция вполне реалистичной картины Сальвадора Дали «Фигура у окна». «Смотри, опять Дали!», — воскликнул он, увидев романтическую женскую фигурку, любующуюся видом реки. «Это другой Дали», — ответила она. «Как другой? Их разве было двое?» — наивно удивился он. «Это его грустное другое «Я», — задумчиво ответила она.

Они, взявшись за руки, медленно шли сначала вдоль берега по песку, затем к домику, где они остановились до середины завтрашнего дня. Турбаза носила самоуверенное название «Эдем». Реальность опрятного, увитого плющом однокомнатного домика, днем была скромнее, подчеркивая первостепенность моря и солнца.

Сейчас в счете минут, отпущенных провидением, смеющимся над будничным хором проблем, их недолговременная обитель превратилась в небесный рай.

Поднявшись по ступенькам, они остановились и еще раз засмотрелись на море. Теперь оно казалось им дале-

ким и хладнокровным, как августовские падающие звезды.

— Звезда падает! Скорей загадывай желание!

— Это не огонек самолета?

— Да нет же! Вон та искорка, видишь, как она движется в море?

— Загадала...

Ее походка и нежность проливались пьянящим вином в его душу. Ему хотелось, чтобы эта женщина поняла и приняла его таким, какой он есть.

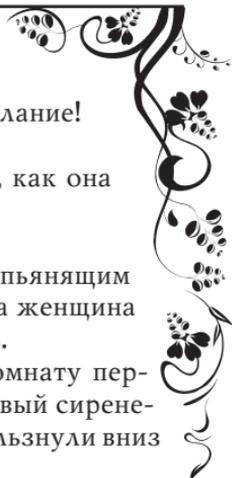
— Здравствуй, дом! — она вошла в комнату первой, бросила на кровать невесомый шелковый сиреневый саронг и вынула шпильки. Волосы скользнули вниз по спине.

Движения ее тела открыли в ней особое сияние женственности.

— Наверное, это здорово, жить в таком доме и радоваться, когда тебя любят и ждут. И большая тоска, когда ждать некому, — в комнатном полусвете ее грустное рассуждение не было лишено глубокого смысла.

Ему стало совестно за свою нерасторопность, за причиненную ей боль. Жаль себя, постоянно смотрящего в глаза смертельно больных, от чего он затвердел душой, махнул на все рукой и забросил оформление своих документов. И вот теперь наступил момент, когда он, сообщив, что официально до сих пор не разведен, должен объяснять причину своего промедления с разводом. Он порывисто взял Риту за руку:

— Прости меня, пожалуйста! Я не подумал, что это так важно для тебя. Для меня это совсем не имеет значения, пойми. — Ворот его шведки стал ему тесен, и он резким движением снял ее с себя. — Как я устал от всех проблем! Я хочу уехать отсюда к чертовой матери! Меня

звали в хорошую клинику Америки, ведущим хирургом, на хорошую зарплату. Давай уедем!

— А совесть? — влажный океан ее глаз не отпускал от себя.

— Вот еще приложение к неуничтоженному свидетельству о браке! — бросил в сердцах Игорь.

Он опустил на кровать и уставился в темное окно. Теперь решение должна была принять Рита. И самая главная для Риты новость этого дня не возьмет верх над другими.

— Значит, прими свои проблемы как программу максимум. И хватит об этом, — она подошла к нему сзади, села, обвила руками и поцеловала между лопаток в спину. — Мне жалко времени...

— Проведенного со мной? — грустно ухмыльнулся Игорь.

Она тихо прижалась к нему и нежно провела руками по груди:

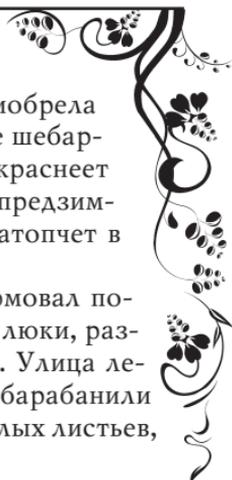
— За это время я тебе очень благодарна. Не отнимай у меня того, что осталось... Я закрою жалюзи, ладно?

Глядя на нее долгим взглядом, он думал: «Если бы это стало последним, что я вообще увижу в этой жизни, я бы не жалел».

Сейчас она стала настоящая женщина: округлости плеч, бедер, колен настаивали на ее возрасте. Но восхитительная правда тела упивалась властью над ним. В ней проснулась какая-то безмерная способность ценить жизнь.

Она не торопилась, не подчинялась его страсти и воле машинально и раболепно, а владела им, в полной мере чувствуя себя собой.

Он впервые услышал от нее, вместо «как хорошо!», желанные слова «Я люблю тебя!».

Листва на деревьях потускнела, приобрела грязно-зеленый цвет, и все чаще и чаще ее шебаршит ветер и поливает дождь. Скоро она покраснеет за всех нас. И мы смиримся, что сначала предзимний вечер развевает ее по земле, а потом затопчет в землю мороз.

Тридцать первого августа дождь штурмовал поребрики дорог, заливая канализационные люки, разгоняя с тротуаров разноцветные зонтики. Улица лежала мокрая и серая. Гулкие капли дождя барабанили по подоконникам, по лужам, летели с усталых листьев, подгоняемые промозглым ветром.

А первого сентября напоенная дождевой водой земля искрилась мокрой свежестью, испаряя в воздух радость Нового года, не допетровского, а самого что ни на есть современного.

У учителей понятие «новый год» встречается дважды — 1 сентября и 1 января. И неизвестно, какой из этих «новых» важнее. Приходят новые ученики в школу — начинается новый фрагмент истории. Выходит, что 1 сентября — самое важное начало года. А когда приходит зимний новый год и все только и говорят о «новом счастье», самым главным становится другой праздник жизни.

По бокам громоздкого подиума, высящегося в видной части школьного двора, из современных черных колонок потрескивает старая запись вечной школьной песни:

«Школьные годы чудесные

С книжкой, с дружбою, с песнею...»

Все классы выстроились на торжественной линейке, посвященной Дню знаний. Первоклассники с букетами

цветов, с новенькими портфельчиками, в наглаженных рубашечках, юбочках, брючках — единственное в стране неизменное зрелище на протяжении N-ного количества лет. Школьники постарше подтягиваются от присутствия вот-такусенького поколения и от многочисленных видеокамер, фотоаппаратов взволнованных родителей, у которых екает сердце и в глазах появляется туман. Все понимают, что этот важный момент жизни будет запечатлен в семейных архивах, которые по особым случаям просматриваются всеми родственниками и знакомыми:

*«Давно, друзья веселье,
Простились мы со школою,
Но каждый год мы в свой приходим класс...»*

Вот, наконец, на ступеньки поднимается Галина Анатольевна, и старая песня подрезается фанфарами, возвещающими об открытии линейки.

— Дорогие коллеги и ребята! Начинается новый учебный год, а с ним приходят радости и огорчения, надежды и разочарования. Но природа нам сегодня подарила прекрасное солнечное утро. Это замечательный знак того, что нас с вами никогда не покинет желание творить и побуждать к творчеству. Пусть весь учебный год у вас на душе будет светло и солнечно!..

Ура! По кругу всей школьной площадки звенит колокольчик с красной ленточкой — первый звонок зовет на первый урок:

*«Пусть всегда будет солнце!
Пусть всегда будет небо!
Пусть всегда будет мама...»*

Жизнь снова повторяется своими песнями, гимнами, стихами, линейками, портфелями, астрами, партами, уроками, домашними заданиями, праздничными канителями.

Работа, может быть, и часть жизни, но ее важная часть. Она бывает так сложна, так невыносима, что хочется изменить ей. Но она так умеет компенсировать утраченные нервы, как не может их вернуть ни одно в мире домашнее ремесло. Ни за какие деньги не купить то чувство радости, которое нам дарит профессиональный успех.

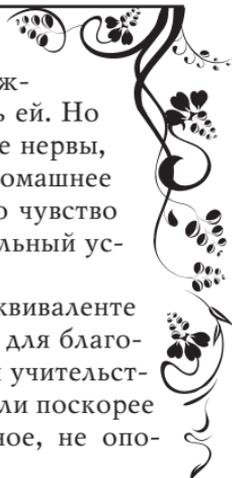
Никто не может оценить в денежном эквиваленте те слова, которые порой находят ученики для благодарности своих учителей. А не получается учительство — значит, негодны принципы. И надо или поскорее их менять, или поскорее уходить. Главное, не опоздать.

«Цветы во всех вазах — бордовые, белые астры, ярко-красные георгины, дубочки россыпью, мелкие и грациозные хризантемы. Срезанные цветы, приговоренные к смерти, — их красота покоряет живописностью. Должны бы быть цветочные эмоции. Но сентябрьский вечер давит тревожным настроением.

В последнее время, если мы расстаемся на ночь, то Игорь звонит утром. Утром звонка не было. Я подумала, что у него операция, и тоже не стала звонить. Не хочу лишний раз тревожить его. Хотя и очень хочу слышать...

Нет, я не ревную. Я уверена в нем и в себе. После стольких доверительных разговоров человек становится родным, даже если он и проявляет свой нажитой эгоизм — ворчит, упрекает, вредничает.

Какие-то нехорошие предчувствия есть. Но, видимо, надо переключиться и заняться домашними делами. Так легче ждать.

Самый верный способ вечером отвлечься — это перебрать вещи в шкафах: разобрать на полках и на вешалках все лишнее и то, что уже не носилось в течение двух лет. Я заметила, если вещь не надевается два года, ее надо либо переделывать, либо избавляться от нее. Есть прекрасная традиция — сложить ненужные вещи и отнести тем, кто в них нуждается. А такие люди есть всегда. Обычно в этом помогает наша знакомая, которая относит их в церковь, а там уж хозяева находятся сами.

«Вещей много, а носить можно только вот это и это...», — мои мысли прерывает долгожданный звонок.

— Привет, это я. С праздником тебя, Риточка! — в трубке родной баритон, полный обещания. Слава богу, позвонил.

— Ты придешь?

— Сегодня вряд ли.

— Как ты? У тебя все в порядке?

— Я устал, — голос действительно поникший. — Мальчика прооперировали с опухолью мозга, родители надеялись. Ну, вобщем, жалко пацана — полгода, не больше ему осталось. Поэтому больше морально устал...

— Господи, как ты выдерживаешь этот ад?

— Ну, ладно тебе, не усугубляй.

— Ты звонишь с работы?

— Нет, заезжал домой. Но сейчас я из больницы, от Татьяны.

— Она заболела? — душа напрягается.

— Она серьезно больна. Я встретил там Дениса. Они оба в шоке.

Молчание.

— Да что такое случилось? Расскажи по порядку, или давай встретимся?

— Знаешь, ты не обижайся, но сегодня я никакой. У Татьяны рак... Денис с ней там управляется. Извелся парень...

«Ты и сам, похоже, извелся», — давит мне сердце.

— Вид мне ее не нравится, — как-то тоскливо произносит он.

«Значит, раньше нравился», — ловлю в себе неуместную ревнивую ноту.

— Это смертный приговор, да? — стараюсь сохранить деловитость.

— В большинстве случаев, да.

— Что ты собираешься делать?

— Ну, делать будет лечащий врач. От меня больше психологическая поддержка требуется...

Он произнес это таким голосом, что у меня вырвался вопрос, глупый, конечно, в этой ситуации. Но я его задала:

— Игорь, ты ее еще любишь?

— Рита, она мать моего ребенка, и мы прожили вместе ни один год. Почему ты задаешь такой вопрос?

— По недомыслию. Прости меня, родной!.. Я скучаю.

— Рита, мне сейчас непросто, пойми. Они надеются на меня. Я должен помочь, понимаешь?

— Конечно, понимаю: ты должен помочь.

— Я завтра утром поеду туда, потом позвоню, ладно? Пока! Целую-целую тебя.

— Целую, пока...

Я признаю правоту твоего «сегодня вряд ли...». Но я каким-то неведомым животным чутьем почувствовала, что в моей жизни наступил момент, когда Игорь должен уйти, а я должна отпустить его с миром. Его бывшая супруга больна, он переживает, значит, будет заботиться о ней. Семья есть семья».

Борис Леонидович Андриевский вошел в свой кабинет, посмотрел как-то отстраненно на Игоря и Дениса Воронцовых и сказал: «Мы удалили опухоль в печени. Но сами знаете, ситуация тяжелая... Прогноз тяжелый... Пусть отлежится...».

Игорь сдержался от восклицаний, а Денис сразу ослаб. Прозвучавший диагноз был для него неожиданным, он надеялся на цирроз. Хирург еще что-то говорил, но он не слышал его слов. Перед глазами все поплыло, ему хотелось заплакать и уткнуться, ища защиты, в отцовское плечо. Игорь не ожидал, что его великорослый грубоватый потомок окажется тонким и чувствительным. Почувствовав состояние сына, Игорь уже не слушал Андриевского, он взял руку Дениса и долго сжимал ее. «А он ведь и в этом на меня похож. Я тоже плакал, когда отец умер. Потом уже сердце заскорузлым стало. А раньше...».

Игорь не стал продолжать беседу с Борисом Леонидовичем, решив, что сейчас главная помощь нужна не Таня, а сыну:

— Поехали ко мне, сынок. В реанимации и без нас справятся, а нам с тобой надо о многом поговорить.

Они оказались перед лицом опасности, которая перевернула все их планы, отношения, желания. Опасность смерти имеет такое свойство — переворачивать все вверх дном. Она кинула их в объятия друг к другу. Их отношения с сыном покинуло все наносное, что образовалось за последние четыре года, когда они не были вместе, когда не жили одной семьей. В один миг эти двое мужчин стали роднее и сильнее.

Теперь не должно было звучать никаких ложных нот и никаких обид.

— Пап, ты прекрасно знаешь, что рак — это психосоматическое заболевание. Ее нервы трепки и обиды появились, когда вы разошлись.

— Не я был инициатором развода. Она нашла себе человека, с которым ей было комфортно.

— А потом пожалела о своем уходе, но было уже поздно.

— Зачем ты мне это говоришь? Мне тоже было не просто — я остался совсем один. Дай бог, чтобы ты не знал, что это такое, когда твоя жизнь резко превращается в засохшее дерево. Я жил на работе, понимаешь! Я оставался ночевать в ординаторской, чтобы не идти в пустой дом. Ты знаешь, как велика трехкомнатная квартира для одинокого человека?! Я метался от одной бабы к другой, чтобы как-то заполнить семейную яму. А ты думаешь...

Игорь не хотел в эту минуту говорить сыну про Маргариту, но Денис настаивал на реанимации семьи:

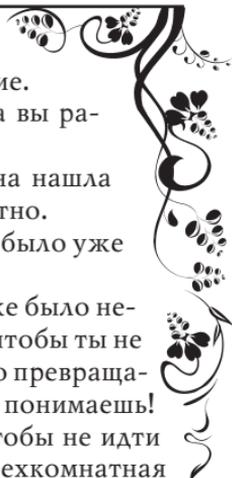
— Отец, что было, то было. Она за это заплатила. Помоги ей начать все сначала, прости ее и дай ей шанс!

— Я же сказал, что помогу. О какой помощи ты говоришь — денежной, моральной? Я буду навещать ее в больнице. Я помогу тебе!

— Отец, я прошу тебя, как друга, как человека! Понимаешь...

— Ты тоже пойми меня, сынок, я встретил женщину, которая стала мне очень дорога, и я не хочу ее терять! Я стал сейчас совсем другим человеком.

— Отец, речь идет о жизни и смерти мамы! Ты что, в такой момент не можешь подождать с женщиной? Ты не можешь сделать вид, что любишь маму? Хотя бы вид сделать! Ради ее здоровья! Ей мало материальной помощи,

она должна чувствовать, что у нее есть семья. Человек не должен умирать одиноким и наказанным!

Если бы они курили, то задымили бы весь дом. Но дымились они сами от нервозности и раздражения.

«Он прав. Но как я должен объяснять Маргарите, что она здесь не должна появляться? Здесь ее вещи! Как я буду перед ней выглядеть? Господи, мы, по сути дела, в разводе!», — кипел один.

«Мать была права, что ушла от него тогда! Он кобель, озабоченный своей физиологией! И какие проблемы? Квартира у него пустая — вещей здесь женских нет. Что он говорит о какой-то женщине? При чем тут женщина и жизнь матери?!» — рвались нервы у другого.

— Сколько она проживет? Проживет ли она хотя бы год? — закончил свою челобитную сын.

Игорь провел по лицу руками, как совершающие намаз, и выдохнул:

— Ладно, пусть будет по-твоему.

— Мы будем жить в этой квартире, да? В тот бардак возвращаться нельзя. Там нельзя жить, понимаешь?

— Почему? Там квартира как квартира.

— Ты не был там, а я там жил... Там нужен ремонт.

— Хорошо, мы будем жить здесь. Вместе. Но я ее уже не люблю. Поможет ли ей мое терпение? По-моему, ты предлагаешь сделку, в которой каждый станет потерпевшей стороной.

Потом настал черед Татьяны. Прошло два дня, когда ее привезли из реанимации, когда окончательно прошел наркоз, взгляд ее стал осознанным, и она слегка оклема-лась:

— Что со мной? Скажите все, как есть: я выдержу, — обратилась она к своим мужчинам.

— Все будет в порядке, не волнуйся! — оптимистичным тоном произнес Игорь.

— Это все-таки цирроз? — Она потянулась к руке сына. — Пусть меня не оставляют здесь одну, ладно?

Он взял в свои большие руки ее ладошку и, пытаясь согреть ее, сказал:

— Конечно, мамочка! Но ты должна знать, что всё уже позади, слышишь?

— Меня скоро выпишут домой? — в глазах Татьяны читался животный страх.

Сжимая все свои эмоции в кулак, и стараясь быть спокойным и уверенным, Игорь ответил:

— Ну, нет, эта болячка еще требует наблюдения за тобой. Врачи еще полечат тебя, а уж потом домой.

— Мама, мы будем жить все вместе, одной семьей. Как прежде.

Танины глаза улыгнулись слезой, и она вцепилась в руку Игоря.

— Значит, ты меня прощаешь?

Глядя на ее выпуклые вены, он молча кивнул.

— Игорь, мне кусок печени отрезали?

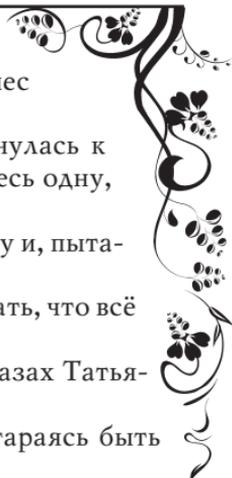
— Отрезали-отрезали. И кусок оставили. Не будешь хулиганить — отрастет твоя печенка.

— А осложнений не будет? — не унималась Татьяна.

— А осложнения по средам не подают! Ну, что ты, в самом деле? Жить хочешь или к смерти готовишься? Не изводи нас с сыном, и так тошно.

— Ребятки, только не бросайте меня здесь одну, — она, словно превратилась в маленького ребенка, который просится из пионерского лагеря домой.

— Ну, вот опять! Будешь плакать — мы уйдем!

Когда в палате воцарилась тишина, настал напряженный момент расставания, Игорь облегченно похлопал Татьяну по руке:

— Ты поспи, а мы уже пойдем.

Денис незаметно двинул его колено, и тогда Игорь, сделав над собой усилие, чмокнул ее в щеку.

«Неужели в жизни все происходит помимо нашей воли?» — думал Игорь по дороге домой. Его раздражали беспомощно разведенные руки людей, ссылающихся на то, что «так сложились обстоятельства». Он не верил им, а сейчас сам наступил на те же грабли. Кто мог подумывать, что близость беды родит в нем дремавшее чувство жалости к бывшей супруге. Он вспомнил, как три месяца мучилась его мать, а Таня скрашивала ее последние дни терпеливым уходом.

— Я часа три посплю, а потом поеду к ней, — вывел его из оцепенения сын.

— Денис, ну, ты прости, я не могу сегодня никак, — оправдывался отец, — у меня больные тяжелые. Может, мы сиделку пригласим?

— Ну, что ты! какую сиделку, я сам. Ладно, пап, ты не думай ни о чем. Спасибо, что поддержал ее.

«Денис стал взрослым», — сделал вывод Воронцов-старший.

27 декабря 2007 года, четверг

«Только что закончился новогодний спектакль. Пока я с ребятами, мне хорошо. А пришла домой — радости от предчувствия праздника нет.

— Все будет хорошо. Настройся на ожидание, — советует мне моя мудрая мама. — Помнишь, что сказал Кутузов князю Болконскому перед Бородинским сражением?

Увидев мой бровный вопросительный знак, она добавляет.

— Впрочем, как ты можешь помнить, если у тебя не было нужды это запоминать? Так вот. Заучи наизусть и запомни на всю жизнь: «Все приходит вовремя к тому, кто умеет ждать».

— Я все время в режиме ожидания, как военный агрегат.

— Вот и хорошо, что опыт есть. Тогда тем более, нечего терзать себя. Ну, чего ты?

— Мы с Игорем знакомы недолго. Но мне невыносимо его терять.

— А с чего ты взяла, что теряешь его? У него что, дыхание останавливается, а у тебя кислородного аппарата нет?

— Мама, его семья — это не шутки...

— Рита, наша семья — это тоже не шутки. А твой отец сделал выбор не в ее пользу.

Мы обе замолчали. Потом я снова продолжаю разговор.

— Почему все-таки ты не пыталась его остановить?

— Не знаю.

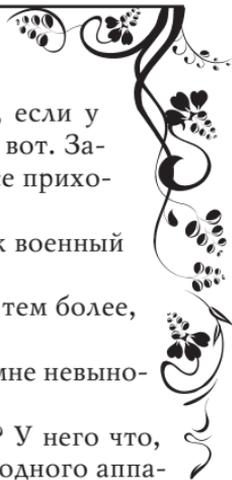
— Это гордость?

— Нет, не гордость.

— Тогда почему?

— Мы были чересчур независимы друг от друга. Я была слишком занята своим творчеством. И он тоже. Но для него моя занятость, да еще в театре, совсем не подходила. Ему нужна была квочка, и тогда он был бы счастлив. У него не было излишней нежности в детстве, он искал их в юности, но у меня не выходило сюсюкать с ним, я была сдержанна. Он нашел, что искал в зрелом возрасте.

— Разве это так важно?

— Для кого-то нет, а для него было очень важно; так он чувствовал, что его любят. Вот Лариса смогла...

— Ты с такой легкостью отпустила его в Москву с «этим творческим работником»...

— Я видела женщин, которые усиленно стремились сохранить разбитый сосуд. Они только совершали еще больше ошибок. Мне было не дано сохранить наши отношения. Твой отец сделал бесповоротный выбор.

— Сделав тебя несчастной?

— Ну, что ты! Кто тебе сказал, что счастье — это прожить всю жизнь вместе и умереть в один день? Это сказка! Это просто образ душевного равновесия! Люди меняются, их отношения тоже становятся другими. И счастье, что в нашей жизни были интересные люди и значимые для нас отношения. А оттого, что мы разошлись, я не стала несчастней, чем если бы была с ним в браке, который тяготил его.

— Разве ты не сожалела, что осталась без мужа? не ревновала к Ларисе?

— Первое время очень сожалела и очень ревновала. Знаешь, с ним горе, а без него вдвое. Потом решила для себя, что он все равно никогда больше не встретит такую, как я. Будет сожалеть и стремиться ко мне.

— Но он стремился больше ко мне, и то, спустя годы, и это ранит тебя, мама?

— Нет, не ранит, а радует. Раз понял через годы, значит, не раскаивается в нашем браке. Это главное. Он любит тебя. А меня поддерживает на этом свете то, что я не одна, что у меня воплощена самая главная на свете роль — быть матерью, которой гордится ее ребенок.

Она обняла меня, и от долгожданного откровенного разговора меня разобрало на слезный поток.

— Он обрел другую семью. Но я не верю, что он забыл меня после нашего развода. Я его не разлюбила, у

нас есть ты — значит, мы по-прежнему остаемся одной семьей. В семьях часто кто-то один любит больше, чем другой. И еще. Это он хорохорится перед молодой женой и ее друзьями, не смущаясь своего «взрослого» облика. А когда встал вопрос о его уходе из театра, он у кого совета спросил? Он мне позвонил. Видишь, звонит мне по делу и по праздникам. Значит, помнит.

— А обо мне спрашивал, почему я сбежала из театра?

— Спрашивал. И предлагал забрать тебя в Москву.

— Вот еще глупости. Никуда я не поеду.

— Он это тоже понимает, только не знает, как тебе помочь.

— А почему он сам со мной не поговорил?

— Ну, ты же начала от него шараться, а он гордый: «Мой адрес и телефон она знает».

— Тогда я не хотела с ним разговаривать. Что я должна была — и нашим и вашим? Я его простить не могла за то, что он так поступил с нами, и его уход воспринимала как предательство. Он бросил меня тогда, когда я больше всего в нем нуждалась.

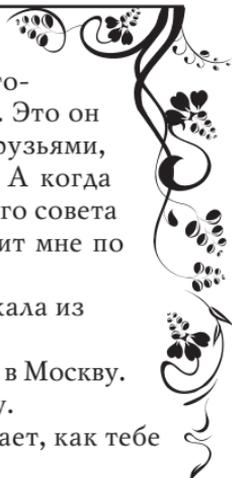
— Я тоже когда-то так думала. Но оказывается, мы являемся частью друг друга, и трудно сказать, в какой момент мы нужнее. Я ведь нужна тебе сейчас, Ритка, а?

— Ты что, сомневаешься? — я вытирала кулаком слезы и чувствовала себя защищенной, как никогда. — Ты мне нужна больше, чем я тебе со своими проблемами.

— Твои проблемы пройдут. Ты взрослая женщина и очень состоятельная. Духовно состоятельная.

— Ты так считаешь?

— Я вижу, что тебе не нужны чужие подпорки, защита и так далее. Ты после смерти Владимира, царство ему небесное, стала вдвое сильнее. Сейчас ты сама тот ого-

нек, возле которого хочется греться. Игорь возле тебя не для того, чтобы просто проводить время, он греется от тебя.

— Да, уже не так часто и греется. Звонит по вечерам иногда, и то с работы. Наверное, чтобы жену не травмировать.

Мать сочувственно раскачивает корпус:

— Рита, но если он примет решение остаться с женой и сыном по сложившимся семейным обстоятельствам, не тормози ему душу. Ты не станешь легковесной без него. Ты можешь гореть своим пламенем, не зависимым ни от кого».

«Зимние каникулы прошли, не оставив долгих впечатлений. Медленное у меня сейчас время.

Перешла на транквилизаторы. Коллеги посоветовали персен. Ни черта! Тоска просто глумится надо мною. Может, «колеса», как выражаются мои школьники о таблетках, должны быть покрепче? А ведь интересное сравнение таблетки с колесом. Предполагается поездка в рай или куда еще?

На работе легче переносятся неприятности; она растворяет мои личные проблемы, как серная кислота.

3 февраля хоронили ученика 10 «А» класса Пронченко Алешу. Лейкемия. Сколько он перенес облучений за два года! а так и не выжил. Хороший парень был, спокойный, доброжелательный, не хныкал, не жаловался. Но очень впечатлительный. У родителей возникли трения, и он заболел. Наверное, как-то связана его болезнь с состоянием души. Мать его отправляла в Израиль к отцу, думала, клиника хорошая, смогут вылечить. А он отца увидел в аэропорту с новой женой и не выдержал. Мать гроб получила из Израиля через месяц.

Что может быть хуже этого, какая беда? Никакой.

Оба класса и учителя — наплакались.

У него имя одинаковое с моим сыном. И мне он еще дороже».

8 марта 2008 года

«Прошло два с половиной месяца с нашей последней встречи.

СМС-ски не в счет: они слишком коротки. А звонки редки. Объяснение? Работа, заботы...

Я поворачиваюсь с боку на бок и никак не могу уснуть. Когда наступила тишина, я снова открыла свой дневник.

Когда-то давно я встретила в Кисловодском поезде психолога, который сказал мне, что рад был познакомиться со счастливой женщиной. Мне показалось это странным.

А еще перед Новым годом мама мне наговорила много такого, что я просто не имею права быть бедной и несчастной, раз на мне стоит печать Счастья. Это было бы несправедливо по отношению к моим родным — унывать и печалиться — они верят в меня. Слава богу, что возле меня тепло!

Вот я уже и улыбаюсь. Господи, дай мне силы выдержать испытание разлукой! Ведь Игорь серьезный человек, он сам рассудит, как ему быть дальше.

Как изящны и глубоки строки Марины Цветаевой:

«И сохраняют всегда мои дороги
Твою печаль!»

Наше южное весеннее небо полно звезд. Они смотрят в окна домов на наши человеческие радости и печали и удивляются, как мы суетны и глупы.

Раз, два... десятка два с половиной окон в соседнем доме кричат им: «Здесь еще не спят!» И в нашем доме, наверное, столько же.

От Цветаевой не оторваться. Второй час ночи, а я читаю ее прозу.

«Надежда крылата» — это же не просто совет, это целая программа!

Ах, Марина! Твоя любовь к миру убила Время. Нет, это не убивающая любовь, а удивительный Свет, который дает любовь. И в прозе, и в стихах.

В соседнем доме светятся только три окна. Может быть, дети не спят или болен кто-то? Или любовь?

...Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола.
И в маленькой деревенской
гостинице —
Тонкий звон
Старинных часов — как
капельки времени...

Вдруг обескураживающая своей реальностью мысль:
«А нужен ли мне вечный покой?»

Возможно, потом будет очень нужен.

А сейчас?

Сейчас он противоположен моей творческой крови.

Я не могу жить только одной любовью к мужчине.

Мне нужно большее.

Ему тоже не нужна приторная любовь».

«Июньским утром 2008 года мы обе в соломенных шляпках: у нас оптимистическое настроение. Мне очень нравятся широкополые шляпы — они придают особый

шарм одежде и выражают элегантность. Маме больше идут маленькие, по форме головы шляпки, декорированные двойным рядом крепдешиновых лент в виде цветка.

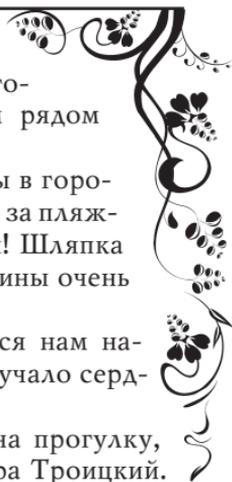
— Женщины разучились носить шляпы в городе, — замечает мама. — Они принимают их за пляжный или претенциозный аксессуар. А зря! Шляпка делает женщину загадкой, которую мужчины очень любят разгадывать...

— Мама мия! Посмотри, кто движется нам навстречу! — от неожиданности у меня застучало сердце.

По Пушкинской, куда мы завялялись на прогулку, навстречу нам шел директор нашего театра Троицкий. Слово «респектабельный» очень точно определяло его облик.

Сегодня имя этого представительного человека связано с амбициозной должностью, а лет тридцать назад — это был стройный, безмерно обаятельный актер, легко управляющий настроением публики и получавший цветочные букеты с любовными записками от поклонниц. Звонки, статьи-панегирики в его адрес, охота после спектакля на улице ради автографа, многозначительные «ахи» за спиной — кому в молодости это не доставляет удовольствие?! Для Троицкого быть поклонником красоты одного какого-то вида тогда означало экологическое невнимание к природе. И он ей внимал.

С годами он стал сдержаннее. У него появился свой стиль — одеваться у лучших портных и жить в доме, построенном по собственному проекту. Он жил со своей семьей довольно обеспеченной жизнью в двухэтажном доме в районе Нахичевань, имел собственный шикарный «Шевроле» и дорогую привычку отдыхать каждое лето

за рубежами нашей Родины. Он предпочитал Францию. Оттого и одет был стильно и дорого.

Однако мир заморской знаковой системы, обольстив, не лишил его коммуникабельности с соотечественниками невысокого материального достатка. Более того, вся его театральная жизнь, пропущенная через умную голову, отложились там настоящим смыслом жизни.

Справедливости ради надо сказать, что Николай Михайлович — заслуженный деятель искусств — дочь и сына воспитал людьми не богемными, но и не простодушными. К «пиитам — мечтателям праздным» члены семьи не относились.

Свернуть с дороги было некуда и поздно. Мы улыбаемся друг другу.

— Здравствуйте, сударыни! — любезно раскланялся Николай Михайлович.

— Здравствуй, Коленька, здравствуй, мой дорогой! — мама обняла его как родственника. — Ты что же не на службе?

— Живу в удовольствие — в отпуске. А у вас какие новости, красавицы?

— Да, все по-старому. Главную новость ты, наверное, знаешь: Алешка наш женился.

— Вот как? Так он ведь...

— В двадцать лет! В лучших шекспировских традициях, — гордо выпалила мать. Все-таки она у меня дипломат высочайшего разряда.

— А мои внуки никак. Не женишь, паразитов, разгулялись. Алла, ты прекрасна, у меня растет кровяное давление от твоей шляпки. *Que vousetes charmante!* (как вы сегодня очаровательны!)

— *Est-ce vraie?* (правда?) — поддержала тон мама.

— Правда, моя дорогая, истинная правда! *Ge vous en prie, mesdames* (прошу вас, дамы), — Николай Михай-

лович сделал галантный жест рукой, приглашая нас присесть за столик уличного кафе.

— Merci.

Официантка, увидев дам в шляпах, их лощеного спутника в светлом костюме, а затем, услышав фразы по-французски, торопливо принесла нам папки-меню, и услужливо заулыбалась, наверное, решив, что мы иностранцы. Но тут директор довольно громко нарушил ее экономические ожидания.

— Вы, наверное, подумали, что я настоящий француз? Я — старый еврей, который любит угощать красивых женщин кофе с пирожными. Сварите нам по чашечке кофе «Кон Лече» и принесите ваши фирменные пирожные.

Официантка поспешно кивнула и приняла заказ.

Троицкий, удовлетворенно окинув взглядом корпус девушки, важно заложил ногу за ногу и раскурил сигарету.

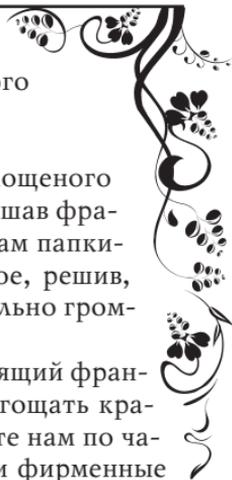
— Кофе — это фундамент утра. Он стал для меня как утренняя молитва.

— Коля, это называется — болезненное пристрастие.

— Да, девочки, я пристрастился к этому напитку, и хочу, чтобы вы оценили его вкус. Он меланж: с корицей и вспухшей белой шапочкой от молока с сахаром. Они его, к сожалению, не сварят, хоть и обещают сварить, а приготовят во френч-прессе. И я его так делаю дома. Но утром это самый божественный напиток. — Николай Михайлович говорил как гурман, а потом резко перевел взгляд на меня.

— Рита, а ты как, работаешь? По театру не скучаешь? — старый ловелас смотрел на меня, не особо скрывая свое восхищение.

— Привыкаю к другой профессии.

— Ага, значит, признаешь, что напрасно нарубила дров?

— С чего вы взяли?

— К любимому делу долго не привыкают.

— А я в профессиональном плане опыта набираюсь. Нет, правда, коллектив, у нас хороший, ребята славные учатся. Вроде бы все не зря...

— Вот видишь, «вроде бы». А была бы компатриотом своей педагогики, интонация бы поменялась.

— Коля, ну а ты-то как? Выглядишь хорошо. Как семья? — мама попыталась перевести разговор в другое русло.

— Семья, слава богу, в порядке. Оля в Питере в Малом театре, и я рад, что она развивается в хорошем городе, в прекрасной среде. Толя, ты знаешь, освоил свою целину — в банке работает, обеспечивает моих внуков. Мы с женой держимся, стараемся не болеть и не жаловаться. Она всё диеты практикует, форму держит, и я с ней заодно.

— Передавай Соне большой привет. Знаешь, я всегда тайно завидовала вашему семейному контакту и твоей мудрости. Столько актрис вертелось около тебя, а ты и той подмигнешь, и этой улыбнешься, а от Сони никуда. Молодец, Коля.

— Алла, я всегда считал, что Соня — восхитительная женщина и идеальная мать для наших детей. Но она еще и мой неизменный помощник в работе.

— Слушай, Рита, — подытожила мама, — эти слова он повторяет всю свою жизнь как молитву. Кстати, Коленька, а как там в театре?

В этот момент официантка принесла дышащий изумительным ароматом кофе. Николай Михайлович, видимо беря тайм-аут, поднес чашку кофе себе под нос, втянул

его запах, как запах божественного цветка, зажмурился и произнес:

— Пробовали ли вы когда-нибудь такое кофе?

— Коленька, — вкрадчиво защebetала татап, — в театре теперь говорят «это кофе»?

Напоминание об орфоэпии вернула Троицкого на землю.

— Этот кофе, вне всяких правил. А что касается театра... Знаешь, на первый взгляд, вроде бы ничего особенно не изменилось. Но работать намного сложнее стало.

— Неужели на старость пожалуешься?

— На бюрократов жалуюсь. Сплошные отчеты, бумажки, проверки — им несть числа.

— А коллектив как?

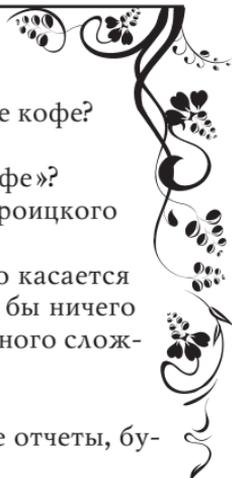
— Коллектив... У нас когда-то, помнишь, Алла, был такой коллектив! И сейчас вроде бы все нормально, а в зале бывает пусто. Понимаешь, главреж талантливый, работает, как зверь, ну, ты знаешь. А зритель в театр идти не хочет. Боремся за зал, план с трудом делаем!

— Николай Михайлович, — неожиданно для самой себя я решила высказаться, — а какого же зрителя вы ждете? Если молодежь, то она комедийный репертуар предпочитает в домашнем видео или киноварианте, а старикам-театралам теперь не по карману регулярно в театр ходить.

Видно было, как директор смутился от такого откровения.

— Ну, у нас сегодня репертуар объемный, да и художественные требования выдерживает...

— Он большой, но не объемный. Это хорошо, что в нем много классики. Но должна быть и тонкая психологическая тема. Посмотрите, как люди читают психологическую литературу. Она же раскупается влёт!

— Ты считаешь, что у нас психологическая тема ушла?

— Считаю, Николай Михайлович, Вы уж простите меня. Хоть спектакли и выдерживают художественные требования. Не знаю, чего это я такой разбор устроила...

— Нет, Маргарита, продолжай. Мне интересно слушать тебя — у тебя артист внутри сидит на генетическом уровне.

— Потому что я дочь Чудновых?

— Да, да поэтому. Тебе с генетикой повезло. А сейчас ты, возможно, и ситуацию нашу чувствуешь лучше меня. Со стороны, что ли.

— Знаете, Николай Михайлович, я ведь не из театра тогда ушла, а от потока простолюдинов в театре. От самодеятельности. Мне тогда нужна была настоящая психологическая нагрузка, чтобы можно было погрузиться в роль, как в омут. А от меня требовали трафарет, придуманный какой-то актрисой N, игравшей в городе N и получившей высокую оценку товарища N. Внешние признаки, понимаете?

Наш директор оторопел.

— Ты считаешь, у нас этика сломалась?

— Сломалась, но не сама по себе. Главный режиссер театра — это лицо театра. И появляться он должен в коллективе не из числа заезжих гастролеров, калифов на час. Он должен хорошо знать всю труппу. И любить, если хотите, всех, отдавая должное каждому по его заслугам.

— Проблема в Неведовском, думаешь?

— А он как видит высшую цель своей профессии? Быть катализатором репетиционной работы? И все?

Троицкий молчал. Но, несмотря на мою резкость, не нахмурился, как это ему свойственно, когда приходится слушать неприятные вещи. Может быть, что-то между ним и Неведовским все-таки пронеслось, что он стал

прислушиваться к характеристикам главрежа? Я решила продолжить оглашение приговора — терять-то мне уже нечего, тем более что директор только что сказал, что я «со стороны». А прошло-то всего ничего...

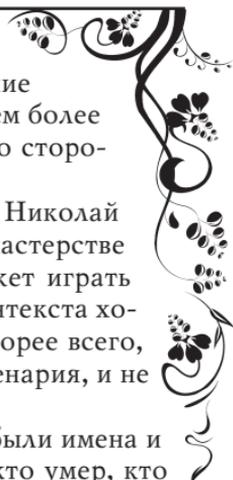
— Ваша проблема наполняемости зала, Николай Михайлович, еще и в исполнительском мастерстве актеров. Если актер недалек, как он может играть классику, пусть даже комедийную? Он контекста хорошей вещи не видит и не слышит. Он, скорее всего, ничего, кроме этого произведения или сценария, и не читал.

Когда я только пришла в театр, у нас были имена и личности. А потом, кто уехал в Москву, кто умер, кто спился, кто... И главреж сделал ставку на молодежь. Молодежь, студийность — это хорошо. Но почти не осталось актеров, у которых их профессия — самая главная цель в жизни. Их стало так много, что ушел престиж профессии. А Вы помните, насколько интеллектуальные это были люди? Это же была в самом лучшем смысле творческая элита. Впрочем, это проблема повсеместная. Вот, например, Неведовский заявлял: актер должен быть глиной в руках режиссера. Но ведь это глупости. У Карабаса-Барабаса такие актеры. Но Вы-то понимаете, что если актер не соавтор замысла, если он не импровизирует на сцене, то грош цена всему спектаклю!

— Вот импровизируют они как раз слишком много. Мне кажется, если бы текст «Гамлета» был написан в прозе, они бы произносили его так: «Видите ли, быть, или не быть — вот, знаете ли, в чем вопрос».

— Так вот почему Вы боитесь «Гамлета» в репертуар включить?

— Язвишь?

— Не буду. Я имела в виду не словесную чепуху, хотя и это неуважение к авторскому тексту — плебейство. Я о такой импровизации, когда у зрителя душа и совесть горят после выхода из зала. Слышите, как говорит последователь школы соцреализма? — на последней фразе я позволила себе кокетливо улыбнуться.

Он тоже улыбнулся, но посмотрел на меня уже строже и внимательнее.

— Да и театральная критика замолчала, пишут по нашему заказу — тысяч двадцать-тридцать полоса, как договоримся. Неужели, ты права, Маргарита?! Я вот думаю, почему люди потеряли смелость? Почему они не говорят так, как говорили мы, не шушукаясь по углам и не отказываясь от своей точки зрения при столкновении нос к носу? Чего они боятся, что их победят? Зачем нам их «интеллигентное» молчание? Уж лучше бы выругались от души — в споре рождается истина.

Мама внимательно наблюдала за нашим диалогом, а потом все же вставила свое золотое слово.

— Ты, Коля, совсем замучился со своими материально-техническими обязанностями. Зачем ты только согласился на эту работу тогда? Ты ведь первоклассный актер!.. Ты ведь и сам ругаться не умеешь, сглаживаешь острые углы.

— Да, Алла, но не думай, что я выгорел до основания. Знаешь, на том этапе жизнь выдвинула новые проблемы, новые требования, а перспективу их развития увидеть можно не сразу. Но я вот что думаю. Давайте-ка, актриса Сергеева, назад подавайтесь.

— Чтобы «гавкать» правду на вторых ролях? Ни за что!

— Не поняла ты меня. Я о тебе как о режиссере сейчас подумал.

— О режиссере театра?

— Вы на полном серьезе предлагаете?

— Ну, только что не в служебном кабинете. Будешь моим союзником?

— А как же Неведовский, Упоров?

— Ну, во-первых, Упорова уже нет в театре, его пригласили в Ярославль на каких-то выгодных условиях, и он вот только что в мае уехал. А, во-вторых, Сергей Васильевич весь объем не вытянет. Сама говорила, что режиссура должна быть разноязычна. Так что соглашайся, пока я не ушел домой. А то еще передумаю, чем черт не шутит!

— Удивляете Вы меня!

— А что ты удивляешься? Будем вместе возвращать театр к достоверности, будоражить зрителя страстями человеческими. Ты повзрослела, опыта общения с молодежью набралась. Нравишься ты мне такая... критичная.

— Честно говоря, я тогда знаете как переживала?

— Что фыркнула и ушла?

— Что в самодеятельность ушла. Что такое драмкружок в школе! Но, между прочим, мы с ребятами звание лауреата получили. Не буду обманывать Вас, я скучаю по сценическому пространству. Но только иногда.

— Маргарита, не торопись делать новые глупости. Ты актриса, но вполне могла бы заниматься постановками.

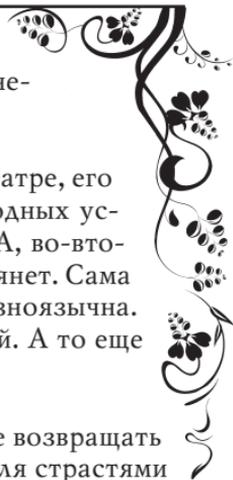
Увидев мою надежду в глазах, Троицкий поспешил добавить:

— Или мне надо искать другого режиссера?

— Николай Михайлович, миленький, да кто же откажется от такого предложения!.. Вы найдете хорошего режиссера! Но... у меня уже другая работа. И я не брошу этот новый мир...

— Школу что ли? — пренебрежительно нахмурился директор.

— Школа не отпустит меня так быстро, как театр.

*Глава 10.
Ох, уж эта
любовь!..*

Ты пишешь, что выше сил твоих скорбь твоя и ты не можешь понести оной; это правда. Но зачем ты забываешь слова Спасителя нашего Иисуса Христа: Невозможное человеком, возможно Богу.

Преподобный Макарий Оптинский

Однажды вечером к Маргарите прибежал Алешка. Глаза красные, взъерошенный, рубашка расстегнута до пупа.

— Что случилось, сынок? — взволнованно спросила Маргарита.

Он яростно стянул кроссовки и, стуча пятками, вбежал на кухню. Она испуганно последовала за ним:

— Сынок, вы поругались? Ты скажешь мне, в чем дело?

Он открыл воду и стал шумно умывать лицо, потом повернулся лицом к матери красный и мокрый не так от воды, как от слез:

— Она сделала аборт, — в глазах — безнадега, и, казалось, он сейчас встанет на четвереньки и взвояет, как собака, которую выпнули за дверь.

Рита остолбенела: «Вот это новость...».

— Стерва..., — простонал он. — В академический отпуск, говорит, она не хочет — если что...

Маргарите хотелось заткнуть уши, только бы не слышать издержки раннего брака. «Два молодых идиота разрушают то, что еще не успели создать», — сокрушалась она.

— Когда ты узнал об этом?

— Сегодня утром.

— А когда же это случилось?

— Двадцать пятого июня, позавчера. Без моего ведома, как понимаешь, — он опять начал кричать. — Раз она так сделала, значит, не верит мне, не любит меня! Я для нее ничто! Со мной можно не советоваться, мною можно помыкать, как угодно... Можно убить моего ребенка!..

— Она так и сказала, что не любит и не доверяет?

И тут Маргарита внезапно подумала, что они еще так молоды, что они просто не умеют общаться. Они не знают нужных слов, которые могут поддержать, а оттого и не понимают один другого. Дорожить друг другом они еще не научились, а считают себя взрослыми. Но это лишь юридическая взрослость, по паспорту. Живут отдельно, считая себя материально независимыми. Хотя, что там его заработки! Самое тяжелое, что психологически — они еще дети.

В ее мысли опять проникает бессильный крик Алексея:

— Не-е-т! Она плачет про то, что не хотела обременять, слышишь, об-ре-ме-нять ме-ня за-бо-та-ми! Купила мама Леше отличные калоши!

— Она плачет?

— А что толку? Пусть плачет.

— Что же ты творишь?!

— Я?!

— А кто муж в вашей семье, не ты?

— Я не давал повода для недоверия! — он развел в стороны руки и стал похож на большую птицу.

— А вы когда-нибудь со Светой говорили о детях?

— А зачем? Мы женаты, и так все понятно.

— У вас были отношения и когда вы не были женаты?

— Ну, тогда мы не позволяли себе...

— Не «мы», а ты не позволял себе не предохраняться! Так ведь?

— Но сейчас-то мы же-на-ты!

— Ну, знаешь ли... Я думаю, вы виноваты оба!

— Да зачем ты сваливаешь все на меня? При чем тут я?

— Как «при чем»? О каком доверии можно говорить, если ты витал в облаках? Ты ни разу не вспомнил о том, что у мужчины и женщины в браке рождаются дети. Вы оба думали о том, что брак — это взаимоотношения и скрип кровати. Брак, по большому счету, создается, чтобы иметь детей. Ты когда говорил ей, что хочешь их иметь?

Он молча отвернулся к окну.

— И после этого ты смог уйти от нее?

Казалось, поток эмоций трудно было перебить, но вопрос матери озадачил его. Он отрицательно помотал головой.

— Я не смог.

«Ну да. Как я не догадалась: он пришел без вещей», — перевела дух Маргарита.

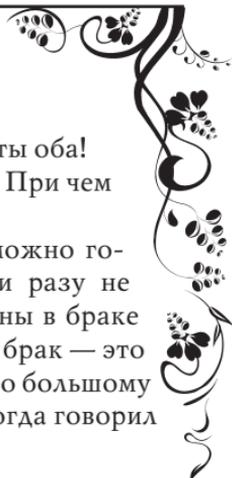
— Хоть это хорошо. Я могу быть посредником между вами, а? — осторожно дотронувшись до его плеча, спросила она.

— Не надо, мама. Не трогай меня. Я сам.

«Сам, так сам, — подумала Рита, — в конце концов, моя задача научить их жить без меня».

— Хорошо, сынок... Ты женился не для того, чтобы оставаться сыном. А чтобы стать отцом.

«В этой безрадостной ситуации хорошо только то, что они оба плачут. Может быть, поумнеют?», — проводила Рита взглядом удаляющуюся фигуру Алешки.

«Открыла для себя новую литературу. Первая педагогическая книжка, которую я прочла четыре года назад — А.С. Макаренко. «Флаги на башнях». Теперь читаю каждую неделю: Ушинского, Сухомлинского, Водовозову, Корчака, Азарова, Ильина, Соловейчика и многих других. Подписалась на журнал «Литература в школе». Вобщем, организовала собственный ликбез.

А недавно вычитала такие строки: «Наши учителя были настоящими тиранами. К молодежи они не испытывали никакой симпатии. Их единственная цель состояла в том, чтобы вбить нам в голову разную чепуху и превратить в таких же ученых обезьян, какими были они сами» Их написал 7 сентября 1942 года Адольф Гитлер в «Майн кампф». И я подумала, что нравственное вырождение человека начинается с поиска виновных в неудавшейся биографии. При этом нерадивый учащийся, бледный, робкий, скрытный, истеричный, исключенный из школы, не обвиняет мать, сделавшую его незаконнорожденным и до тридцати девяти лет закрепившую за ним свою фамилию Шикльгрубер, негласно отлучившую его от своего общественного класса. Он не обвиняет в своих неудачах перезрелого отца, на двадцать три года старшего матери, — своего двоюродного дядю. Генетическая основа не принимается им во внимание. Ставка почему-то делается на тех, кто «должен был» научить жить. В итоге переоценка собственного «Я» и критика учителя превратились в серьезное душевное расстройство человека.

Мне стало страшно. Подобные разговоры я слышала часто, притом от самых обычных людей. У меня были разные учителя — хорошие и плохие. Но я никогда не подводила обобщающую черту: все они сволочи. Наоборот,

доверие и уважение к своему первому учителю оставили хорошие воспоминания в моем сердце. И потом встречались замечательные люди. Мои школьные фотографии хранят их улыбки и строгие взгляды. Они считали, что «прошлое ребенка не входит в его будущее». Но только при обязательном условии отлично организованного коллектива детей в настоящем.

Поэтому я считаю, что на пути каждого человека должен встретиться учитель-организатор, способный сделать ученика счастливым. Человек не может разминуться с ним во времени, рано или поздно они, как правило, находят друг друга. В этом и состоит миссия одних и счастье других.

Мои ученики ведут себя не слишком скромно. Есть споры, есть критика. Но я не обижаюсь и продолжаю думать о них с определенной симпатией. Надеюсь, что и они обо мне тоже. Нам трудно, но замечательно!

Сейчас особенно сложный раздел в моей педпсихологии — «Неразделенная любовь». Как же трудно объяснить им, что невнимание любимого человека — это еще не конец света. Есть родные люди, которые нуждаются в нас, что будут в жизни встречи «не только раз». Сколько ожидания в их влюбленных глазах! Сколько тревог в глазах их мам!

Не ожидала, что смогу так полюбить школу, чтобы отказаться от заманчивого предложения работать режиссером театра. Мама говорила «пожалеешь!», но мне не жалко. Теперь я поняла одну очень важную вещь. Если работа дорога, неважно, какая это работа — актера, учителя, — ни в коем случае нельзя допускать эмоциональные решения: «Я обиделась на вас. Я уйду». Уйти можно тогда, когда сердце подскажет, что нашелся, ну о-о-чень

интересный вариант. Намного важнее и интереснее того, что есть. И мне тогда просто подфартило со школой. А могло бы быть совсем иначе.

И ведь этому меня научила школа — мои максималисты, мои философы, мои альтруисты, мои неформалы. Дети мои!».

31 декабря 2008 года

«Позвонил сотовый телефон. Думала, чье-то новогоднее поздравление.

Незнакомый голос:

— Алло! Это Маргарита?

— Да, я слушаю.

— Вот-вот, послушайте меня, пожалуйста. Не звоните больше Игорю Александровичу Воронцову. Он семейный человек, и Вам не на что рассчитывать, поверьте.

— Это кто говорит?

— Его жена. Не тревожьте его. Вам понятно?

Странно, подумала я, голос бодрый, не убитый горем и уж, тем более, не приговоренный к смерти. Победный голос.

Вот так произошло знакомство с его женой. Я из понятливых, но мне непонятно, как она узнала мой номер?..

Боже, как я сегодня устала!

Позже Игорь позвонил сам.

— Риточка, здравствуй дорогая. Как ты? — дыхание тяжелое: наверное, бежит домой.

— Здравствуй, Игорь. Ничего, спасибо.

— Чем занимаешься?

— Отмечаю черным кружочком субботу шестого января.

— А почему черным кружочком?

— Все наши субботы стали номерными. Шестого января будет суббота номер десять. Но мы с тобой не встретимся, потому что нельзя. Потому что седьмое января — праздник, и тебе надо быть дома.

— Но мы можем встретиться утром или днем, не обязательно вечером.

— Знаешь, я не хочу отмечать свой день рождения утром.

— Ой, Ритусик, — он по-своему выгнул мое имя, — миленький, я забыл, ты же у нас именинница в субботу. Не сердись на меня, извини, пожалуйста, я замотался. Но ты свою субботу черным кружочком не отмечай. Или если уже отметила, подрисуй к нему желтенькие листики, как у подсолнушка. Я приду в гости.

— Игорь, какие гости? решай свои проблемы! Я не хочу лезть в твою семью! — разговор прервала, а слезы катятся из глаз сами собой.

Вот тебе и сильная женщина! Вот тебе и мудрая! А обещала ему, что смиренно буду ждать. Стыдно стало. Может быть, перезвонить и загладить?

Новый год на носу, а дождь не унимается.

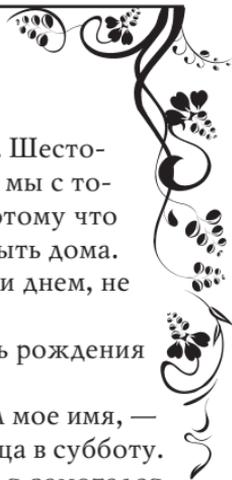
Несбыточный праздник!

Прошло минут двадцать, и вдруг звонок в дверь.

— А вот и я, — у него удивительная способность появляться внезапно. — Снегурочка, я тебе елку принес. Нравится?

— Очень нравится!

— Тогда куда прикажете поставить, сударыня?

Но особых указаний вовсе не потребовалось. Он тут же сам выбрал место в комнате:

— Вот здесь ее место!

— А наряжать вместе будем?

— Я ее установлю. А наряжать — это женское дело, поэтому ты сама.

— А как же угощение для Деда Мороза?

— Рюмочку выпью, если поднесешь.

От такого радостного сюрприза я побежала в кухню быстро собирать на стол, а он начал возиться с установкой елки.

— Иди-ка, посмотри, что тебе под елочку Дед Мороз положил, — хитро щурясь, позвал он меня в комнату.

— Какой подарок, еще ведь не Новый год?

— Ритусик, ну тебе же не принципиально сейчас или в двенадцать ночи, правда?

Из маленького красного мешочка я достала бархатную зеленую коробочку, в которой сияло элегантное золотое колечко с желто-коричневым раухтопазом, обрамленное мелкими циркончиками.

Я торжествовала. Он думал обо мне, старался сделать красивый необычный подарок!

— Любимый, ты — чудо! Но я тебе тоже приготовила подарок.

Когда он открыл футляр, в котором лежала именная серебряная ложечка, он воскликнул:

— У меня такая была в детстве. Ни у кого не было, ни у мамы, ни у отца, а у меня была. Только надпись на ней была другая: «На здоровье!»

После недолгих посиделок он решительно встал, потом, стремительно проглотив рюмку коньку, закрыл глаза и на мгновение остановился. По его лицу поползла полуулыбка расслабленности и удовольствия.

Я уткнулась ему в грудь:

— Я ревную тебя к твоей жене.

— Ну не надо, прошу тебя. Давай договоримся — это у меня сейчас такая роль. Ты как актриса должна понимать — у меня роль супруга.

— Ничего себе, роль! Ты ведь ее целуешь, обнимаешь, спишь рядом?

— И ты на сцене тоже целовала и обнимала, да? И никто ведь не кидался на тебя в гнев: «Посмотрите на нее, она замужняя женщина, а целует и обнимает мужчину!» А сплю я именно рядом. Татьяну перевели на инвалидность, Рита! Ты должна меня понять.

Его объяснение мне показалось убедительным: «Наш бронепоезд стоит на запасном пути».

— Честь имею, сударыня! — вскинул руку к воображаемому козырьку, залихватски повернулся на каблуках.

Я не сказала ему о звонке Татьяны».

— Ты уходишь? Куда? — Татьяна заломила уголок страницы пособия для практикующего психолога, которое читала, приподнялась на подушке и окликнула отпирającego дверь Игоря.

— Я скоро приду.

— Как скоро, Игорь, ты можешь мне сказать? Денис обещал пораньше прийти, к ужину.

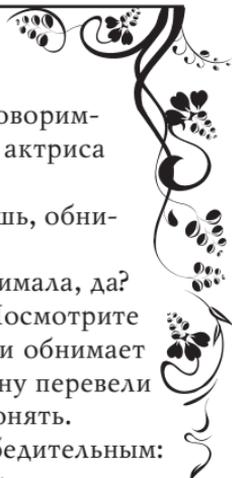
— У меня срочный вызов в больницу, — проговорил он ей, стоя на пороге.

— А я не слышала звонка.

— Ты же говоришь, что спала, — нашелся он.

— Спала, спала. А что там стряслось, дорогой?

— Больной поступил с травмой головного мозга.

— А дежурный врач сегодня кто?

— Таня, какая тебе разница? отдыхай, я же сказал, что приду.

Он запер дверь и устремился к Маргарите на день рождения.

Татьяна почувствовала, что Игорь соврал: «А благоухает-то как! До сих пор запах в прихожей». Теперь она лихорадочно думала, что делать.

«Он мог уйти, не оправдываясь, сказав все, как есть, Дениса дома нет. А все-таки выдумал свои дурацкие объяснения», — но обида не давала ей успокоиться.

«Он опять с ней», — но она не знала Маргариту и представляла себе распущенную медсестру, какие часто вешаются на состоявшихся докторов.

«Скоро придет сын, мне нельзя показать, что я с ума схожу. Надо довериться времени, — уговаривала она себя, — время все вылечит. Только никаких упреков и никакого гнева. Только не сорваться!».

Вдруг она услышала, как на лестничной площадке открылись створки лифта, радостно заскулил Патрик, а потом в замке снова повернулся ключ.

«Ну, вот, он забыл что-то, зачем-то вернулся?», — размышляла Таня.

— Мапочка, это я! — зажурчал голос сына в прихожей. — Я принес тебе что-то вкусненькое!

Сын показался на пороге спальни, держа в руках шестаящую целлофаном корзину с огромными красными яблоками и помпезно свисающим зеленым виноградом.

— Завтра Рождество. А сегодня мы накроем роскошный стол. В холодильнике деликатесов хоть отбавляй: отец позаботился. А где он, кстати?

— Ушел в больницу. Ты же знаешь, какая у него работа? Ни сна, ни отдыха измученной душе.

— Я ему сейчас позвоню на мобильный. Когда он придет?

Денис набрал номер отца, но компьютерный женский голос заученно пропел: «В настоящее время абонент не может ответить на ваш звонок. Пожалуйста, позвоните позже».

— Связи с ним что-то нет. Ну, ладно, придет.

С момента операции прошло уже достаточно времени; Татьяна соблюдала диету и чувствовала себя хорошо, и члены ее семьи давно заметили улучшение состояния здоровья, что давало надежду на исцеление от грозного недуга. Она поправилась, посвежела, ела с аппетитом, часто даже шутила по поводу своей болезни.

Теперь, когда она перебралась к Игорю, у нее обновился гардероб, появилась хорошая косметика. Она обрела семью, активно возвращавшую ее к жизни.

Мать и сын, не дождавшись к ужину отца, сели за стол вдвоем, а Патрик примостился рядом Денисом. По его пуделиной логике надо было радоваться тому, что есть, всех любить и все терпеть, и тогда хозяева обязательно оценят его верность. Но это логика собачья, а людям обязательно нужно подтверждение ненепрасности их усилий.

— Отец, по-моему, смягчился, да, мама?

— Наверное, — усталым голосом произнесла Татьяна, воспринявшая факт отключения мобильного раздраженно. Внутренним взором она видела, как сейчас у Игоря на коленях сидит молодая девица, и как он млеет. В ее фантазии ворвался голос сына:

— Я сегодня понял, что я без тебя не могу, мамочка. Я был в церкви и поставил свечу Пантелеймону-целителю за твое здоровье. А сейчас хочу выпить за тебя!

Денис поднял хрустальный бокал с красным вином и сделал один глоток.

«Господи, прости меня! Зачем это я делаю?» — застонала ее душа, но рассудок не хотел отступать:

— А наш целитель где так долго пребывает? — томясь ревнивым чувством, Татьяна набрала номер Игоря. Телефон, по-прежнему, не отвечал. «Все равно я дозвонюсь ему. И та пусть знает, кто в доме хозяйка!».

Сын отцу доверял:

— На работе он, мам. Ты же знаешь, он у нас трудоголик.

— Я не понимала этого никогда. Сейчас говорят, что это даже вредно.

— Ты должна научиться понимать его!

— Нет, сейчас я его понимаю! У него здоровый вид, респект: он нравится женщинам. А я... невзрачная стервоза, которая каждый день мельтешит перед глазами в домашнем халате.

— Мамочка! Ну, во-первых, ты у меня очень красивая, и халат тебе идет. А во-вторых, отец не пьет и не курит — вот и вид у него здоровый. Он мне рассказывал, как ему было плохо одному без семьи.

— А не рассказывал про свою пессию?

— Он рассказывал, что искал женщину, похожую на тебя, но не смог найти, — тактично соврал Денис.

— Зато непохожих было пруд пруди. Да?

— Мам, ну ты ведь разумный человек. Если бы у него были серьезные отношения, он бы подал на развод. А раз ваши отношения официально не разорваны, то это не развод, а разъезд. Как на дороге, знаешь, съехались, разъехались, снова съехались. Но дорога одна.

— Ну, Денис, тебе дипломатом надо быть!

Они сидели еще долго — Денис строил планы их дальнейшей жизни, Татьяна в них верила.

Игорь пришел к Маргарите поздно, запыхавшийся и улыбающийся.

— Ну вот, а день рождения уже закончился, и все ушли по домам, — с напускным разочарованием она закрыла за ним дверь квартиры.

— Я долго шел на запах твоего тела.

Она, сдерживая желание, повернулась с его букетом в комнату, поставить цветы в вазу, но он перехватил ее одной рукой, прижал к себе и, не оглядываясь, быстро положил розы на тумбочку у зеркала. «Боже, я стала его любовницей, женщиной для радости... Но я таю от его прикосновений...», — дрожали ее колени. Его руки обвивали ее мягкое тело, а губы ласкали дыханием шею, плечо, грудь... И тело уже не слушалось доводов разума: «Это последний раз, он женатый человек». Ее душа шептала, что она создана только для него. В долгожданном восторге она стала частью его плоти, и, ощущая сладкую боль импульсов страсти, они боялись отпустить друг друга. «Как бы я любила твоего ребенка!», — требовала душа. Мысли, что соседи подумают «там такое творится!» убегали молниеносно. Мир застилался пурпурной пеленой, не знающей унижения и стыда.

Потом, когда наступала развязка, он шептал ей, что никогда так не любил и не вынесет расставания с ней. Целуя ее пальчики, согревая под одеялом и обещая никогда больше не расставаться. А она говорила, что хочет за него замуж, чтобы «так, как сейчас, было каждый день»,

и надеялась, что теперь-то он точно примет бесповоротное решение.

И не отвечала на странные звонки с неизвестного номера далеко за полночь.

Под утро Игорь засобирался домой. Обещал позвонить «как только...», разнял ее руки и ушел.

Она смутно догадывалась о том, что долгая разлука иногда так и представляется: «Как только...».

— Неужели весь класс прочел «Мастера и Маргариту»? — скептически воскликнула завуч, просматривая сочинения ребят, собранные после урока Сергеевой. — Вещь объемная. Они сейчас и тоненькие книжечки не больно-то читают.

— Я могу сказать только о тех, кто писал эти работы, — резонно ответила Маргарита Алексеевна. — Это двадцать один из двадцати трех.

— Маргарита Алексеевна, ну, если это так, то это результат! А как у Вас работает Луговых?

— Старается и работает. Мне кажется, он очень изменился.

Неожиданно на литературе открылась еще одна звездочка — Вадим Луговых. По виду рыхлотелый, похожий на Пьера Безухова, с проблемным здоровьем, а рассуждает, как философ.

— Некоторые учителя жалуются, что он молчит, — продолжала завуч.

— Математик, наверное, и англичанка? Им хочется, чтобы все бегом бежали. Он молчит, потому что думает, не спеша. Он аут. Он из тех ребят, которых не нужно

подгонять. Они медленно, но верно повзрослеют. Посмотрите его работу.

Соболева нашла в стопке сочинений работу Вадима Луговых и сначала читала ее про себя, а потом прочла вслух: «Маргарита добилась того, чего добиваются многие женщины: она заполучила для себя Мастера навсегда. Она даже не задумывалась о том, что ее настойчивая любовь убьет его личность. Конец романа летальный: Мастер умер навсегда в стране Покоя».

Елена Петровна подняла глаза из-под очков на Сергееву и спросила:

— А что, разве возможна такая трактовка окончания романа?

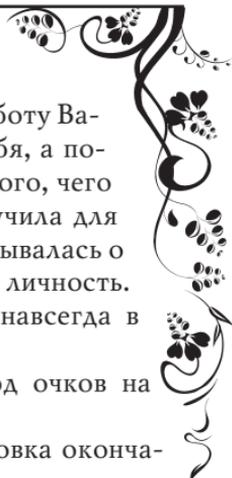
— Роман сложен, Елена Петровна. И мы с ребятами не расписывали его по строгим схемам, а совершали в нем открытия. Вот и Вадим сделал свое открытие великой любви Мастера и Маргариты. Он считает, что страна Света стала недостижима для неустремленного к творчеству Мастера. Он попал в страну Покоя. Вряд ли в стране Покоя Мастер сможет окончить свой роман.

— Я никогда не думала, что может быть такая интерпретация Булгакова...

— Я тоже была зациклена на «огромной и всепобеждающей любви». А сейчас думаю, что дарованная или завоеванная тишина — это погост. Сейчас я — за крылатую надежду. Как и Вадим.

— Хм... Посмотрим, что Нина Яковлева написала, — завуч решительно стала рыться в работах школьников.

— А Яковлева как раз про «огромную и всепобеждающую любовь», — остановила Маргарита Алексеевна поиски Елена Петровны. — Кстати, не только у нее такая трактовка.

— Какая такая?

— Дистиллированная что ли, не живая, не спорная.

— Выходит, что Луговых мыслит нестандартно? Как же Вы нашли к нему ключик?

— Интонацией, наверное.

— Импровизацией, вы хотите сказать! — в реплике Елены Петровны уже не было ни ехидства, ни сарказма, а сквозило чисто профессиональное желание постичь очевидное авторство Сергеевой. К счастью для Маргариты Алексеевны, интонация Соболевой была лишена учительского соперничества и ревности.

— Нет, не импровизацией, а именно интонацией, разорванной паузами-вопросами. А возможности каждого образа безграничны. И еще. Когда я шла на работу в школу, я почему-то думала... Но ведь это естественно, поскольку разговоры о школе уже давно ходят не самые хорошие. Так вот, я думала, что сейчас школа — это хаос, в котором нет системы дистанций, где ученики не слышат учителей, а учителя беспомощны и глупы. А оказалось, и мне приятно это осознавать, что здесь все по-прежнему синкретично, как и в мои школьные годы. Внешний и внутренний миры в полном единстве. Есть свои проблемы, но есть и свои «плюсы».

— Знаете, Маргарита Алексеевна, — осторожно начала Соболева, — а я раньше думала, что Вы не учитель, а просто актриса. Когда Вы часы литературы взяли, ну, думаю, даже если дети не будут целиком программу осваивать, то будут ходить, как в лекторий и хоть послушают стихи и прозу в хорошем исполнении. Это тоже немаловажно. Думала, что на уроках больше Вы исполнять будете, чем они. А сейчас Вы меня по-настоящему удивили!

— Вы правы, мне порой очень не хватает чисто педагогического образования. Но я стараюсь эту брешь закрыть чтением бабушкиных методичек и новенькую литературу покупаю.

— У Вас осталась литература Натальи Станиславовны?

Сергеева кивнула и добавила:

— Мне бы не хотелось терять часы литературы, понимаете?

— Маргарита Алексеевна, для осуществления преподавательской деятельности, конечно, требуется соответствующий диплом. Но вот что я Вам скажу. Где бы Вы ни учились, все равно окажется, что знаний мало, даже если их много. А потом. Основная нагрузка у Вас на кружковой работе. А для этого Ваш диплом в самый раз. Работайте спокойно, результаты у Вас, хоть и без педагогического образования, хорошие. И кто знает, что важнее — педагогический диплом или человеческое чутье. А на будущий год будем планировать Вас на курсы повышения квалификации.

«Теперь мы с Игорем не видимся и редко звоним друг другу. Он говорит, что проблемы в семье...

Я не хочу быть еще одной его проблемой. А может быть, я уже и не люблю его?

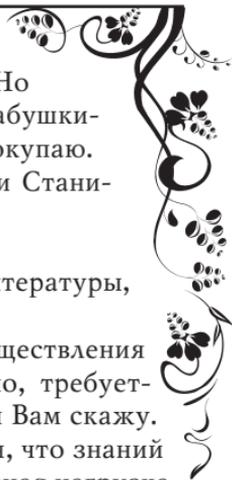
И он тоже? просто проводил со мной время.

— Ну, чего ты плачешь? — спрашивал он меня.

— Я плачу от радости.

— Ты забыла, что я тебя люблю?

— В этом моя беда.

Восьмого марта я случайно видела его с семьей в магазине «Проспект» на Ворошиловском. Скорее всего, они ездили за подарком Татьяне. Кстати, у его жены вполне здоровый вид. Я бы даже сказала непристойная молодость. Никакой неминуемой судьбы в ее глазах не читается. Еще бы! Теперь у нее хороший врач...

Она что-то говорила и льнула к нему, а он слушал ее и улыбался. Он улыбался ей, как когда-то мне. Они не смотрелись, как молодожены рядом с взрослым сыном, но сразу видно, что они — семья.

Он меня не заметил. Я прижалась к стене и не могла сдвинуться с места, а только и думала: «Только бы не заплакать, только бы не заплакать!»

Сдохнуть можно!

Потом написала ему вечером sms-ку: «Боливар не выдержит двоих». Он в ответ переспросил, кто из нас Боливар. Я не стала уточнять. И переписка прекратилась».

«Тоска протянулась через все весенние каникулы. Чтобы развеять ее, я стала ходить по улицам.

Я боюсь одинокой старости. Наверное, этого боятся все. Но одни успевают об этом подумать довольно рано. Другим везет больше. Почему?

Странно, но я полюбила свои одинокие прогулки. Оказывается, одиноко хожу не одна я. Вон какая интересная женщина — тоже одна, и вон... А вот! Совсем молоденькая... У каждой из них, наверное, тоже не сложилось так, как хотелось. Но это не значит, что жизнь прошла или стала бессмысленна.

В конечном счете, мы все приходим в этот мир одинокими и так же одиноко уходим из него, каждый в свой

срок. Придет время, когда я буду жить с попугайчиком, говорят, это очень общительная птица. А потом невидимая и могучая рука подберет меня своею ладонью и вырвет из этой золотой клетки под названием Жизнь».

Поздним апрельским вечером зазвонил городской телефон Маргариты. Внезапные звонки — это всегда тревога. Короткие гудки — значит, междугородний вызов. В трубке — надломленный голос Петра Николаевича Сергеева:

— Рита, ты?

— Да. Что случилось?

— Тамары Константиновны не стало.

— Когда? — прошептала Рита.

— Сегодня, пятнадцатого апреля, в восемь часов вечера. — Голос, который держался сурово, вдруг треснул. — Рита, я один остался. Тома ушла к Володьке.

— Петр Николаевич, когда похороны?

Но трубка затихла, а потом нудно загудела.

Семейный совет Чудновых-Сергеевых собрали вне субботнего плана. На похороны, или как теперь получится, делегировали Алешку, и на следующий день проходящим поездом со станции Первомайская он отправился отдавать долг умершей бабушке.

Вернувшись через неделю в Ростов, умытый слезами и переполненный родственными чувствами, он привез с собой старый школьный портфель Владимира, аккуратно сохраненный в отцовском доме и пачку его детских фотографий. Он рассказал, что бабушка Тома последнее время не жила, а существовала. Порывалась голодать,

чтобы ускорить жизненный процесс, пила горстями разные таблетки, но все равно продолжала держаться. Только в последние два месяца она перестала узнавать родственников и знакомых и не могла даже написать свое имя. Наконец, Бог услышал ее молитвы, и она ушла в путь Всяя Земли с последними словами: «Вот и ладно».

Теперь они с Владимиром не расстанутся никогда.

Дед Петр прописал у себя свою внучатую племянницу Ирину Сергееву, которая будет помогать ему вести нехитрое хозяйство и коротать оставшееся жизненное время.

«Старость — не радость, — повторял он своему внуку. — Это спокойствие души, если она осенена любовью и пониманием. И большое горе, если ничего этого нет».

16 апреля 2009 года

«Я не была на траурном шествии по случаю похорон свекрови — Тамары Константиновны Сергеевой (Залищук). Но мое отсутствие было восполнено Алексеем. Это моя драма. Мы так плохо знали друг друга. И все же я обязана матери моего бывшего мужа шестнадцатью годами своей замужней жизни.

Мы не любили друг друга. Но у нее есть продолжение рода, о котором позаботилась я».

«Одиннадцатое июня 2009 года, четверг.

В этот день я познакомилась с Игорем Воронцовым на юбилее Лидии Григорьевны Румянцевой.

Царство небесное Лидии Григорьевне!

Да и нашим отношениям с Игорем. Наверное, так лучше.

Лидию Григорьевну мы похоронили третьего июня, на прошлой неделе. Скоротечное воспаление легких. Она умерла в больнице при нас с мамой. Очень тяжело видеть смерть.

Промчалась еще одна жизнь — календарь мгновений, которые летят от сентября до сентября, как листопад: десять лет, двадцать, сорок, пятьдесят... 50 лет учительства!

Листая биографические странички, задумываешься о том, что останется доброго и красивого другим. И в этот момент приходит мысль, что самая лучшая должность — быть просто человеком на Земле. Чутким и искренним, добрым другом и верным спутником.

Как жаль, что у нашей семьи и нашей школы не стало хорошего человека! Она была для меня учителем оптимизма. Когда я пришла в учительскую и услышала от некоторых «терпеть не могу Петрова или Сидорова», «что я должна за такую зарплату», а потом зашла она, никогда не упускающая возможности быть лучше с теми, кто рядом, я подумала, что, если когда-нибудь буду брюзжать, то я уйду из школы. И как приятно было превозмогание серости и агрессии!

Людей на похоронах было много, плакали, вспоминали добрым словом... Но когда узнали, что свою квартиру она завещала мне, начали перешептываться и находить свои доводы: «Ну, да... ну, да. Детей-то своих не было и родственников никого. Вот и подарок тебе, Маргарита. Не зря ты к ней бегала частенько».

Я не просила ее об этом никогда. Это ее воля. Просто я всегда считала ее своей бабушкой, а она меня своей внучкой. Что ж, завидуйте!».

Вечером Игорь неожиданно позвонил Маргарите. Разговор шел внатяжку и в переменившемся тоне. Он спрашивал — она отвечала. «Как дела?» — «Нормально», «Чем занимаешься?» — «Домашними делами», «Как себя чувствуешь?» — «Хорошо». Все условные темы были исчерпаны, и он никак не мог разговорить «ту Риту», у которой певучий и журчащий голос, быстрые мысли и фразы. Он понял, что теперь она видит его в другом свете и попросил:

— Поедем в субботу на рыбалку! помнишь, как тогда?

— Не знаю, — ответила она голосом, как после долгого и скучного кино.

— А может быть на Павло-Очаковскую? Поедем, пожалуйста.

— Может быть, как-нибудь в другой раз...

— Тебе все равно, куда ехать, или ты не хочешь видеть меня, — он разочарован и не мог скрыть этого.

— Игорь, я никуда не поеду с тобой, — ее голос прошептал тихо, и он не услышал, как она заплакала.

— Ты сердисься на меня, да? Но ты помнишь...

— Игорь, мне лучше забывать. Я уважаю твой выбор и не сержусь, не беспокойся, — ее кажущаяся невозмутимость давила ему затылок.

Телефон замолчал.

«Это молчание — навсегда», — говорил он сам с собой. Он устал. У него болят ноги. Он ищет сочувствия. Он запутался вконец! «Прости меня, родная моя, я заигрался...»

Прохожие оборачивались на осунувшегося, заросшего белесой щетиной старика, обреченно плетущегося по набережной, сам не зная куда. Им было невдомек, что

всего за несколько часов этот энергичный, самоуверенный человек с дорогой мобильной в руках стал старым и беспомощным.

Иногда он останавливался и смотрел в даль черной реки: «Почему я не сберег тот теплый огонек любви, который ты так щедро дарила мне?». Речной бриз сорвал с разноцветных петуний запах кладбища.

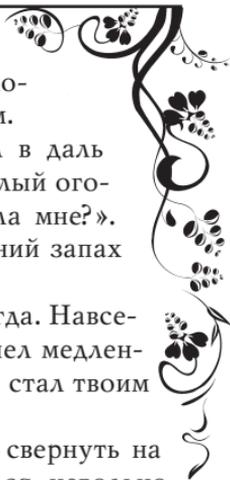
«Ты изменилась. Я потерял тебя навсегда. Навсегда», — жаловались миру его глаза. Он шел медленно, растягивая свою беду по дороге: «Я не стал твоим Мастером, прости меня».

Он брел пешком вдоль реки, пытаюсь свернуть на примыкающие улицы, петлял и возвращался, невольно расталкивая встречных людей. «Вы хорошо себя чувствуете?», — участливо спросил кто-то из прохожих. Мужчина, женщина? Он автоматически ответил «Да» и побрел дальше. «Наверно, пьяный», — послышалось за спиной.

Ему хотелось отомстить всему миру за причиненную боль. Он сверкал глазами на влюбленных, хихикающих и милующихся на лавочках: «Куда вам понять, что такое любить? Что такое искать всю жизнь, а потом найти и потерять? Сидите и ломаете комедию друг перед другом. А я жил!».

Он молил Бога, чтобы Он не отбирал его Маргариту. Но Бог не слышал его, и он стал атеистом. Вот так, в одночасье.

Голова его одеревенела, все тело прошиб скользкий холодный пот. Он упал на скамью, за спинку закинув правую руку, и скорчился от внезапной и острой боли под ложечкой. Пот выгонял его фатум через все поры, промолив грациозно изогнутую скамью.

«Мужчина, Вам плохо? — опять кто-то теребил его руку. — Надо «Скорую», срочно, а то еще умрет прямо здесь!»

Потом он почувствовал свой старый дом на Чехова — там было совсем темно. «Это наша арка, наша стена! За ней должен быть мой дом! Я помню, как вырезал на ней ножичком звездочки.

Старый двор всосал его в себя.

В доме его детства светилось ярко-желтое пятно — кухонное окно его бывшей квартиры на втором этаже. Оно горело и тогда, в его детстве, до тех пор, пока домой не возвращался запоздалый родной человек. Свет становился говорящим: «Тебя здесь ждут, давай скорей!».

Сейчас опоздавшим был он, Игорь Воронцов, и ему стало спокойно, когда родной свет сказал свой пароль. Он, еле шевеля губами, глядя в окно второго этажа, прошептал: «Я... лечу».

Потом он увидел, как из подъезда вышла старушка с черной собачкой неопределенной породы, то ли терьер, то ли так... Она опустила собачку с рук на землю и хлопнула в ладоши. Та побежала к дереву, а Валентина Дмитриевна — так звали старушку — села на лавочку возле него и достала из сумки вязание. Спицы как четки ритмично опускались сверху вниз, невидимо создавая узор из синей пряжи. Синяя нить воспоминаний.

«Бабушка, ты вяжешь в темноте?» — он попытался дотронуться до нее рукой, но рука совсем обессилела и не дотянулась до нее.

Бабушка, наконец, взглянула на него своими серыми глазами, и он оказался с ней в одном неоновом пространстве:

«Здравствуй, внучек», — прозвучал знакомый голос.

Она отложила вязание, приблизилась к нему и сама взяла его за руку.

«У тебя такие холодные пальцы...», — прошептал он, чувствуя всей кожей ее нереальность.

Он знал, что она хочет обнять его, но почему-то не решается.

«Ты мерзляк! Тебе всегда нужно было класть грелку в постель» — его потрясла ее нежность, сохранившаяся в безвременном бытии.

«Мне совсем не холодно. Может у тебя поднялась температура?» — она обхватила его голову руками и прикоснулась губами ко лбу. От ее груди пахло ванилью, как будто она только что испекла плюшки.

«Бедный мальчик! ты весь горишь. Как твоя голова?»

«Раскалывается на части».

«Но у меня нет лекарства, которое тебя вылечит», — в ее голосе было действительное сожаление. Она растерянно шарила в сумке и в ужасе перевернула ее вверх дном и для верности потрясла.

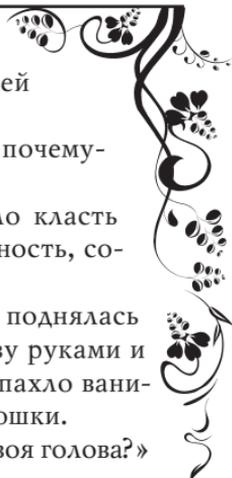
«Меня заберут в больницу?» — смирившись со своей катастрофой спросил он.

«Ненадолго. Это я виновата, у меня нет никаких лекарств. Надо сходить за лекарствами», — она посмотрела на маленькие часики на руке. — Я пойду», — она посмотрела на него невидящим взглядом и пошла в подъезд. Черная собачка побежала следом за ней.

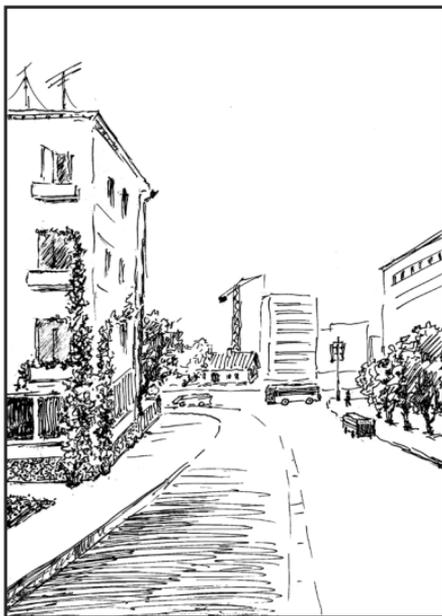
«Плохи мои дела, — подумал он, следя глазами за убегающей Брошкой. — Наша Брошка не узнала меня».

«Бабуля, почему ты не ведешь меня домой? Я хочу с тобой. Домой я хочу!» — голос совершенно не слушался его. Он кричал, а вместо крика из гортани вырывались хрипы.

«Я сейчас», — она уже скрылась в черной пасти подъезда, и откуда-то с лестницы едва слышался ее голос. — «Подожди... придет Маргарита».

*Глава 11.
Второе
дыхание жизни*

*Кто сам за себя мстит,
тот как бы обвиняет Бога в недостатке правосудия.*

Преподобный Марк Подвижник

— Алло, девушка, Вы фамилию-имя-отчество гражданина, который с Вами разговаривал сегодня в семь тридцать вечера, знаете?

— Гражданина? А Вы, собственно, кто?

— Я медсестра из «Скорой». Я звоню Вам с его сотового. Ваш звонок был последним на его телефоне, вот я и набрала. Вы родственница его? как его зовут, знаете?

— Что с ним?

— В больницу везем с сердечным приступом. Врач сказал позвонить родственникам. Вот я и...

— Он жив?

— Инфаркт в ходу. Говорите, как его зовут.

— Игорь Воронцов...

— А отчество?

— Александрович.

— Ой, а это не врач ли Воронцов?

— Да, он хирург.

— Да он не просто хирург. Он чародей! Он мне доченьку шесть лет назад от смерти спас. Я ж каждый день молюсь за него! Господи, да как же это я не узнала его? И брошенный на скамейке на набережной лежал... Степа, как он?.. Это же сам Воронцов, понимаешь? Как не знаешь, нейрохирурга Воронцова не знаешь? Ладно, потом. Надо спасти его, обязательно! Сделай что-нибудь еще, Степочка!

— Сестричка, миленькая, куда вы его везете?

— Да теперь в его больницу и повезем. Дома и стены помогают.

В трубке послышался шум, а потом голоса перебранки с шофером «Скорой». «Не включай сигналку, так езжай!». «Так проще проехать», — недовольно проскулил мужской голос. «Он испугается сирены. Тебе по шее дать?» — оборвал его женский бас, в звучании которого слышалось «твою мать».

Игорь еще ощущал себя существом пограничным, он не понимал, на каком он свете, когда ноздрями почувствовал знакомый фармацевтический запах, окутывающий все помещения больницы. Таинство ночи отступило. «Сколько сейчас времени?» — Он хорошо помнил, как он пробрался без разрешения в невидимый мир своего детства. «Стена дома, подъезд, бабушка со спицами, мне было очень жарко, запах ванили, Брошка, потом все пропало куда-то. Об этом и не скажешь никому, подумают — чокнутый. Крыша поехала... Бабушка умерла в семьдесят третьем, мне тогда было... десять. Я давно не навещал ее могилу на Братском кладбище... Это был не сон. Это что-то другое. Хорошо было там. И какое-то нелепое возвращение...».

«Дед» прислонился к спинке кровати и издали разглядывал черты лица Воронцова, когда тот открыл глаза, осмотрелся по сторонам и, вяло ворочая языком, спросил:

— Где я?

— На работе, Игорек, уже в строю, — «дед» отечески похлопал Игоря по руке. — Правда, пока в горизонтальном.

— Я не помню, какое сегодня число?

— Сегодня, Игорек, — «дед» шумно опустился на стул, — четырнадцатое июня две тысячи девятого года. Вспомнил?

— Такое впечатление, что год прошел...

— Нет, Гоша, прошел один день, — «дед» задумался. — А у меня быстрее время...

В этом месте жизнь, действительно, считается минутами, часами, днями, но не долее.

— Где я был? — Игорь пытался вспомнить происходящее с ним, но мысли летели куда-то прочь.

— А был ты у самого главного врача.

— Как это понимать?

— У Бога был, за пазухой. Спрятал он тебя, полечил и выпустил, — «дед» затрясся плечами, — к нам в реанимацию. Ну, а теперь мы тебя выхаживать будем!

Оптимизм Дедова Игоря радовал.

— Укатали сивку крутые горки!

Игорь кисло улыбнулся.

— Ты прости меня, Гоша, не уберег я тебя, — «дед» повинно опустил голову.

— Вы?!

— Я — руководитель. И должен был видеть, что ты надрываешься. А я, старый дуралей, и понятия не имел, что тебе отдохнуть надо. Только сейчас спохватился: ты ведь у нас и отпуск в этом году не брал! Вот сейчас подлечишься, и сразу в санаторий отдыхать тебя отправим.

— Что у меня?

— Инфаркт, Гоша.

Игорю не хотелось выспрашивать медицинские подробности, а «дед» не детализировал их.

— Не дрейфь, у людей их несколько штук бывает, и ничего. Хорошо, «Скорая» по вызову быстро приехала.

Хорошо, что люди ее вызвали да с пьяным тебя не спутали. А то, сам знаешь, — деревянный костюм.

Игорь сонно скривился на его сомнительное утешение.

— А еще хорошо, что ребра тебе не переломали, когда из клинической смерти выводили. Вот что я скажу.

Игорь закрыл глаза, и на его лице появилась мучительная гримаса.

— Тут твои на пороге стояли, — продолжил «дед», — но я им сказал, что ты спишь — будить нельзя. Лучше пока пусть сходят на рынок за фруктами, витамины принесут. Зачем время тратить на пустые выдумки, правда?

Игорю совсем не хотелось есть, он сжал губы. «Дед» понял жест по-своему:

— Не волнуйся, через три часа они к тебе придут. Слушай, а Дениска как подросток! На тебя похож. Это правильно, что ты его в мединститут определил.

— Не знаю.

— А я знаю, что правильно. В нашем деле важно — не учеба. Нет, учеба, конечно, нужна. Но важнее — передать свой опыт. А это дело на интуиции замешано. Ты ему, я думаю, сможешь помочь. И слова найдешь, и покажешь то, что надо.

— Если он слушать будет!

— Будет, будет. Он мужик, для него важнее дела никогда ничего не будет. У тебя контакт с ним хороший?

— Да ладим...

— Вот и слава богу! Человеку для счастья лад в семье очень нужен. Знаешь, как говорят: «С доброй женой горе — полгоря, а радость вдвойне». Потому и хорошо, что у тебя сейчас все наладилось. Таня вернулась, у Дениса все в порядке. Ну, трудолюбия тебе не занимать, тут ты

у нас тренированный... Только вот, откуда у тебя такие перегрузки?

— Навалилось все... Таня болела долго...

— Болела, говоришь?

— Рак печени.

«Дед» присвистнул:

— Ни фиги себе! И ты молчал?!

— Да что говорить. Спасибо, Андриевский сделал все, что мог.

— Я даже не подумал, что она у тебя так мается, бедолага.

— Да сейчас уже все позади.

— А последствия?

— Иногда жалуется: то голова болит, то тошнит...

Но это все ерунда по сравнению с тем, что было.

«Дед» как-то рассеянно слушал его, а потом огорчился:

— Андриевский, говоришь? Бориска? И такую операцию потянул?

— Потянул.

— Чудны дела твои, Господи! Я не знал бы о том, что ты говоришь, так не доверил бы ему никогда.

— И я бы тоже. Но он собирался только лапароскопию делать, а потом вдруг — раз, и готово. Меня это тоже сначала напрягло, а потом, раз все хорошо прошло...

— А кого же он себе в помощники позвал, не знаешь?

— Фамилию знаю — Флягин.

— А то ведь знать надо восходящих звезд нашего медицинского горизонта...

— Да все нормально уже.

— Интересно, интересно... Ладно, Гоша, ты пока отдыхай, а вечером к тебе рвется какая-то Маргарита Сергеева, пропустить или как?

— Рита?! — глаза Воронцова открылись шире. «Там... во сне, бабушка говорила, что Маргарита придет».

— Представилась Маргаритой Алексеевной.

— Где она сейчас?

— Домой уехала. Всю ночь просидела в приемнике, не смогли выгнать домой. Я ей сказал, что тебя, может быть, вечером из реанимации переведут.

— А она что, сказала, что вечером приедет?

«Дед» с интересом остановился в дверях:

— А-а-а-а... вот и горячая точка! А волновать она тебя слишком не будет? — «дед» покрутил пальцами с левого бока.

— Меня уже пора и поволновать. Сами сказали, что я уже в строю.

— Ты не шути! — предупредил «дед». Гормон твой и убить может.

— Да, ладно, Александр Степанович, такого-сякого ничего не будет. Здесь-то!

Игорь впервые за многие дни по-детски лукаво улыбнулся и, забыв, что ему угрожает смертельная опасность, спросил:

— Встать-то я потихоньку могу, чтобы умыться-побриться?

— Силен конь! Ну, ладно уж, жди свою Маргариту, но подниматься не вздумай. Понял? А то я все визиты враз отменю. Ты меня знаешь! Герой-любовник... Вообще-то, я бы себя тоже не хоронил.

Денис с Татьяной пришли с полными пакетами.

— Весь день я хотела снять эти колодки, — Таня сбросила в палате туфли и по-хозяйски стала выкладывать на

прикроватную тумбочку виноградный сок, персики...

— Куда вы столько притащили?! Мне вставать нельзя.

— Ничего, пап, ты понемножку-понемножку, так скорее поправишься.

— Ну вот, теперь я буду к тебе в больницу приходить, — Татьяна расположилась на стуле, в изголовье кровати и вытянула вперед ноги.

— Не надо ко мне часто приходить. Я скоро оклемаюсь и выйду. Не устраивайте здесь цирк. Цирк у нас на Буденновском.

— Уже шутишь? Хорошо, отец, раз в день мы тебе будем приносить покушать.

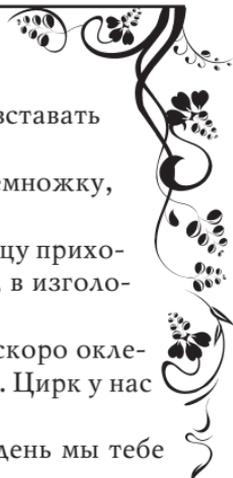
— Знаешь, лучше помоги мне побриться. Там в туалетной комнате должны быть точно бритвенные принадлежности.

— Ты куда это собираешься? — игриво вертит головой Татьяна. — Посмотрите на него, он уже хорохорится!

— Я здесь работаю. И коллеги не должны меня видеть в непотребном виде.

— А коллеги что, больных людей не видят? Они не знают, как выглядит больной человек? что он может потеть, сесть? — стрекотала она станковым пулеметом, — тут она набрала воздуха, чтобы продолжить. — И потом, почему, собственно, ты должен помолодеть? Ты не мальчик. Ты уже пожилой мужчина и вполне соответствуешь своему паспорту. Седина, морщины, огузки на теле не портят пожилых людей.

— Слушай, Тань, ты правда считаешь меня пожилым человеком?

— А ты всё хочешь вертеться, как молодой, прожив такой исторический отрезок времени? Всё. Отговорила роща..., — ухмыльнулась она.

— Ты что, радуешься моей беспомощности? — скорманно улыбнулся Игорь супруге.

— Не радуюсь, а думаю, что все стало на свои места. Теперь-то ты никуда из дому на ночь глядя не уйдешь! Теперь у тебя, слава богу, режим будет. Будешь ценить мою заботу и семейный уют, — положение ее ладоней на талии указывало на ее семейные притязания.

— Пап, давай будем бриться: вот я все принес.

— Я сам. Зеркало поддержи!

Воронцов, не торопясь, побрился и вытер лицо и шею влажной салфеткой.

— Как я выгляжу?

— Very well! — Денис поднял вверх большой палец.

— Денис, купи мне, пожалуйста, влажные салфетки и дезодорант в аптеке на первом этаже.

Денис убежал вниз. Воронцовы остались вдвоем. Татьяна села рядом с Игорем на кровать и потянулась поцеловать его.

— Не надо. У меня, как у пожилых людей, импотенция.

— Издеваешься? Ладно, я только в лобик поцелую.

— В лобик целуют не пожилых людей, а мертвых. Таня, не трогай меня, пожалуйста.

Татьяна отодвинулась на край кровати:

— Я думала, что у нас с тобой, Игорь, опять все будет, как в нормальных семьях.

— Ты опять ищешь прошлое? Его уже нет. — Его долгая привязанность к нужному моменту исчерпала себя.

— Ты из сострадания терпишь меня?

— Не прикидывайся.

— Я не прикидываюсь, я не понимаю тебя, — накрашенные глаза подернулись холодом. Она действительно не понимала размеров принесенной им жертвы.

Но после минувшей ночи у Игоря Александровича Воронцова установились свои отношения с жизнью. ТАМ он понял ее вкус.

«Я убила Игоря. Собственным проклятым языком.

Опять четырнадцатое июня. Когда-то в этот день я потеряла одного родного человека, а сегодня другого.

Я была безжалостна, как старая дева. Ненавижу себя».

Он дремал, когда вошла Маргарита.

— Игорь..., — голос ее задрожал.

Он резко попытался приподняться на локтях, но на лбу сразу выступила испарина.

Она подошла к его кровати, опустилась на колени, взяла его руку и прижала к щеке.

— Ты не думай, что я лгал тебе, — поспешил оправдаться Игорь. — Я был уверен, что положение скоро исправится. Я хотел им помочь, я должен был так поступить. А время все уходило и уходило...

Она слегка прикрыла его рот ладонью и, не в силах найти какие-нибудь слова, просто помотала головой. Он понял, и слезинка скатилась из его левого глаза по щеке:

— Я был глуп и не считал дни...

Она подседа к нему на кровать и коснулась губами его мокрой щеки:

— Я пришла рассказать тебе на ночь сказку.

— Принцессу на горошине?

— Нет, эту ты знаешь, я проверяла. Я расскажу тебе другую. Хочешь?

— А она с хорошим концом?

— С хорошим.

— Тогда хочу.

— Тогда слушай... В давние-предавние времена жила-была женщина. Она была молодая и красивая, добрая и мудрая, гостеприимная и щедрая.

— Такая, как ты?

— Слушай и не перебивай.

Он кивнул головой и закрыл глаза.

— Ну, вот. А некоторых людей гневил ее человеческая красота. «Почему она не такая, как мы? — затевали они свои злые сплетни. — Нечего ей делать в нашем поселке», — и они прогоняли ее прочь.

— Песня есть такая «Потому что нельзя...».

— Я не буду продолжать, если ты будешь баловаться.

И уйду.

Он крепко сжал ее руки.

— Слушай внимательно. Это непростая сказка.

... Женщина приходила к другим людям в поисках жизни. Но там повторялось все сначала. И всегда находились те, кому она была неприятна. И те ее снова гнали от себя прочь.

Однажды она не выдержала и спросила злодеев, чем она так рассердила их. Вместо ответа они сбросили ее с высокого моста в реку.

Прошли годы, и про лежащую на речном песке женщину забыли даже столетние старики.

Приняла ее лишь одна река. Она не превратила ее в русалку, не надела ей на шею жемчужные ожерелья, не подарила богатые одежды. Грозная и суровая для людей, река украсила мерцающим блеском ее волосы и кожу, и они стали голубовато-прозрачными. Теперь ей не могли причинить вреда ни шторм, ни крупные рыбы, ни люди. А еще, за то, что женщина не пыталась выбраться из плена и мстить людям, как все привидения, река полюбила ее и сохранила ее добрую человеческую душу.

Рыбачили в этом месте редко. Но в хорошую погоду нашелся один смельчак, который уплыл на своей лодке далеко от берега. Говорят, что он никого не любил и у него было жестокое сердце.

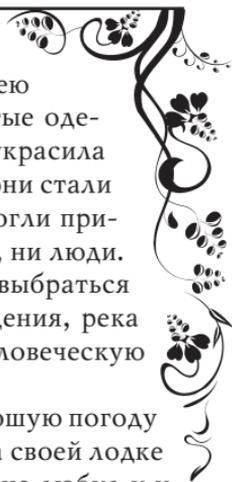
Он сидел со своей удочкой долго, пока леска не начала дрожать. Он потянул за нее, но не мог вытащить большой груз, который зацепился за его крючок. Он дернул еще сильнее, и на поверхности воды показалось мерцающее обнаженное тело женщины.

«Утопленница!» — испугался рыбак, бросил удочку и стал грести к берегу. Но крючок прочно зацепился за цепкие водоросли, обвивающие ее стан, и она безропотно последовала за его лодкой.

Он в ужасе обернулся и посмотрел на воду. Она плыла, и ее глаза — живые человеческие глаза — с надеждой смотрели на своего спасителя. Он подумал, что сама Смерть преследует его, и его охватил ужас.

«Вот уже берег, — нетерпеливо вскидывал он весла. — Почему же она никак не отстанет от меня? Неужели она хочет забрать меня в ад?»

На берегу он бросил весла, схватил свою удочку и побежал. Он не догадался, что именно удочка держит и не

отпускает призрачную женщину. А она догоняла его, и ее дыхание он постоянно чувствовал за спиной. Чем быстрее бежал он, тем быстрее бежала за ним она.

Он прибежал к себе домой, захлопнул дверь и бросился лицом в подушку. Он лежал в темноте и плакал от бессилия. Он не заметил, как уснул, и как прошла ночь.

Она тихо-тихо просидела всю ночь, боясь заговорить с человеком, потому что он мог опять сбросить ее с моста — тогда ее душа исчезла бы навсегда.

Среди ночи он проснулся. Его лачуга освещалась кротким светом, источаемым призрачной женщиной с человеческими глазами. Она сидела в углу кровати и испуганно смотрела в его сторону.

«Нет, у Смерти не может быть таких глаз», — поборол рыбак свой страх и, сжавшись над ней, аккуратно накрыл своим одеялом.

Потом он подумал о чем-то печальном, и в его глазах блеснули слезы. Призрачная женщина прикоснулась к его глазам и стала пить его слезы. Пока она пила, ее мерцающий образ медленно превращался в плоть.

Рыбак и не заметил, как она вновь обрела телесную человеческую силу.

Она встала с кровати, встряхнула роскошными волосами и предстала перед ним во всей своей красе. Потом она запела песню, и сердце рыбака стало горячим и чувствительным. Впервые он почувствовал, что жизнь обрела цвет. И они вместе пошли на берег реки, соединили свои тела и души без боязни исчезнуть в пучине реки.

Игорь медленно водил большим пальцем по Ритиной ладони.

— Я все бежала, бежала, бежала, чуть было не оттолкнув свою любовь. Я боялась.

— Предательства? — он провел рукой по его подбородку.

— Непрерывности ночи и дня. Перехода в мир фантазий. Я боялась вложить в свою надежду смелость.

— А теперь?

— А теперь я готова остаться, даже когда все кричат: «Беги! Так не принято! Это неправильно!» Теперь я — мудрый рыбак.

— Что я тебе скажу, Воронцов. Дурак ты, да еще дипломированный и остепененный!

— Ну хоть сейчас не ругайте, Александр Степанович!

— Тебя бы матом покрыть! Молчи и слушай.

«Дед» выдержал паузу для интриги. А потом хитро посмотрел на Игоря:

— Ты говоришь, Андриевский хитроумную операцию потянул? От рака вылечил? Черта с два! Каким он был, таким он и остался — хе-рургом. Резать он может и шить. Но чтобы от рака печени избавиться?.. Это сказка!

— Ничего не понял. Александр Степанович, у Вас к нему давнее предубеждение. Борис...

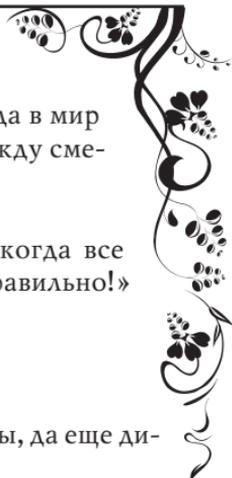
— А я сказал, сказочник твой Борис. Надул он тебя с Танькиным раком и всё.

— Но я сам видел послеоперационные результаты.

— Ты видел! У тебя же голова совсем другим занята была. У тебя любовь-морковь! А я разобрался... Мне интересно стало, как это Андриевский так заблестал, вот я и влез в твою историю.

— Так что все-таки случилось?

— Не было у твоей Татьяны никакого рака! И всё!

— Как не было? А что ж за операция тогда была?

— Была операция. Только по удалению эхинококковой кисты. Ты ж хирург Воронцов, ты — хирургиче! И тебя так облапошили!..

— Подождите, Александр Степанович, а результаты лаборатории?

— А ты присутствовал, когда заключение писали эти самые лаборанты? Не присутствовал! Ты в другой больнице сам за операционным столом стоял. Ты своих больных с того света вытаскивал. Ладно, чего уж теперь говорить!

— Нет, Вы мне скажите, зачем он меня обманул? Почему не сказать, как есть?

— Вот уж не знаю точно. Но думается, что дело было так. Предварительные анализы показали рак, а лабораторные исследования в ходе операции — эхинококкоз. Такое иногда бывает. А отступить нашему «светиле» очень не хотелось. Он ведь там, в качестве заведующего, на одной веревочке болтается. Ему сейчас позарез необходимо выпендриться. Вот он и решил блефануть. Да еще и рак печени излечил! Это как раз идет к его вящей славе.

— Подлость какая! Как Вам удалось это узнать?

— Как-как... Слухами земля полнится. У меня в лаборатории свой человек есть. Только не спрашивай, кто именно. Все равно не скажу.

— А источник надежный? — в тон ему спросил Игорь.

— Еще какой надежный! Можешь не сомневаться.

— Да это же уголовщина! Мне как-то не верится.

— Вот, понимаешь, Гоша, и мне кажется странным, как Андриевский, он же осторожный, как змея, мог на такое пойти. Притом, зная, что и ты не пекарь, не шах-

тер. Если всплывет, то что тогда?! Нет, ну как ты мог так влипнуть?

— Постепенно, думаю.

Когда Татьяна вошла в палату, Игорь сидел на кровати с газетой.

— Привет! Тебе уже разрешили сидеть?

— Разрешили, привет, — он свернул и отложил газету в сторону.

Она под села рядом и чмокнула его в щеку. В ее ушах блеснули бриллианты.

— Охрененные сережки! Откуда они у тебя?

— Нравятся?

— Нравятся. Где взяла?

— А я нравлюсь?

— Таня, не съезжай. Откуда у тебя эти серьги?

— Думаешь, что любовник подарил? Надеешься, что я опять куда-нибудь денусь?

Игорь нетерпеливо поморщился: «Сначала из нее рвалась заботливость, а теперь она исполняет другие мелодии».

— Выменяла. На то старье, что у тебя валялось за книгами в шкафу.

«Она сбыва украшения моей матери, купленные на семейные крохи?!» — он не мог не волноваться.

— Материно золото?!

— Ты прям, как про клад — золото. Кольца обручальные, цепочку и три пары сережек. Тоже мне — золото! А что с ним делать еще? — она приблизилась к его щеке. — Золото надо носить, а не в тайниках хранить.

— Это память о маме. Ты почему не спросила меня, можно взять или нет?

— А что спрашивать-то? У нас одна семья. Да и потом, ты же ее украшения носить не будешь. Что я, должна дожидаться, когда невестка их заберет? — каркнула она.

«Какой же я глупец! Она всегда так: что взять, то одна семья, что дать, то мое», — едва сдерживаясь, подумал Игорь, и внешне спокойным голосом спросил:

— Какие у нас еще изменения?

— Пока никаких. Ну, не обижайся, пусик.

Вошел Денис:

— Здравствуй, папа! Как ты?

— Ничего, сынок, нормально.

— Так что, ты на меня не сердисься? — Татьяна кокетливо выставила вперед плечо.

— Так, ладно об этом, — сразу переключил тему разговора Игорь. — Вот что, Таня. Мы с тобой должны еще раз пройти обследование.

— Зачем? Я планово наблюдаюсь у Бориса Леонидовича. И чувствую себя лучше, не то, что раньше.

— Я врач. Я знаю, что хорошо и что плохо. Я договорился с главврачом онкоинститута, чтобы он посмотрел твой рубец на печени.

— Правильно, мама. Надо советоваться с разными специалистами, — сын не понял хода отца, и он не знал, что никакого рубца на печени не может быть: отец просто пугал мать.

— Вот именно. Например, меня это никогда не задевало, — Игорь искал в своем сотовом телефоне чей-то номер.

— Но зачем?.. Я не понимаю, почему я должна опять терпеть весь этот ужас.

— Весь ужас ты терпеть не будешь. Самое простое обследование, — Игорь был непреклонен. Таня подумала, что он таким образом хочет от нее избавиться на сегодня и многозначительно сказала:

— Сначала я должна посоветоваться со своим лечащим врачом, а уж потом идти в онкоинститут. Ты не обижайся, но мой лечащий врач — Андриевский, а не Воронцов.

— С твоим лечащим врачом я решу вопрос.

— Мам, давай я тебя сейчас отвезу. Это быстро, результаты, может быть, будут попозже. Соглашайся.

— Я никуда сейчас не поеду. Ты что, не видишь, что он нас выталкивает отсюда, — глаза агрессивно зыркнули на сына, а потом на мужа. — Ты кого здесь ждешь? Кто сюда сейчас должен прийти, что ты меня готов в онкологию отправить поскорее?

Игорь нажал тревожную кнопку, и в палату вбежала испуганная приземистая медсестра.

— Все в порядке, Лена. Пригласите, пожалуйста, ко мне Александра Степановича.

— Точно все в порядке? — Лена посмотрела на внезапно примолкнувших родственников.

— Все в порядке.

— Зачем ты вызываешь главврача? — Татьяна остолбенела.

— Ну, раз ты не хочешь ехать в онкоинститут, мы сделаем исследование здесь, у нас, а результаты уже попросим прокомментировать ведущих онкологов.

— Ты неугомонный, как я посмотрю. Подумай сейчас о своем здоровье, а не о моем.

— Ты даже себе не представляешь, как я сейчас думаю о своем здоровье! Даже не представляешь!

— Сынок, ты его понимаешь? Ты понимаешь своего отца?

За то время, пока родители жили вместе, Денис, хотя и не понимал многого, но вжился в роль профессионального миротворца:

— Не беспокойся, сейчас все прояснится.

— Отец, тебе звонил Андриевский?

— Куда он ему звонить будет, в реанимацию что ли? — одернула мать.

— Почему ты настаиваешь на повторном обследовании мамы? — у Дениса заходили желваки.

— Не торопи меня. Я жду Александра Степановича, — Воронцов-старший выглядел вполне спокойным, и Денис расслабился.

Дедов не заставил себя ждать. Он поставил стул посредине и заполнил своим раскатистым голосом всю палату:

— Здравствуйте всем! Ты мне уже нравишься, Игорь. Так держать!

— Стараюсь Александр Степанович, оправдать вложенные в меня усилия. Но меня беспокоит одно обстоятельство. Я недавно узнал о том, что в отделении Андриевского нет условий для проведения качественного лечения. Как бы мы не пропустили развитие болезни Татьяны. Мне необходимо обследовать ее повторно. Можете?

— Какой вопрос? Конечно, Таня мы тебя со всех сторон проверим, как надо. Выясним всё!

Татьяна побелела:

— Вы что, с ума сошли? Мне не нужно никакое обследование. Я не буду его проходить!

— Если ты, Танечка, здорова, мы скажем тебе в сей же миг, — «дед» встал с места и обнял Татьяну за плечи. — Пойдем со мной.

Денис не понимал срочности обследования, но решил не вмешиваться в дела профессионалов. Татьяна сначала замерла, а потом взгляд ее переполнился страхом и она вырвалась из объятий «деда»:

— Я не пойду с Вами! Не надо мне обследоваться здесь! У меня свой врач, он и будет меня обследовать! Отстаньте от меня, — она дернула ручку двери, а та оказалась запертой — «дед», входя, машинально повернул язычок замка. С Татьяной началась истерика:

— Вы сговорились уничтожить меня! Вы что такое задумали?! Избавиться от меня?

Денис рванулся к ней и схватил ее за руки:

— Мама, ты что?! Опомнись! Это только обследование и все! Тебе никто ничего не сделает!

— Не сде-е-е-лает!— кривляясь, передразнила его Татьяна. — Мне и так никто ничего из вас не делает. Вы меня готовы сбegrить куда угодно! А квартира твоя, — Татьяна в ярости хотела кинуться на Игоря, но ее крепко держал сын, — кому достанется, сыну, или твоей шлюхе? Она уже и расположилась там: я сразу нашла ее кофту. Вот так пришла на все готовое — и на тебе! Посмотрела, что богатый мужик, и вцепилась мертвой хваткой! А мне, значит, — пошла вон?! Я что — рожей не вышла?! Или я не терпела все твои выходки и выходки твоих родителей столько лет?!

Дедев уже сбивал пузырьки с вершинки ампулы, намереваясь успокоить супругу Воронцова с помощью инъекции.

— Великий доктор Воронцов! — бушевала Татьяна. — Какой ты, на пса, великий! Всю жизнь жили с тобой, перебиваясь, чем попало. Ни за границу не съездить, ни в ресторан спокойно не сходить — все звонки, звонки, звонки. Всем плохо, одной мне — и так сойдет! «На, собака, блин, да не гавкай!».

«Дед» попал в самую сердцевину бразильского кино и, пересев на кровать Воронцова, в изумлении тарасил глаза. Воронцов тоже был в театре. Несколько минут назад его бывшая была само бриллиантовое очарование. Теперь ему хотелось громко крикнуть: «У этой женщины в дорогих сережках — ничего нет общего со мной!». В полуживом нетерпении он произнес:

— Таня, прекрати юродствовать, из тебя обличитель зла не получится.

Игорь понимал, и его неожиданный план моментально понял «дед»: никакое обследование, конечно, может ничего и не показать. Надо блефовать. Его блеф стал ключом к разгадке: «Татьяна знает, что у нее не было рака. Значит, у нее был сговор с Андриевским. Это она уговорила Андриевского облапошить меня и сына. Все это время она играла роль. Надо вывести ее из роли. Но ее надо дожать. Пусть побудет самой собой. Андриевский не расколется ни за что».

— Таня, не устраивай здесь базар. Я видел твои снимки и уже консультировался с онкологами. Я всё знаю.

Она среагировала, раздулась от ненависти и выразилась прагматично и убого:

— Мне плевать, что ты знаешь. Ну знаешь, и знай. Только из квартиры, из нашей, между прочим, я не уйду. Куда мне идти? В материну квартиру? Держи карман шире! Я на тебя в суд подам!

Финальная сцена Игоря тоже не удивила своей новизной:

— Ты вон на ладан дышишь. Так хоть сына пожалей. Он у тебя один. Я хочу, чтобы ему квартира досталась, а не пропала даром. — Вниманием публики к сыну она обычно привлекала симпатию к себе.

— Вот ты его и пожалела бы, — кипящая волна глости сдавила Игорю глаза.

«Дед» солидарно сжал руку Воронцова, его пышные усы задвигались. «Ну и сволочь эта бабенка!», — думал он.

Татьяна уже выдохнула свою злость, и без укола немного обмякла. Но она стояла у окна, по-прежнему, готовая к самозащите. Сын в ужасе переводил взгляд с отца на мать, ничего не понимая. И это чрезвычайно радовало Игоря Воронцова: «Денис-то, слава богу, не при чем!»:

— Не было рака, Денис. Была эхинококковая киста, которую просто удалили, и все. Был обман. Мать сейчас очень хорошо себя чувствует. Если не будет жрать непрожаренное мясо, пить и курить, то проживет долго.

Нарыв вырвался наружу. Татьяна с шулерской легкостью тут же пожертвовала своим партнером:

— Это Андриевский, я не виновата. Он предложил такой диагноз...

— Мама, тогда расскажи всё как есть.

— Видите ли, Татьяна Герасимовна, наступает время, когда актеры должны показаться публике без грима.

— Что ты несешь, какая публика?

— Сейчас увидишь. Я звонил Андриевскому и просил приехать.

Воронцов уже набрал номер Андриевского и ждал ответа.

— Алло, Борис Леонидович, уже здесь? Заходите, пожалуйста. Ждем!

Наступила пауза ожидания.

В дверь уважительно постучали, потом с разрешения вошел Андриевский.

— Здравствуйте, мои дорогие.

— Здравствуй, Боря, — «дед» показал ему рукой на свободный стул. — У нас консилиум.

— При закрытых дверях? — слащаво произнес Борис Леонидович.

— А зачем нам всех оповещать — не война! — отрезал «дед».

— Так-так, ну и что тут у вас стряслось на этот раз?

— Ты скажи нам, Борис Леонидович, прямо. Была ли раковая опухоль у Татьяны Герасимовны Воронцовой? — Игорь, несмотря на больничные условия, выглядел решительно.

— Ах, вот, значит, по какому вопросу Вы хотели со мной проконсультироваться, Игорь Александрович!.. Я думаю, что Ваши опасения уже позади, мы ее победили. Но внесите ясность, почему Вы спрашиваете именно сейчас? в чем такая срочность?

— Давай, Борис, колись, — вмешался «дед».

— А Вам-то, Александр Степанович, что за нужда знать обо всех наших бедах?

«Дед» пришел в качестве полномочного представителя и уходить не собирался:

— Меня влечет врачебный интерес. Тут вот гражданка говорит, что Вы ее обманули по всем статьям. Вот и разрешите наш спорный вопрос, любезный.

Татьяна пыхнула и глазами показала Андриевскому на Дедова.

— Право, мне как-то не с руки оправдываться в своих действиях. Я советовался с Татьяной Герасимовной, прежде чем огласить окончательный диагноз.

— То есть ты обманул меня по ее просьбе, — конкретизировал Воронцов.

— Я сказал, что я посоветовался с...

— А, по-моему, это называется уйти от ответственности! Посоветовался он! — завелся «дед».

— Что Вы молчите, Татьяна Герасимовна! — вспыхнул Андриевский. — Скажите им, как Вы меня убеждали, что моя ложь спасет Вашу семью. Теперь Ваша очередь спасти мою репутацию!

— Ничего я не буду говорить. Всё это гребаная брехня! — Татьяна схватила свою сумку и выскочила за дверь, заметив, что Андриевский, входя, не запер ее.

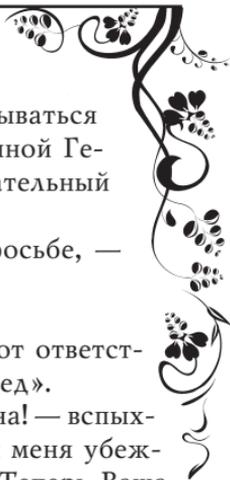
— Не стала она спасать твою репутацию! А репутация для тебя, Борька, — средство заработка, — заржал главврач.

— Да кто Вам позволил?! Я что здесь — крайний? — Андриевский собирался выйти из палаты. «Дед» остановил его своим коронным окриком:

— Стоять! И сидеть, пока я не разрешу тебе уйти отсюда. А уйдешь — сегодня будешь в тюрьме! Ты не имел права врать, ты обязан диагноз как положено ставить и записи вести не бредовые!

Денис отвернулся к окну как оглоушенный.

— Коллеги, у вас претензии ко мне излишние. Операция состоялась, морфологических изменений печени на сегодняшний день нет. Ну, эхинококкоз, ну и что теперь?

Главное, что Татьяна Герасимовна жива-здорова. А в остальном... медицина бессильна.

Наша медицина перекинула ногу за ногу и отбила пальцами по столу бетховенскую тему судьбы:

— Татьяна Герасимовна узнала свой точный диагноз сразу после операции. Видите ли, я не считаю нужным скрывать от своих больных диагнозы. Я сказал, как есть. Сначала мы думали, что это рак, а потом, во время операции, была выявлена эхинококковая киста. И все. Что вы еще хотите знать?

— Что она такое сказала, что ты, Борис, пошел на преступление, потянув и лабораторию? — «дед» решил докопаться до истины.

— Татьяна Герасимовна сказала, что не будет жить, если Игоря Александровича с ней не будет. Пусть даже из жалости.

— Прямо у тебя на глазах она покончит с жизнью? заранее объявив об этом?

— Александр Степанович, мне, как и Вам, искусственно повышенные показатели смертности не нужны.

— Дело, значит, в показателях. Или в побуждении? — «дед» всегда дотошен.

— И в показателях тоже. — Андриевский перевел взгляд на Воронцова. — Игорь, я не вижу пострадавших. По-моему, у тебя вполне семейный вид. Семья заботится: соки-фрукты, простыни домашние.

— Да хрен там у него семейный вид! Расстроенный у него вид, не видишь, что ли?

— А я при чем?

— При соучастии в шантаже. Вот при чем!

«Дед» произнес зажигательную речь.

— Господи, какой ужас! Что Вы такое говорите! Ну зачем всё так усложнять, коллеги. Что касается меня,

то мои действия обеспечили нужный результат: я пообещал вылечить пациентку, я ее вылечил... Неужели неважно то, что она себя нормально чувствует в результате моей помощи? — он привык к скандалам и хорошо знал, как из них выходить.

Все разом замолчали.

Молчание прервал Андриевский:

— Ну, теперь мне пора. К сожалению, я не могу позволить себе тратить время на пустопорожние разговоры.

Выяснение отношений исчерпало себя. Та максималистская доля правды — спасение жизни путем лжи — уже поставила точный диагноз: человек меряет жизнь поступками. Он живет упрощенными истинами. Бог ему судья.

Пока Игорь думал, с чего начать разговор с сыном, заговорил Денис.

— Отец, я привык, что мы — семья. Что теперь?

— Ты стал взрослым, сын. Даже слишком быстро.

— Можно тебя попросить...

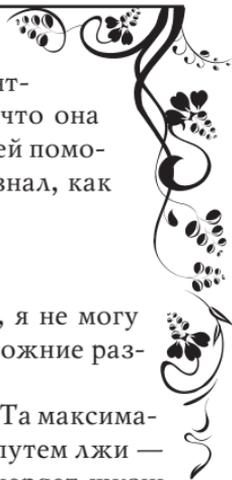
— Нет, не проси. — Он стал непреклонен, хотя таким не казался.

— Да я не об этом. Я хочу работать вместе с тобой. Не прогонишь?

— Ты сначала диплом получи. А потом поговорим с «дедом».

— А он не будет против, как ты думаешь?

— Александр Степанович? А почему он будет против хорошего специалиста?

— Ну да. А «дед» классный! Ты думаешь, я буду хорошим специалистом?

— Что тут думать?! Только попробуй фамилию осквернить!

Снова повисла пауза. Теперь ее оборвал Игорь:

— Вечером придет Маргарита Алексеевна. И она будет приходить каждый день.

— Я понял.

— Я не хочу, чтобы ты встречал ее враждебно.

— Я понял.

— Лучше помоги мне, пожалуйста!

— Что ты имеешь ввиду?

— Наверное, ты считаешь, что мне не стоит начинать строить жизнь заново?

Денис молча подернул плечом.

— Кто знает, как надо жить? Я, действительно, похож на желтое осеннее дерево.

— Отец, давай без литературы!

— Слушай меня! Что ты перебиваешь?

— Ну, хорошо, ты — дерево. А для меня — дерево красиво во все времена года.

— Красиво. Только осенью у дерева никогда не бывает зеленых листьев. Я буду просто шуметь своими седидами, пока они все не осыпятся... Знаешь, как страшно, когда просыпаешься и понимаешь, что мечта могла осуществиться, но по стечению неожиданных обстоятельств она не исполнится никогда. И может быть, за меня ее осуществит кто-то другой... Но мне по счастливой случайности дан шанс. Наверно Богом, а?

— Ты хочешь попробовать начать сначала?

— Нет, я начну. А почему я не должен начать? Если бы у нас с Маргаритой Алексеевной была разница в возрасте или достатке, или мы как-то зависели друг от

друга, твой вопрос был бы уместен. А у нас ничего нет общего, кроме чувств: мы не работаем вместе, у нас взрослые дети, которых не надо поднимать на ноги. Мы просто подходим друг другу и все.

— Я понял. Для души и тела.

— А почему мы должны жить, не потакая душе и телу?

— Ну, хорошо, а в чем тебе нужна моя помощь? не мешать?

— Я хочу твоего взрослого понимания.

— Ты хочешь, чтобы мы ушли из твоего дома?

— Я сам уйду из дома. Я не вернусь туда. Живите там. Только документы и вещи мне привези. Вот список.

Денис забрал список и направился к выходу. В дверях он повернулся к отцу и, чувствуя недосказанность, спросил:

— А ты станешь бездомным?

— Я найду себе другое жилье, — Воронцов смотрел на сына без обиды.

— Папа, ты хочешь перечеркнуть прежнюю жизнь? Ты не можешь простить, что мать обманула нас с диагнозом? Но, честное слово, я не понимаю, чего ты так распалился с этим диагнозом. Борис Леонидович прав: она, слава богу, жива.

— Да бог с ним, с диагнозом. Я не могу простить, что она обманула мои надежды, что я принял ее за другую женщину.

— Когда это она была другая? В молодости, что ли?

— Нет. Когда я очень ждал, что она и есть та самая настоящая принцесса.

— Отец, ты говоришь, как на телевикторине. Я не понимаю, настоящая принцесса... Бред какой-то!

— Ладно, сынок. Прожив такой исторический отрезок времени, как говорит твоя мама, — ты хочешь, чтобы я остался в твердом уме? Наверное, мой рассудок несколько помутился. Тем более, мне надо поскорее забыть все плохое, что было в прежней жизни, чтобы вовсе не свихнуться. Но знаешь, в моей жизни было и хорошее, зачем же перечеркивать все? У меня есть ты, я не хочу тебя потерять. Я хочу гордиться тобой.

— Гордиться? Значит, если я не взлечу высоко, ты будешь считать, что я обманул тебя?

— Ты не обманешь. Это очень важно, не обманывать, пойми! Мне очень важно знать, что у моего рода есть продолжение — долгая жизнь.

*Глава 12.
Надежда
крылата*

Ворота не будут запираются днем, а ночи там не будет.

Откр. 21, 25

2 августа 2009 года, воскресенье

«Моя жизненная ситуация приобрела зеркальность. Но я ее не боюсь. Совсем необязательно, что со мной повторится все то, что случилось в прошлом.

Летний вечер пригибает зной к земле. Сколько лет я не уезжала никуда из дому? Семь? И я бы ни за что не поехала в Кисловодск одна! Но сегодня я с удовольствием сажусь в поезд, чтобы ненадолго вернуться в этот прекрасный город. До санатория близко, всего одна ночь пути, но мы с Игорем будем далеко от своих житейских проблем. Мы не устали, хотя и долго томимся от череды неприятностей. Поэтому мы не хотим покоя, а хотим радости.

Игорь оформил развод с Татьяной, и 24 июля мы поженились. Расписались и потанцевали в ресторане очень узким семейным кругом. Без помпы, без традиционных телеграмм-поздравлений и претенциозных подарков. Без смокинга и бабочки. Без фаты и белого платья — символов смерти прежней жизни. Маленькое черное платье, под Коко Шанель, мне теперь очень к лицу.

Наше свадебное путешествие только начинается. Мы его придумали вместе. Вернее, его устроило время.

Какой сказочный запах вокзала! Запах перемен, быстротекущей жизни, новизны! В воздухе повис женский голос: «Поезд четыреста пятьдесят три Москва-Кисловодск прибыл на первый путь».

У нас места в вагоне СВ. Поезд набирает скорость, стараясь поскорее прибыть в Кисловодск: «Тук-тук...тук-тук... тук-тук...»

Дверь купе плотно закрыта. Мы вдвоем. Мы погрузились в долгий поцелуй».

«Вчера позвонила отцу и сообщила, что вышла замуж. В конце недолгого разговора папа расчувствовался и смог сказать только:

— Я очень рад, Ритка... рад.

— Твое воспитание — ничего не поделаешь, — бодрым голосом я решила победить накатившую волну смущения.

— Я всегда знал, что ты в нашу породу. Ты звони, Рита, звони чаще, ладно? — тон стал осторожнее.

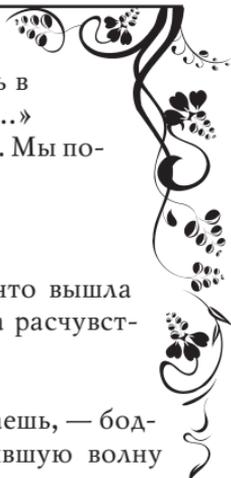
— Ладно, папа, я скоро обязательно позвоню, — пристыжено пообещала я.

— Я люблю тебя, — его голос звучал очень далеко, но импульс родной крови мерно стучал в моей груди.

Душевная глухота моей неопытности прошла:

— Я тоже тебя люблю, папа».

Вероятно, Денису и Алексею бескомпромиссно хотелось, чтобы родительская опека продолжалась подольше. Объявление о бракосочетании не вызвало восторгов ни с одной, ни с другой стороны. Тогда, в ресторане «Усадьба», на свадьбе их родителей они сдержанно пожали друг другу руки, а потом отвернули головы. Не от бессознательного соперничества. В мыслях плыло и уплывало их прошлое, минуя верстовые столбы, каждый из которых памятен.

Алексей, тщетно скрывая эмоции, уточнил у матери:
— Надеюсь, мы будем видеться часто?

Денис, находясь под влиянием предшествующего разговора с отцом, скрыл свои эмоции:

— Поздравляю! — а потом все-таки добавил. — Желаю, чтобы вы не разочаровались друг в друге.

Их дети уже поняли, что стоят на развилке дорог — в прошлое, в настоящее, в будущее. Первые две дороги ровные и гладкие, окаймленные изумрудными полосками безмятежности. А третья похожа, но похуже — с разбросанными до горизонта кирпичами. Кто знает, какой из этих кирпичей получится дом? Но как раз эта дорога самостоятельной заботы о себе и сделает из них настоящих людей.

Как привычно принимать заботу! «Почему ты без шапки в такой мороз?.. Ужинать будешь?.. Как дела в институте?.. Почему ты не сказал, что придешь так поздно?.. Ты влюбился?.. Ты можешь мне помочь?.. Ты где?..» — но эти вопросы, адресованные им, из их прошлой жизни. Это больно, но они останутся в их памяти. В будущем они сами будут задавать эти вопросы, за которыми ЕСТЬ глубоко скрытая тайна любви. Но они еще не знают об этом.

Они не понимают и того, что духовная связь с любимыми не прерывается никогда, и биологическая и духовная границы относительны. Дверь общения с ними всегда открыта. Даже за чертой жизни.

Ему 46 лет, ей 42 года. Об их возрасте часто говорят: «Прожита большая часть жизни». Они не часто вспоминают эту часть. Но не потому, что лишились памяти. Или потому, что им страшно оглянуться назад. Нет ни амнезии, ни неврозоз.

Рассеялись как осенний дым мысли о невыполненных до конца брачных обещаниях. «Я буду любить тебя всю жизнь!» — сказал когда-то каждый из них другому человеку. Их обещания были пылки, искренни, тверды. Они говорили так, когда были юны, полны сил и планов на будущее.

Часть их будущего сбылась. Их дети выросли и стали хорошими людьми. Каждый из них построил свой дом, как считал нужным. Они держали свои семьи чувствами и рассудком.

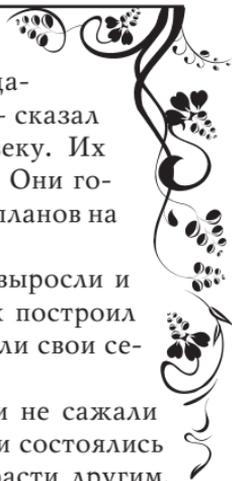
Они не были занятыми садоводами и не сажали пресловутое дерево жизни буквально. Они состоялись в другом ремесле и помогают цвести и расти другим. И деревья их шелестят буйной зеленью.

Значит, они ответственно выполнили половину своих брачных контрактов.

Но откуда им было знать в той, прошлой жизни, какими они станут потом? Они клялись своим супругам в верности до гроба от лица своего будущего. Не зная себя в будущем! Не зная, что изменит их.

Они изменились почти до неузнаваемости. Сейчас — это другие люди. И на новом жизненном пороге, когда реализовалось их прошлое «Я», они встретили другое будущее и другую любовь.

Можно ли считать, что они обманули своих близких, нарушив моральный обет любви до собственной смерти? Ноуменальность (читайте: непознаваемость) каждого из нас отрицает ко всему прочему еще и постоянный ствол дерева породы Человек. Сумма ощущений и жизненных уроков изменяет этот ствол не единожды за отведенный нам срок, оставляя лишь его сердцевину — невидимый

дух. Невидимость сердцевины не означает ее отсутствие, как и отсутствие самого главного жизненного начала.

Иногда наши жизненные видоизменения называют ролями. Жизненные роли такого-то или такой-то. Но это не точно. Роль не есть жизнь в полноте бытия. Роль — это попытка обмануть собственную природу. И она куражится над этими жалкими потугами.

«Вы говорите, что ваш характер предопределен и останется неизменным? Попробуйте сыграть жизнь по этим правилам, — смеется Время, — и вы увидите, что из этого получится!». И вот оказывается, что играя роль, оставив неизменным свое отношение к этой роли, человек фатально застревает на одном понравившемся когда-то образе. Ригорист, ведущий правильный образ жизни. Муж, приверженный к пивной. Жена, отслеживающая похождения мужа. Актер, исполняющий роль простака. Учитель, увязший в дидактизме. Они думают, что переиграют Время. Но они ошибаются, принципиально сохраняя предопределенность и всю жизнь исполняя один лейтмотив. Крейсер Аврора — это тоже лейтмотив, но это музей. И нельзя сказать, чтобы в этот музей ломились. Они зря думают, что судьба человека заложена а priori. Не таков был завет.

Время предоставляет нам шанс поиграть понравившуюся роль с другими партнерами: «Что вы теперь скажете в других жизненных обстоятельствах?» Ригорист станет навязывать свой образ жизни другим, пианиста сменит компанию, глупая супруга будет держать в черном теле нового избранника, как и предыдущего, актер утонет в одном амплу, учитель будет учить детей разных поколений с позиций одной методики. Раньше бы сказали: «Под одну гребенку», а теперь кому-то и неизвестно, что такое гребенка, их нет у нас. Реликты необратимо-

го прошлого вызывают снисхождение, привычку, недоумение, но не желание соучастия. А потому все эти несчастные задаются риторическим вопросом «Почему мне не везет?»

А в какие двери вы ломитесь? В нарисованные???

Но в нас изначально заложены более сложные формы зрения мира и возможность самим стать художником своих декораций и режиссером собственной многоактной пьесы. «Хотите прожить жизнь, а не играть что-то вопреки вашим возможностям? Хотите научиться иным формам восприятия или воспринимать жизнь более интенсивно? Смелее вперед!» — зовет нас Время. И тогда самые смелые и сильные делают иной, лучший и противоположный «удобному» выбор. Ломая собственные характеры так, что не успевают заметить, как, когда, почему, зачем стали абсолютно другими, они спохватываются: «Почему стали другими наши партнеры по театру жизни?». И тут, глядя в зеркало, они констатируют, что уже не способны исполнять прежние надуманные роли с теми же характерными чертами. Они живут, а не играют жизнью. Они становятся стремительны и интонационно богаче. Это и есть совсем другая жизнь.

Люди уникальны памятью «тех себя», кто болезненно, кто не очень, и осознанием собственного творчества. «Видите, — подбадривает их Господь время от времени, — ничего плохого с вами не случилось! Вы не потеряли свою человеческую целостность, вы не нарушили психологическую цепочку «прошлое-настоящее», но теперь вас не давит память несовершенных позитивных поступков и последствия оптимального режима «удобно». Вы — свободны!».

Когда Игорь лежал в больнице, они с Маргаритой листали семейные альбомы и рассматривали свои юные лица, совсем не похожие на них нынешних:

— Отгадай, где здесь я? — он ткнул пальцем в старый групповой снимок.

— Вот этот?

— Не-а... Вот, смотри! Неужели не узнала?

— С гитарой???

— Это я в десятом классе. У нас был школьный ансамбль, я на басу играл.

— Вот это новость! Значит, ты был артистом? И сейчас на гитаре играешь?

— Нет. Да у меня и гитары нет. Да какая гитара? Ты представляешь меня после работы с гитарой?

Она иронично помотала головой:

— Не хватает воображения.

— Вот. А я играл.

— Игоречек, а у тебя волосы разве вьются? Ты тут с такой завивкой...

— Раньше больше вились. Зимой шапку снимаешь, а под ней волосы наверх закручивались, как в модной тогда причёске «сессун». Это сейчас распрямились... Красивый был, да?

— Ты знаешь, а я бы не сказала.

— Да ты что?!

— Честно. Я бы тебя не выбрала тогда: мне другого плана мальчишки нравились. Зато сейчас ты...

— А что изменилось-то?

— Да все! Здесь ты какой-то робкий, худенький...

— Робкий? С гитарой? Ты что! Да я был в центре внимания! Мне записки с признаниями девчонки писали.

— Все?

— Ну, не все, конечно. Но мне писали.

— Ну, не знаю. Мне ты прошлый — не нравишься. Мальчик Лель... А вот сейчас... совсем другое дело.

— И что же тебе сейчас во мне нравится? Смотри, у меня морщины, кожа уже не та, вес неспортивный. Я вредный стал. И больной...

— А взгляд другой. Уверенный в себе, мудрый, спокойный. Брутальный! Нет, сейчас ты — настоящий.

— Я и раньше был настоящий. Я стал другой. Наверное, потому, что все клетки моего организма уже несколько раз заменились новыми.

— А клетки все-все заменяются? Точно ничего старого не остается?

— У мужчин точно. Раз в семь-восемь лет. Наверное, остается только у женщин. Женщины как-то умудряются сохранять свои прелести. Вот ты, наверное, совсем не изменилась?

— А вот и нет. Изменилась. Еще как. Вот посмотри сюда. Але...хоп!

Фотография шестнадцатилетней девчушки с круглым подбородком, смущенной улыбкой, челкой и кудряшками вокруг лица появилась перед носом Игоря.

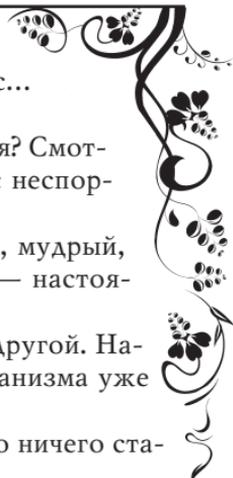
— Я эти фотографии никому не показываю, — прокомментировала Маргарита свой снимок с выпускного вечера.

— Ну и правильно, — подытожил Игорь, и мгновенно скрученная в трубочку газета щелкнула его по лбу.

— Нет, я просто хотел спросить, а где глаза у этой девочки? — продолжал он куражиться.

— Отдай сюда! Нечего меня критиковать!

— Нетушки! Мне досталось, а теперь тебя обсудим. Вот смотри: такие прически были тогда не модны. Поче-

му у тебя — будущей актрисы театра — была немодная прическа?

— Потому что назло отцу челку отрезала и «химию» сделала, чтобы не быть похожей на него. Дай фотографию!

— Назло? А-а-а-а... вот еще что мне сразу не понравилось: ты здесь злюка.

— Отдай мне фотографию, я ее порву!

— Ну чего ты надулась сразу, — он сунул фотографию под подушку. — Мне все равно, какая ты там раньше была. Главное, что сейчас ты красивая. И добрая. И сексуальная.

«Надолго ли эта идиллия!» — скажут пессимисты.

Может быть совсем ненадолго.

«Да можно ли дважды прожить жизнь?» — будут задаваться вопросом скептики.

А помните суровый реализм: «Жизнь дается один раз, и прожить ее надо так....»?

А может быть, у них уже есть этот нелишний шанс выпрямиться и посмотреть в Небо, минуя приземленность мыслей и дел. Конечно, им все равно будет казаться, что для этого мало времени. Но главное, чтобы их пленка времени поместила побольше счастливых кадров.

«Здравствуй, город любви! За это время здесь так много изменилось. Город стал современнее. Строятся новые корпуса здравниц, растут уютные веранды кафе. До неузнаваемости изменился особняк Кшесинской. Может его кто-то даже выкупил в собственность?

Неизменным остался тонкий цветочный аромат Долины роз, созданный для двоих. Почти месяц мы будем

вдыхать прозрачный, прохладный, вечный и мудрый горный воздух, смешанный с ароматом цветов.

По утрам я сопровождаю Игоря на все процедуры, а пока жду его, веду дневник. Он знает о ежедневнике в кожаном переплете с кнопкой на боку и называет его семейным эпосом. Он даже предложил украшать его фотографиями:

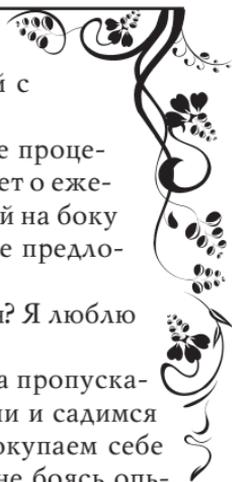
— Почему твой эпос не иллюстрирован? Я люблю книжки с картинками.

Вечером мы на гребне восторга! Иногда пропускаем несолено-неперченный ужин в санатории и садимся за столиком в каком-нибудь кафе. Мы покупаем себе по бокалу красного выдержанного вина, не боясь опьянеть и надеть глупостей, шашлык, фрукты, конфеты, пирожные — нарушаем диету! — и любуемся чудесными пейзажами.

К нам подходит фотограф, предлагает сфотографироваться на память, и мы позируем ему.

— Будьте здоровы! — каждый вечер желает нам новый фотограф, и мы суеверно плюем через левое плечо и отвечаем: «Вашими молитвами!».

Таких фотографий у нас уже девять штук. Здесь мы просто вместе сидим на скамье, прилежно, как пенсионеры. А здесь мы идем с водопоя из Нарзанной галереи по бульвару. На этой фотографии он мне говорит: «Давай переедем жить на этот маленький Арбат». А вот — «Я люблю мороженое»; это его собственнические — «Это моя гора!» и «Это моя женщина!». А на этой фотке я ему отвечаю: «Не форсируй события!»; а здесь я, как из голодного края: «Я обожа-а-а-ю шашлык!». А на одном из снимков — мы целуемся, и подпись: «Мы — не преступники!».

Однажды наше возвращение «после одиннадцати» застучал главврач санатория:

— Какого лешего Вы, Игорь Александрович, допоздна бродите! Супруга Ваша молодая (!), не понимает, а Вы-то должны знать, что у Вас строгий режим. Почему Вы его не соблюдаете? Я за Вас нести ответственность не хочу!

Главный врач знает нейрохирурга Воронцова и уважает его. А говорил так больше для острастки. Игорь в ответ сыграл тяжело болящего:

— Ой, да что же Вы так кричите! Я ведь все назначенные процедуры принимаю. Уже и существенные улучшения есть. А Вы сейчас все испортите, если у меня давление поднимется на нервной почве. Я чувствую, что уже поднимается. Наверное, уже 200... нет, точно 220! Вот теперь уж Вам придется отвечать по полной программе!

Главврач смутился и утихомирился:

— Ну, хотя бы по ночам не бродите, мало ли что...

И мы стали осторожней пробираться поздними вечерами в свой корпус».

«Игорь не стал возвращаться туда, где жила его ложь. Он отдал квартиру на улице Зорге Денису и Татьяне.

Мы с Игорем переехали в квартиру Лидии Григорьевны, в самом начале Ворошиловского проспекта. Эта квартира помнит хорошие минуты, она была добра к нам. Мы не хотим ее бросать. Окна ее в трехчетвертном повороте смотрят на юго-восток. Там — Дон и восход солнца. Это как открытая дверь в алтарь — рай, по космологической схеме находящийся на востоке. Вся наша мебель и все узлы с вещами стоят пока хаотично. И это, между прочим, уже не раздражает моего педанта. Я вспомнила, как он пришел в отчаяние, когда я переложила его вещи

с места на место. А теперь он спокойно доводит до сведения:

- Вообще-то вещи должны быть на своих местах.
- И не отклоняться от привычного курса?
- Ну, разве что ненамного.
- Врачи бы назвали эту болезнь...
- Они бы сказали, что невроз навязчивых состояний у меня почти исчез.

Возьмемся в Ростов и начнем обустриваться. Наклеим новые обои, чтобы быть во времени, постепенно сменим мебель. А сейчас мы восстанавливаем свои силы и медленно ходим по терренкуру к Храму Воздуха. Строим планы, как будем отделять свой райский уголок:

— Что если гостиную сделать в абрикосовом, а спальную в пастельных тонах. Голубом, например? — предлагаю я. — Спокойный цвет, умиротворяющий душу после нашей с тобой сумасшедшей рабочей деятельности...

— Абрикосовое ничего, нравится, а идея с пастельными красками... Мы застрянем в этом умиротворении! В спальне надо подумать о вишневой гамме. Это место любви, а не покоя. Мы купим жалюзи цвета вишневой пенки! Представляешь, как будет здорово?

Расцветаящая мечта!»

«30 июня 2009 года у Алешки и Светланы родилась дочка. Игорь теперь всем говорит: «Я женился на бабушке!»

Роды у Светочки были очень тяжелые, и мы двое суток переживали за нее и ребенка. Слава богу, все обошлось.

Хороший подарок Светлана сделала Алешке к окончанию института — 50 см, 3400 г!

Они дали ей имя Владислава. Влада, Владушка, Ладушка. Оладушек — румяный и пышный. Мы по очереди с мамой, Светланой и Алевтиной выскоюкиваем с внучечкой свои не до конца реализованные родительские чувства: «Масенькая, девотька кусает холосо, будет здооенькая, класивая-класивая...». И каждая из нас говорит: «Как жалко, что у меня только один ребенок!» Может быть, Сергеевы исправят эту оплошность?

Ребенок, по всей вероятности, будет творческим — по ночам не спит. Кряхтит, сопит, жаждет внимания и питания. Молодежь с непривычки от обязанностей устает. Но не ссорится.

На помощь опять пришла моя добрая, славная мама. Еще во время Светланиной беременности она заявила им сразу:

— Сергеевы! Хотите бабушку-выручалушку? Заберите меня поближе к себе или сами переезжайте поближе ко мне!

При общем согласии остановились на варианте «все на Соборный». Двор хороший, вещей меньше тащить в другой район. Алешка — умница, нашел самый подходящий вариант купли-продажи, и обмен уже состоялся. Вобщем, теперь они живут так же, как мы когда-то — на разных этажах в одном доме.

«Даже на отдыхе болтаю Игорю о своих выпускниках, о непослушном 11 «Б», который мы, по традиции, на теплоходе «Анатолий Осенний» всем педколлективом школы проводили в большое плавание.

Теперь без моих заводил мне будет скучно на уроках. Я плакала, они — мой первый в жизни класс — утешали, что будут постоянно навещать...

Они убедили, что моя работа нужна. Хотя на филологический в ЮФУ будут поступать только двое — Хмарин Денис и его пассия Катя Бережнова. И то на журналистику. Остальные кто куда: в военный институт, в железнодорожный и строительный университеты, институт физкультуры и спорта, экономическую академию, кто-то в колледжи города, а только потом в вузы. Такой получился расклад.

Как же так? почему те, кто занимался в драматической студии, явно тяготел к творчеству, не идут в учебные заведения культуры? Ведь раньше об этом мечтали все девчонки и мальчишки — быть артистами!

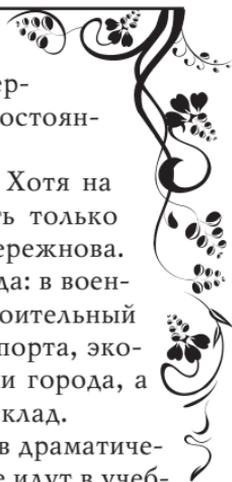
Откуда пришел к нам этот рационализм? Или мы были слишком рациональны?

Но может быть в далеком будущем и мой портрет в музее школы появится среди «добившихся значительных успехов в городе и стране».

Это были приятные часы, разбередившие корешки моей души.

Тогда и выяснилось, наконец, все. Или почти все. Кто подрисовал усы, рога и уши к портретам кандидатов в депутаты Законодательного собрания и кто придумал закрывать темными очками глаза на висящем над доской портрете Николая Васильевича Гоголя, когда расходились мнения на уроке.

Оказывается, художественное творчество — коллективное. Причем сменного состава. Поучаствовали почти все.

А вот патент на оригинальную затею с очками держал в своих руках... — Прыщ! Высказать вслух собственное мнение он побаивался, играя роль простоватого малого. А показать, что болит — сообразил. На то он и Прыщ. А может, если все взвесить, то идея — гениальна? Самое интересное, что об этом знали только Химик и Хмара. Они высокие и иногда помогали ему дотянуться до портрета.

Моя театральная жизнь приобрела сверхтеатральное значение. Я ставлю сказку и верю в нее больше всех. Здесь, в стенах школы, незаметно мое «Я» трансформировалось в «Я-и-они». Они мне тогда здорово помогли адаптироваться в школьной жизни! И теперь от «Мы» пахнет коллективом.

Драка Хмарина с Паршиным положила конец затяжному конфликту. Метод наведения порядка в классе Хмара выбрал тогда непедагогический, но он оказался действенным и начал нашу демократию.

После случая с перевыборами старосты мать Яковлевой притихла и больше не обращалась с жалобами на учителей. Как-то приходила ко мне, но уже в обличье жертвы: мол, трудно им с Катей вдвоем. «А на что же вы живете?» Она сообщила, что является директором фирмы, но там у нее управляющий, поэтому у нее много свободного времени: «Деньги у нас есть...» И это тоже позади: «Уважаемые родители, мы возвращаем вам ваших детей... с благодарностью».

Если бы не сложные педситуации, неумышленно подкинутые ими, не знаю, осталась бы я в школе, или вернулась по предложению директора театра в свою прежнюю студию.

За то время, о котором мы можем теперь сказать: «Это было в далеком прошлом!» мы выпили «Шампан-

ское», которое Арам привез на теплоход «целий два яш-щика». И когда через несколько часов, наговорившись, заплакавшись и признавшись друг другу в самом сокровенном, мы побрели домой в единственной в году ростовской белой ночи, мы понимали, что завтра начнется будущее.

О нашей современной школе говорят, что это — просто ужас. Думают со страхом — «что ждет Россию в будущем?», «потерянное поколение»...

Поколение непростое. В конце года у нас был классный час в форме пресс-конференции на тему: «Я, десять лет назад и сейчас». Я думала, ну, сейчас Гоголь зашорится.

— Как это десять лет назад? — не поняли они.

— Вы можете мне задать вопрос, а отвечать на него я буду так, как будто я на десять лет моложе, а потом сравню с собой теперешней. А потом вы по очереди будете отвечать на каверзные вопросы друг друга, договорились?

Молчат в нерешительности.

— Сколько вам было десять лет назад? По шесть-семь лет? Вот и вспомните, как вы реагировали на неприятности и радости в 1999 году.

— А зачем это? — задумались они.

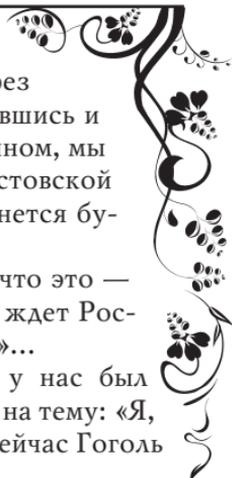
— Мы с вами проверим, как изменяется с годами человек. Что для него исчезает, а что приобретает значимость.

Начали с меня. «Лес» рук, но отвечаю только на один вопрос:

— Вы были счастливы, Маргарита Алексеевна?

Все примолкли.

— Мне кажется, не вполне.

Молчат и слушают.

— Всего десять лет назад я не знала, что счастлива. Не ценила то, что имела. Мне хотелось больше, больше, больше. Но получив некую желаемую порцию нового счастья, я хотела чего-нибудь еще. Теперь, я поняла, как была мелочна тогда и как счастлива сегодня. Счастье зависит от желания и самоощущения.

Потом отвечали они. Серьезные. Ироничные. Доверчивые. Беспокойные. Обидчивые. Настороженные. Навивные. Щедрые. Взрослые.

Дети периода дефолта, демографической ямы, одиноко кричащие в полупустых родильных домах в 92-93-м годах. Они тоже герои своего времени. Они помогали выжить своим родителям в «войне» их поколения. Дети, ответственные за продолжение нации и не имеющие права на моральные срывы. Потому что их мало.

Но они, в общем-то, такие же, какими в детстве были мы. Все они разные! Есть ребята с тяжелыми характерами, разгильдяи из трудных семей, есть любимчики мам и пап, есть вполне самостоятельные личности, есть супер-талантливые ребяташки... Охарактеризовать их в целом можно так: нуждающиеся в нашей помощи. Чем дальше мы от них бежим, тем агрессивнее они нас догоняют.

Что значит «они» или «мы»? «Они» — это будущее. Очень смелое, напористое, задиристое, ершистое, трудно понимаемое. Но без «них» мы не можем освоить сотовые телефоны и видеоплееры. «Как мне сделать звонок беззвучным?» — спрашивает мама дочку. А та ей сразу: «Поставить на беззвучный режим — решеточка в нижнем углу». Мама снова: «Я нажала, не получается». А дочка: «Так ты нажми и поддержи кнопочку».

Мы обращаемся к «их» умениям быстро разбираться в компьютерах, ноутбуках, нетбуках, интернете, без чего

уже немислима наша работа. В общем, понимать будущее. Без «них» мы — в прошлом.

В этом-то и есть многие «мы». Чудаки, которые боятся будущего.

Но другого выхода, кроме как полюбить его, у нас нет. А при таком ракурсе жизнь может быть очень даже интересна.

Да, она другая, не такая, какой была раньше. Но она так хороша!».

1 сентября 2009 года

«У Игоря еще не закончился отпуск, а у меня начался новый год с новым пятым «Б» классом.

После Урока знаний за мной в школу заехал муж, и мы с огромной охапкой цветов отправились на Братское кладбище навестить наших бабушек. Мы остановились на проспекте Нагибина, вошли в открытые ворота и настроились на долгие поиски. Недалеко от центральной аллеи Игорь сжал мою руку: «Вот моя!». Но оказалось, что рядом и моя. Они умерли в один год и похоронены рядом (мама как-то называла фамилию бабушкиной «соседки!»). Старые черный и серый мраморные памятники стандартного образца семьдесят третьего года, заросшие бурьяном минувшего лета, встретили нас улыбающимися женскими портретами. На фотографиях юности, небезмятежного, но самого счастливого их времени, одна была в военной гимнастерке и пилотке, а другая в блузе до подбородка с длинной жемчужной нитью.

Мы решили, что это они — Валентина Дмитриевна Воронцова и Наталья Станиславовна Чуднова — походятайствовали у Бога о нашей встрече:

— Конечно, Бог таким красавицам не смог отказать!

— Ну, если так, то наша семейная жизнь будет долгой! В знак возмещения их нескладной любви.

В Свято-Вознесенском храме, маленьком и каком-то домашнем, который расположен прямо на кладбище, тишина. Литургии не было, в книжной лавке мирно дремал молоденький служака, круглая старушка в белом платочке перед Образом Богородицы собирала оплавленные свечи, в глубине храма моложавый священник тихо говорил с укутанной в бело-серую ткань прихожанкой.

Мы остановились под куполом, никто не остановил, что «без платка нельзя». Помолчали о своем... *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, грядый судити живых и мертвых, помилуй нас, грешных, прости грехопадения всей нашей жизни, и имиже веси судьбами сокрый нас от лица антихриста в сокровенной пустыне спасения Твоего.* Поставили самые большие свечи за упокой душ усопших и за наши надежды.

А потом нас благословил иерей отец Николай. Он казался мне очень знакомым — широкая улыбка, непослушная светлая прядь челки... Меня он не узнал, значит, я обозналась?.. Но в его взгляде и обращенных к нам с Игорем словах — «Постарайтесь быть счастливыми» — мне вдруг увиделся мой давний попутчик в Кисловодск — Николай.

— Мы постараемся! Хотя бы потому, что на нас смотрят наши потомки. Пусть им не будет стыдно за нас!».

Что ждет их дальше? Это зависит только от них. Они — режиссеры своего бытия. Ясно только одно: всем нашим делам уготовано долголетие.

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1. Дневник Маргариты Сергеевой.....	7
Глава 2. Из жизни Володи Сергеева	36
Глава 3. Непредвиденные декорации	55
Глава 4. Учительские импровизации	83
Глава 5. Новая встреча.....	118
Глава 6. Летние фантазии.....	147
Глава 7. Школа благоразумия	182
Глава 8. Напряжение сил.....	218
Глава 9. Крутые повороты.....	245
Глава 10. Ох, уж эта любовь!.. ..	276
Глава 11. Второе дыхание жизни	302
Глава 12. Надежда крылата	331

Марина Сычева

Нарисованные двери

Роман

Редактор Н. Лучинкина
Верстка М. Курузьян
Художник В. Жаренов

Подписано в печать 20.03.2011.

Формат 70х100 $\frac{1}{32}$.

Тираж 500 экз. Заказ №

«Издательство БАРО-ПРЕСС»

344018, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 81, офис 40

8(863) 269-53-21, 234-39-38

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАОр «НПП «Джангар»
358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Ленина, 245

